

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (72) — 2014

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.

Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (72) — 2014

Founded by Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.521(=602)-529

А. Х. Абазов

«БРАК УМЫКАНИЕМ» КАК ИНСТИТУТ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Изучение института «кражи невест» как элемента соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. является важной исследовательской задачей ряда отраслей современной историко-этнологической науки. В рамках юридической антропологии разработка этого вопроса способствует более глубокому пониманию особенностей правовой аккультурации обычаев и традиций кабардинцев и российских законов, а также характеристике обстоятельств и условий появления новых социальных норм, регулировавших общественные отношения на локальном уровне. С позиции женской истории народов Кавказа исследование поставленной проблемы имеет важное значение для определения специфики трансформации гендерных статусов традиционных обществ в условиях изменения законодательной базы Российской империи.

В историографии проблемы можно выделить несколько работ, авторы которых характеризовали различные аспекты регулирования гендерных отношений в традиционном кабардинском обществе (Г. Х. Мамбетов [13], С. Х. Мафедзев [14], З. М. Налоев [15], Х. М. Думанов [7, 9], Б. Х. Бгажноков [4], И. Л. Бабич [25], Л. Х. Сабанчиева [20, 21] и др.). Некоторые из них затрагивали и вопросы кражи невесты как формы заключения брака. Исследователи считали, что брак умыканием имел место тогда, когда родственникам жениха не удавалось достичь согласия со стороны девушки или ее родственников. Между тем, как отмечал Г. Х. Мамбетов, «в отдельных случаях похищение инициировалось с согласия девушки или с ведома кого-нибудь из ее родственников, если между родителями не была достигнута договоренность или родные девушки не желали родниться с данным женихом или семьей» [13, с. 212]. Большинство исследователей характеризовали обычай похищения девушек с целью вступления в брак как аномалию, нарушение норм обычного права, одно из оснований возникновения кровной мести.

Анализ источников показал, что определенные изменения в системе регулирования семейно-брачных отношений у кабардинцев произошли в связи с очередным принятием в 1885 г. ряда дополнений в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845). По действующим на тот период законам кража невесты признавалась противоправным способом вступления в брак и составляла группу преступлений против брачного союза, объединенных в «Уложении...» (в редакции 1885 г.) в раздел XI «О преступлениях против прав семейственных». В одном из таких дополнений устанавливалось, что с этого времени споры, связанные с «похищением девушек для вступления в брак», не могли быть урегулированы примирением сторон [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 114].

Такие изменения вызвали определенный резонанс на Северном Кавказе, где брак умыканием во все времена считался достаточно распространенным явлением. Во второй половине 80-х гг. XIX в. после продолжительной переписки начальника Терской области с начальниками Нальчикского округа и Сунженского отдела на съездах доверенных сельских обществ был принят ряд важных решений. Так, в 1887 г. съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ принял особые правила, которые предусматривали денежные штрафы в отношении организатора и соучастников похищений девушек с целью вступления в брак. Решением съезда было установлено, что «для прекращения обычая похищения молодыми людьми с целью достигнуть этим согласия девицы и ее родителей на брак с общего непринужденного согласия постановили: молодых людей, похитивших девушку с целью вынудить согласия ее и ее родителей на брак, подвергать штрафу в пользу общественной суммы в размере 200 рублей, хотя бы после увоза девушки и последовало согласие на брак со стороны невесты и ее родственников» [там же, л. 71—71 об.]. Было решено подвергать похитителя дополнительному денежному взысканию независимо от того, привлекался ли он до этого к ответственности в судах общей юрисдикции. Также устанавливались штрафные санкции и в отношении соучастников кражи невесты [там же]. Кроме того, «за увоз обвенчанной девушки не женихом — подвергнуть штрафу в размере 200 рублей и на лицо должен быть составлен общественный сельский приговор о ссылке из общества, соучастников увоза подвергнуть штрафу 100 рублей каждого» [там же]. Примечательно, что сословный статус похищенной женщины в данном случае не учитывался.

Этот приговор был утвержден начальником Терской области 12 января 1888 г. В дальнейшем принятые правила конкретизировались на локальном уровне в зависимости от составов съездов доверенных. Следует учитывать, что принятие таких императивов не должно было противоречить российскому законодательству, а их действие распространялось на территорию, на которой располагались делегировавшие доверенных сельские общества.

Необходимо отметить, что такие меры наказания функционировали и в рамках традиционной соционормативной культуры кабардинцев до их включения в правовую систему Российской империи и не воспринимались обществом как новаторство. У кабардинцев издавна существовала мера наказания под названием «кьуажэдэху», которая представляла собой изгнание из населенного

пункта человека, совершившего преступление [2, с. 211]. По сути, это был вид наказания за преступления, производный от изгнания из общества. С укрупнением аулов в 60-х гг. XIX в. преступников иногда изгоняли за пределы аульных кварталов (жэмхьата) [16, ед. хр. 12, л. 2]. В последней четверти XIX — начале XX в. этот вид наказания применялся по решению сельских сходов или сельских судов. В большинстве случаев выселение из аула применялось в отношении мелких воров [там же, л. 14], но в правоприменительной практике кабардинцев были случаи применения данного вида наказания и в отношении похитителей невест. В отличие от традиционных форм изгнания из общества преступников, в конце XIX — начале XX в. изгнанного из селения могли принять на прежнее место жительства по решению сельского схода в том случае, если он прекращал преступную деятельность или истекали сроки изгнания [там же, л. 15].

В данном случае особый интерес представляет нормотворческая деятельность съезда доверенных сельских обществ как института местного самоуправления, который функционировал в некоторых округах и отделах Терской области в последней трети XIX — начале XX в. Некоторые сведения об этом институте содержатся в работах Ж. А. Калмыкова [11, с. 105—120], Г. Х. Мамбетова [13, с. 164—169], Х. С. Кушхова [12], Б. А. Хромова [24], Ю. Д. Анчабадзе [1], Д. Н. Прасолова [17, 19] и др. Съезд доверенных представлял собой коллегиальный орган. Каждое сельское общество делегировало на него, как правило, двух избранных на сельском сходе представителей. Поначалу на таких съездах решались в основном хозяйственные вопросы [13, с. 165] и проходили выборы судей и кандидатов в судьи окружного суда [23, ф. И-2, оп. 3, ед. хр. 11, т. 1, л. 4 об.; 19, с. 168]. В последней трети XIX — начале XX в. компетенция этого органа была значительно расширена. Так, на съездах доверенных осуществлялись «избрание депутатов Нальчикского горского словесного суда, надзор за расходом Кабардинской общественной суммы, на средства которой содержались должностные лица окружного суда, лесничества, поземельные депутаты, Нальчикская горская школа, оказывалась поддержка студентам, обучающимся в учебных заведениях России, и решались многие другие вопросы местного благоустройства» [19, с. 168]. Все решения заносились в специальную «приговорную книгу», подписывались всеми участниками съезда и приобретали юридическую силу после их утверждения начальником Терской области [13, с. 167].

Механизмы формирования новых социальных норм на съездах доверенных и формы их внедрения в правоприменительную практику в современном кавказоведении изучены недостаточно. Наиболее обстоятельное исследование принадлежит Д. Н. Прасолову, который в одной из своих работ подробно рассмотрел деятельность этого органа по регламентации и регулированию поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX — начале XX в. [19]. Он отмечал, что «решениями съезда доверенных вырабатывались условия адаптации традиционных распорядков землепользования к новой социально-экономической и политической ситуации» [19, с. 169]. Особенностью съезда доверенных являлось то, что он не был организован по чисто административному принципу [там же]. Д. Н. Прасолов писал, что «в его работе не участвовали

представители русских и казачьих общин Нальчикского округа. Наименование — Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и пяти горских обществ — отражало не административную принадлежность съезда, а этнический состав его представительства, выходящий за рамки существовавших в определенное время административных единиц» [там же]. Через эту деятельность, как установил Д. Н. Прасолов, «были реализованы соционормативные механизмы по адаптации системы землепользования кабардинцев и балкарцев к новым социально-экономическим условиям» [19, с. 170].

Все это имеет определенное значение и при исследовании особенностей влияния съездов доверенных на трансформацию гендерных статусов в кабардинском обществе в последней четверти XIX в. Это явление можно подробно охарактеризовать на основе анализа общественного приговора, принятого 20 февраля 1890 г. на съезде доверенных от девяти сельских обществ Малой Кабарды, которая в то время входила в состав 1-го участка Сунженского отдела Терской области [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 103]. Основной повесткой дня на этом съезде стало обсуждение вопросов о кражах кабардинцами девушек с целью вступления в брак.

В ходе работы съезд принял ряд правил, которые подробно регламентировали отношения в данной сфере и устанавливали, что все похитители невест и их сообщники должны предстать перед судом. За кражу незасватанной девушки с похитителя взыскивался денежный штраф в размере 200 руб., а сам он высылался из Кабарды сроком на 3 года [там же]. При этом правонарушением считался только факт похищения девушки, а ее желание вступить в брак не учитывалось. Сообщники похитителя наказывались денежными штрафами в размере 100 руб. и изгонялись из селения сроком на 1 год. Такой же мере наказания должны были подвергаться и похитители вдов [там же].

Кроме того, на этом съезде доверенные сельских обществ постановили, что за умыкание засватанной девушки следует подвергать похитителя денежному штрафу в размере 100 руб., а его соучастников — штрафу в размере 25 руб. каждого [там же, л. 103 об.].

Похищение замужней женщины признавалось отягчающим вину обстоятельством. За такую кражу, даже если женщина находилась в браке непродолжительное время, доверенные сельских обществ решили подвергать похитителя штрафу в размере 300 руб. и высылке из региона пожизненно без права возвращения. Соучастников такого похищения — подвергать штрафу в размере 150 руб. каждого и удалять из общества на три года [там же].

Представителям мусульманского духовенства запрещалось совершать религиозные браки, если украденная до этого проживала в другой сельской общине. Так, в общественном приговоре съезда доверенных от девяти сельских обществ Малой Кабарды от 20 февраля 1890 г. было постановлено, что за девушку, «увезенную по накаяху, совершенному муллою не того квартала, в котором живет увезенная, а муллою другого квартала... увезшего по неправильному накаяху девицу подвергнуть штрафу в двести рублей и удалению из общества на три года; соучастников же его штрафу в сто рублей и удалению из общества на один год» [там же]. В этом случае брак признавался недействительным.

Представителей мусульманского духовенства подвергали штрафам в размере 200 руб. и высылке из общества сроком на 3 года [там же, л. 104].

Доверенные сельских обществ постановили изгонять из региона без права возвращения тех похитителей и соучастников похищения, которые оказывались не в состоянии уплатить установленные денежные штрафы [там же].

Исполнение наказаний по этой категории правонарушений возлагалось на сельских старшин. В общественном приговоре доверенных сельских обществ особо отмечалось, что «старшины, которые по получении от начальства распоряжения о взыскании с виновных денежного штрафа не взыщут такового по своей беспечности, в силу родства и приятельских отношений или иным причинам, — платят невзысканные штрафы из своего имущества полностью» [там же].

В случаях, когда у ответчика не было достаточных средств, чтобы уплатить штраф, ответственность налагалась по принципу круговой поруки на имущество всей его семьи. Все штрафы должны быть взысканы в пользу общественных сумм тех селений, из которых будут производиться кражи девушек с целью вступления в брак [там же].

Данный общественный приговор был подписан всеми делегатами съезда и засвидетельствован начальником 1-го Сунженского отдела Терской области полковником Н. А. Тоновым, после чего был утвержден временно исполняющим обязанности начальника Терской области генерал-майором Н. А. Шепелевым 8 марта 1890 г. [там же]. Принятые правила стали обязательными для исполнения во всех селениях, делегировавших своих представителей на этот съезд. Кроме того, после съезда ими должны были руководствоваться и члены сельских судов, рассматривавшие дела этой категории.

Подробное исследование правоприменительной практики кабардинцев, связанной с похищением невест, осложняется ограниченностью источниковой базы. Это объясняется тем, что на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета Российской империи от 10 мая 1885 г. дела о похищении женщин с целью вступления в брак были изъяты из компетенции горских словесных судов [там же, л. 115]. В основном они стали рассматриваться сельскими судами или сельскими сходами. Некоторые сведения о сельских (аульных) судах содержатся в работах Х. М. Думанова, М. Ю. Кетова [8], Х. С. Кушхова [6], Ж. А. Калмыкова [11], И. Л. Бабич [3], Д. Н. Прасолова [19, с. 130—137] и др. Однако в них практически не затрагивались проблемы определения информативной отдачи источников при исследовании соционормативной культуры кабардинцев.

Суды (къуажэ) в кабардинских селениях были созданы на основании указа о сельском суде [22, с. 198] от 1869 г. и являлись частью судебной системы Терской области. Эта система складывалась в условиях взаимовлияния различных правовых систем (российской правовой системы, адата и шариата). При этом сохранялись некоторые институты традиционной соционормативной культуры кабардинцев и были выработаны модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. Сами же сельские суды осуществляли правосудие в основном по нормам обычного права кабардинцев. В материалах сельских судов отображались сведения об удалении из села преступников, назначении опекунов, регулировании определенной группы имущественных

споров, мелком воровстве, взыскании долгов, назначении наказаний за оскорбления и причинение телесных повреждений в драках без применения оружия. В большинстве случаев подобные сведения приходится восстанавливать на основании анализа таких косвенных источников, как апелляционные жалобы на решения этих судов, приносимые в Нальчикский горский словесный суд. Право на обжалование решений сельских судов было закреплено во «Временных правилах для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 18 декабря 1870 г. Однако в материалах горских словесных судов Терской области практически не отражены апелляционные жалобы на решения сельских судов по делам о кражах женщин с целью вступления в брак. Имеются лишь данные о немногочисленных разбирательствах по определению подсудности по этой категории дел. Например, в 1889 г. начальник Терской области отменил решение Нальчикского горского словесного суда по делу «по обвинению жителя селения Исламово А. в похищении девицы Г. с целью вступления с нею в брак», которое было прекращено в связи с примирением сторон, на основании того, что такое решение противоречит законам Российской империи [23, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 115 об.].

Таким образом, анализ правоприменительной практики, связанной с кражей девушек с целью вступления в брак у кабардинцев, характеризует некоторые особенности их интеграции в правовую систему Российской империи в последней четверти XIX в. С одной стороны, в законодательном порядке устанавливались правила и нормы поведения, обязательные для соблюдения на территории всей страны. С другой — осуществлялась рецепция некоторых не противоречащих этой системе элементов соционормативной культуры традиционных обществ, включенных в состав империи. Такая рецепция, помимо выработки новых механизмов регулирования общественных отношений, во многом повлекла за собой и трансформацию гендерных статусов в кабардинском обществе в последней четверти XIX в.

Библиографический список

1. *Анчабадзе Ю. Д.* Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. — 1920-е годы). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2012. 340 с.
2. *Апажеев М. Л., Коков Дж. Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик : Эльбрус, 2008. 704 с.
3. *Бабич И. Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860—1990-е годы). М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 239 с.
4. *Бгажноков Б. Х.* Адыгская этика. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 96 с.
5. *Бгажноков Б. Х.* Социальная организация семьи // Бгажноков Б. Х. Этнография адыгов. Нальчик : Эльбрус, 2011. 509 с.
6. *Думанов Х. М., Кушихов Х. С.* К вопросу у судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. // Культура и быт адыгов : (этнографические исследования). Майкоп : АНИИ экономики, языка, культуры и истории, 1986. Вып 6. С. 41—51.
7. *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик : Эльбрус, 1991. 262 с.

8. *Думанов Х. М., Кетов Ю. М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII — XIX в. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН, 2000. 130 с.
9. *Думэн Хь. М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр этнографии терминхэм я псалъалъэ кIэщI. Налшык : Эль-Фа, 2006. 216 с.
10. *Калмыков Ж. А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1980. С. 105—120.
11. *Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1994. 128 с.
12. *Кушхов Х. С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ // RES PUBLICA / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2003. Вып. 4. С. 22—30.
13. *Мамбетов Г. Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик : Эль-Фа, 2002. 268 с.
14. *Мафедзев С. Х.* Статус женщины в системе адыгэ хабзэ // Эльбрус. 1999. № 2. С. 198.
15. *Налоев З. М.* Культ женщины в адыгской традиции // Советская молодежь. 1990. 8 марта.
16. Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ф. 10. Оп. 1.
17. *Прасолов Д. Н.* К вопросу о правовых функциях Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX века : материалы всероссийской научной конференции, 24—26 сент. 2009 г. Карачаевск : Изд-во Карачаево-Черкес. гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2009. С. 240—245.
18. *Прасолов Д. Н.* Сельская община в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2002. С. 130—137.
19. *Прасолов Д. Н.* Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX — начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 167—172.
20. *Сабанчиева Л. Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI — 60-е гг. XIX в.). Нальчик : Эль-Фа, 2005. 246 с.
21. *Сабанчиева Л. Х.* Традиционные институты уаса (калым) и дыщырыкI (приданое) как регуляторы социальных и семейных отношений кабардинцев: гендерный подход // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX в. : материалы всероссийской научной конференции, 24—26 сент. 2009 г. Карачаевск : Изд-во Карачаево-Черкес. гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2009. С. 245—251.
22. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.
23. Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.
24. *Хромов Б. А.* «Съезд доверенных» как орган местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Сер.: Право. Нальчик, 2007. Вып. 2. С. 63—66.
25. *Babich I. L.* Women, Gender and Access to the Legal System: the Caucasus // Encyclopedia of Women and Islamic Cultures. Leiden : Brill Academic Publishers, 2004. Vol. 2. P. 170—179.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними Гражданской войны и интервенции социально-демографическая ситуация в стране резко изменилась. Ее изучение связано с определенными трудностями. В частности, по сравнению с предыдущими годами качество демографической информации заметно ухудшилось. Прежде всего, была расстроена система текущего учета населения в условиях военного времени и в результате реформ новых органов государственной власти, включавших отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения. Так, 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния, который предусматривал обязательную регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений [6, с. 247—249].

Но, несмотря ни на какие обстоятельства, от тех лет осталось немало статистическое наследие. Например, Л. И. Лубны-Герцык, изучая движение населения в 1916—1922 гг., использовал данные по 28 губерниям; В. З. Дробижев для периода 1917—1920 гг. приводил иную информацию по 16 губерниям, не считая городов [7, с. 298].

Начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. Вторую всеобщую перепись населения [12, с. 191]. Однако в указанный период в стране провели фактически две переписи населения, результаты которых были необходимы для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послевоенного государственного строительства. В 1916 г. была проведена первая сельскохозяйственная перепись, во время которой были собраны сведения о сельском и частично о городском населении; в 1917 г. — сельскохозяйственная, поземельная и городская переписи. Кроме того, в этот период проводились различные выборочные обследования, существовали также косвенные источники информации о населении: материалы Министерства земледелия, Наркомздрава РСФСР, комитетов помощи беженцам, голодающим и др.

Бесспорно, данные периода Первой мировой войны являются неполными и часто противоречат друг другу. Например, ни одна из двух переписей не охватила всей территории страны. Но, как совершенно справедливо заметил Ю. А. Поляков, «...было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции» [19, с. 105—106].

Главным показателем демографического кризиса стало резкое сокращение общей массы населения, особенно Российского Центра и Европейской России, за четыре года войны: к началу 1914 г. оно составило соответственно 54 446,5 и 128 864,3 тыс. человек обоего пола, в 1916 г. — сократилось до 50 003,5 и 97 706,4 тыс. человек, а в 1917 г. — до 43 668,9 и 81 398,1 тыс. человек. Напомним, что центральные губернии региона не являлись театром военных действий, из них шли призыв в армию и отправка на фронты «великой войны»; вместе с тем в эти годы сюда прибывали беженцы и военнопленные; все это повлияло на изменение численности и состав населения.

Первая мировая война нанесла значительный удар по уровню рождаемости в России. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых брачных союзов. Все это в скором времени отразилось на снижении рождаемости. Влияние «великой войны» оказалось куда более значительным, чем Русско-японской. Было мобилизовано 16 млн мужчин, т. е. в 12 раз больше, чем в 1904—1905 гг. Это составило 40 % всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет [9, с. 31—82, 143—190; 22, с. 11—26].

Война началась летом, и, следовательно, на численность родившихся в 1914 г. она еще не могла повлиять. Таким образом, 1914 г. в отношении числа рождений следует рассматривать как мирный год. Только с 1915 г. начало сказываться «огненное дыхание» войны.

Однако точно проследить влияние войны оказалось невозможным из-за расстройств статистики естественного движения населения в результате ведения военных действий и начавшейся общей разрухи в стране. По сделанным расчетам на основе использования различного местного материала и данных переписи 1926 г. о возрастном составе населения, динамика коэффициентов рождаемости в России в годы Первой мировой войны выражена в следующих цифрах.

Снижение рождаемости и повышение смертности наблюдалось во всех городах, но по размерам снижения они резко различались между собой. Если в Петрограде и Москве рождаемость значительно упала, соответственно с 25 до 15 % и с 31 до 14,7 %, а смертность повысилась соответственно с 21,5 до 46,7 % и с 23,2 до 29,9 %, то этого нельзя сказать о Ярославле и Саратове, где снижение рождаемости не превышало 15—25 % [22, с. 11—26]. Так как в целом рождаемость к 1917 г. снизилась почти вдвое, то это означало, что особенно резкое снижение ее было в сельской местности, в связи с тем что она больше пострадала от мобилизации, чем город.

Уровень рождаемости в годы Первой мировой войны, по имеющимся статистическим данным, снизился примерно на 45 %. Если родившихся в 1913 г. в 12 губерниях России, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных, принять за 100 %, то динамика рождений представляется следующим образом: в 1914 г. — 102 %, в 1915 г. — 88 %, в 1916 г. — 69 %, в 1917 г. — 54 % [9, с. 31—32, 143—190]. Рост рождаемости в 1914 г. объясняется тем, что в этом году рождались дети, зачатые еще в довоенное время.

Тенденции рождаемости в 1914—1917 гг., по данным текущего учета населения, представлены материалами местной статистики. Коэффициент рождаемости в Орловской губернии составил в 1917 г. 29 %. Для Саратовской

губернии имеются дифференцированные показатели по городу и селу: рождаемость в городах в 1917 г. здесь была 19,1 %, а в селах — 18,7 %. Показатели рождаемости в Ярославской губернии в городах составили в 1917 г. 31,6 %, а в селах — 25,3 % [9, с. 6—25].

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение дает анализ деформации возрастных коэффициентов рождаемости. Так, у когорты женщин 1890—1894 гг. интенсивность рождаемости в кризисные годы была значительно ниже возможной, что отразилось на повозрастном распределении рождений в последующие годы. Наиболее заметным снижением рождаемости было в молодых женских возрастах. Это подтверждается также некоторыми исследованиями (см., напр.: [5, с. 197]).

На снижение рождаемости влияло еще и то обстоятельство, что в 1917 г. в сельской местности России отсутствовало 47,4 % мужчин трудоспособных и репродуктивных возрастов, а в некоторых из них — более половины, к примеру в Олонецкой — 51,8 % [23, с. 108].

Разразившийся кризис содействовал распространению внутрисемейного контроля рождаемости, в том числе и в деревне. Так, из отчетов больниц, анкет участковых сельских врачей следует, что с 1914 г. значительно возросло число абортёв. С. А. Новосельский отмечал, что сознательное регулирование размеров семьи в этот период широко распространялось среди населения, являясь одной из причин наблюдавшегося повсюду падения рождаемости. Этому способствовало созданное войной настроение в связи с экономическим кризисом и неуверенностью в завтрашнем дне [16, с. 54].

Другой исследователь этого вопроса, А. Б. Генс, снижение рождаемости тесно связывал с распространением абортёв: «С 1914 г. ... на селе осталась громадная армия “солдаток”, потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортёв» [3, с. 58]. Иной группой факторов, снижавших рождаемость, являлся рост заболеваемости женщин, психическое напряжение, которое вызывало длительное или временное бесплодие («аменорея военного времени») [14].

Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности.

Коэффициент смертности в 1915—1917 гг. несколько снизился по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости. Поэтому для получения правильной картины уместно привести коэффициенты смертности для населения старше одного года. При таком подсчете падение рождаемости исключается лишь частично. В те годы очень велика была смертность среди младенцев, двух- и трехлетних детей, численность которых к 1916—1917 гг. значительно сократилась.

Хотя используются средние коэффициенты смертности по стране в целом, надо подчеркнуть, что они относились преимущественно к низшим социальным слоям города и деревни, составлявшим подавляющую часть всего населения. Высшие и более обеспеченные слои жили в гораздо лучших условиях, и уровень смертности у них был значительно ниже.

В годы войны наметились негативные изменения в эпидемиологическом фоне, нарастали топливный и продовольственный кризисы. Начало будущим эпидемиям положили стихийная демобилизация и беженцы, рассеявшие очаги эпидемий по всей стране. Россия пережила небывалое усиление инфекционных заболеваний, голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности [19, с. 398; 32, с. 35—39; 26, с. 45—46].

Ожидаемая продолжительность жизни для мужского населения в Петрограде сократилась по сравнению с 1910—1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1917 г. 20,5 лет [16, с. 163].

Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог сказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5 % в 1913 г. до 40,8 % в 1918 г., в Костромской соответственно с 30,9 до 49,6 %, в Орловской — с 27 до 36,4 % [8, 10, 21, 25, 28, 34].

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой. Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Петрограде и Москве. Доля умерших младенцев в 1913—1917 гг. в среднем составила в Петрограде 26,8 % к числу родившихся, в Москве — 23,8 % [18, с. 82—128].

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения. В целом по России за период с 1914 по 1917 г. включительно численность населения сократилась почти на 11 млн человек. Имеющаяся информация не дает точной картины годовой численности населения страны.

Убыль населения в этот тяжелый для людей период обеспечила отрицательный естественный прирост. Если его уровень в губерниях, Петрограде и Москве принять за 100 % в 1913 г., то в 1914 г. он составил 119 %, в 1915 г. — 73 %, в 1916 г. — 22 %, а в 1917 г. его величина впервые стала отрицательной, что явилось результатом резкого падения уровня рождаемости в годы Первой мировой войны.

Влияние войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система брони для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же лица всех мужских призывных возрастов, за исключением единиц, подлежат мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии в годы Первой мировой войны было следующим: в 1913 г. соответственно 5,9 и 7,4 %, в 1914 г. — 5,5 и 5,6 %, в 1915 г. — 4,1 и 2,2 %, в 1916 г. — 3,9 и 2,3 %. Количество нереализованных браков в губерниях России в годы войны оценивается в 1,7 млн [4, с. 43].

Крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности населения, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях — нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения. Причины такого нарушения заключаются в повышении смертности людей в период войны, и прежде всего массовой гибели молодых мужчин на полях сражений.

Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Брачность порой считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения ошибочна, поскольку снижение уровня брачности в короткий интервал времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Это легко подтвердить простыми арифметическими подсчетами. «Недород» детей в 1914—1917 гг. составил 6 млн человек, а дефицит браков — 1,7 млн. Делая заведомо неточное предположение о том, что у всех молодоженов протогенетический интервал равнялся одному году, можно сделать вывод, что большая часть «недорода» (4,3 млн) была обусловлена другими факторами.

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях России, Петрограде и Москве, за 100 %, в 1914 г. оно составило 85 %, в 1915 г. — 46 %, в 1916 г. — 44 %. В 1917 г. число браков увеличилось до 65 % [там же], видимо из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших броню.

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданских браков, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Много было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранцами и военнопленными для того, чтобы эмигрировать. Уровень разводов, следовательно, значительно возрос. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника их регистрации не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6 % в 1913 г. до 11,2 % в 1917 г. [15, с. 103].

Безвозвратные потери российской армии, которая формировалась на территории Европейской России, в Первую мировую войну были велики. Численность погибших солдат и офицеров составила, по наиболее достоверным оценкам, от 2,3 до 2,5 млн чел. [2, с. 116—127].

Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в Первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь.

В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров колеблется в опубликованных работах от нескольких сотен тысяч до 1—2 млн человек. В подтверждение этого факта приведем ряд цифр безвозвратных демографических потерь российской армии, взятых из разных отечественных источников: 511,1 тыс. человек, 562,6 тыс., 626,9 тыс., 775,4 тыс., 908 тыс., 2300 тыс., 3000 тыс. [22, с. 24—94; 24, с. 92—109].

Аналогичные расхождения в подсчете потерь российской армии имеют место и в зарубежных источниках и публикациях. Приведем здесь несколько цифр о количестве погибших российских воинов: 1290 тыс. человек, 1500 тыс., 1700 тыс., 2000 тыс., 2250 тыс., 2762 тыс., 3000 тыс. (см.: [33, с. 192—230]).

Наши исследования в этом вопросе опирались в основном на авторитетные статистические данные Ю. А. Полякова и Г. Ф. Кривошеева. Используются также и другие источники, в которых содержится базовый материал по рассматриваемой теме [18, с. 82—128; 23, с. 31—82, 143—190]. Наибольшее значение придавалось установлению количества безвозвратных потерь российской армии, в том числе по их видам и категориям военнослужащих. В обобщенном виде эти данные представлены следующими цифрами.

Из безвозвратных демографических потерь российской армии в войне 1914—1918 гг. выделим безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери. В числе безвозвратных боевых потерь было убито, умерло на этапах санитарной эвакуации всего 1200 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 23,1 тыс., нижних чинов — 1176,9 тыс.; пропало без вести соответственно 439,4 тыс., 7,3 тыс., 432 тыс.; умерло от ран в госпиталях 240 тыс., 7,1 тыс., 232,9 тыс.; умерло от отравления газами 11 тыс., 161 чел., 10 тыс. Всего безвозвратных боевых потерь — 1890,4 тыс. человек, 37,7 тыс., 1852,6 тыс.

В числе безвозвратных небоевых потерь умерло от болезней всего 155 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 10,3 тыс., нижних чинов — 144,7 тыс.; умерло в плену соответственно 190 тыс., 1,1 тыс., 188,9 тыс.; погибло, умерло в результате несчастных случаев и др. — 19 тыс., 2,2 тыс., 16,8 тыс. Всего безвозвратных небоевых потерь — 364 тыс. человек, 13,4 тыс., 350,3 тыс. В итоге суммируем все безвозвратные демографические потери российской армии — 2254,4 тыс. человек, в том числе офицеров и военных чиновников — 51,4 тыс., нижних чинов — 2203 тыс. [18, с. 82—128].

Санитарные потери армии (раненые, заболевшие, пострадавшие от газов) были колоссальными. Достаточно сказать, что только госпитализированных за время войны военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, учтено 5148,2 тыс. человек, из них раненых — 2844,5 тыс., заболевших — 2303,7 тыс. Если же учесть все случаи ранений, не требовавших эвакуации в госпитали, то число санитарных потерь возрастет еще на 50 % [24, с. 98—105].

К началу войны находились в армии и на флоте 1423 тыс. человек, в ходе войны было призвано 13 955 тыс., всего было привлечено в вооруженные силы 15 378 тыс. человек. В годы войны из вооруженных сил убыло всего 7429 тыс. человек, в том числе убито, умерло от ран, болезней, от отравления газами, несчастных случаев и погибло из числа без вести пропавших (демографические потери) 2254,4 тыс. Кроме того, находилось в лечебных заведениях (раненые и больные) 350 тыс. человек, на длительном лечении и уволено со службы по инвалидности (тяжелораненые) 349 тыс. человек. На основании постановления Временного правительства осенью 1917 г. были уволены с военной службы солдаты, достигшие предельного, 43-летнего, возраста, — 226,6 тыс. человек; оставалось в вооруженных силах на 1 сентября 1917 г. всего 7949 тыс. человек, из них: в составе действующей армии — 6512 тыс., в составе тыловых формирований и органов военного управления, подчиненных Военному министерству, — 1437 тыс. [1].

Подсчитанные численность и потери российской армии в Первой мировой войне дали возможность показать сальдо людского контингента страны, привлеченного в российские вооруженные силы.

Первая мировая война деформировала возрастную-половую структуру населения России. В отличие от возрастной пирамиды 1896—1897 и 1900-х гг., пирамида, отражающая итоги демографического развития в 1914—1917 гг., имеет «демографические ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, т. е. родившихся в 1912—1916 гг., что является следствием падения рождаемости.

Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, от меньшей сопротивляемости болезням, а также большая их доля среди эмигрантов изменили соотношение полов в общей численности населения. Если на рубеже XIX—XX вв. женщины по численности незначительно доминировали над мужчинами, то к 1917 г. этот разрыв увеличился многократно и достиг рубежа в несколько миллионов.

В 1914 г. городское население России в среднем имело следующее соотношение возрастов и полов. Так, в возрасте до 1 года (младенцы) мужской пол преобладал над женским — соответственно 18,8 и 15,2 %; в возрасте 1 года — 16,9 и 13,7 %; 1—4 лет — 73,9 и 61,4 %; 5—9 лет — 138,1 и 118,7 %; 10—14 лет — 137,9 и 121,5 %; 15—16 лет — 23,1 и 23,1 %; 17 лет — 20,1 и 23,2 %; 18 лет — 14,8 и 23,2 %; 19 лет — 10,6 и 20,6 %; 20—29 лет — 138,1 и 195,9 %; 30—39 лет — 138,2 и 132,3 %; 40—49 лет — 115,3 и 95,7 %; 50—59 лет — 79,7 и 73,9 %; старше 60 лет — 66,5 и 71,8 % [19, с. 3, 702; 29, с. 1—25, 33—57; 31, с. 1—2].

Сельское население в тот же период имело следующую возрастную-половую структуру. В возрасте младенцев представители мужского пола и здесь преобладали над женским — соответственно 19,3 и 15,8 %; в возрасте 1 года — 20,4 и 16,8 %; 1—4 лет — 99,7 и 83,7 %; 5—9 лет — 191,1 и 162,5 %; 10—14 лет — 172,5 и 141,6 %; 15—16 лет — 27,6 и 26,1 %; 17 лет — 24,5 и 25 %; 18 лет — 19,2 и 22,9 %; 19 лет — 9,1 и 18 %; 20—29 лет — 95,4 и 161,1 %; 30—39 лет — 88,4 и 110,8 %; 40—49 лет — 87,5 и 80,6 %; 50—59 лет — 66,3 и 61,8 %; старше 60 лет — 70,1 и 63,6 % [9, с. 6—46].

Возрастно-половая структура городского и сельского населения России к 1917 г. значительно изменилась. В возрасте младенцев среди горожан мужчины составляли 20,8 %, женщины — 16,7 %; среди сельчан — соответственно 29,5 и 23 %; в возрасте 1 года горожан-мужчин было 17,9 %, женщин — 14,6 %; сельчан-мужчин — 30,8 %, женщин — 24,4 %; 1—4 лет — 76,9 и 64 %; 109,7 и 87,3 %; 5—9 лет — 127,3 и 109 %; 174,8 и 142 %; 10—14 лет — 128 и 113,6 %; 162 и 131,5 %; 15—16 лет — 23,9 и 21,6 %; 27,1 и 24,8 %; 17 лет — 21,6 и 22,1 %; 22,2 и 21,8 %; 18 лет — 17,9 и 23,3 %; 16,2 и 20,3 %; 19 лет — 12,5 и 21,2 %; 6,6 и 16,8 %; 20—29 лет — 148,3 и 189,7 %; 64,7 и 146,9 %; 30—39 лет — 149,6 и 133,7 %; 97,5 и 114,8 %; 40—49 лет — 120 и 104,8 %; 101,4 и 90,8 %; 50—59 лет — 76,4 и 82 %; 76,9 и 72,9 %; старше 60 лет — 52,9 и 76,2 %; 84,9 и 82,7 % [27, с. 2—3, 6—7, 8—9, 18, 19, 22—23; 30, с. 2, 3].

Характеризуя возрастную-половую состав городского и сельского населения к 1917 г., отметим, что в деревне был гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По районам наиболее высокий удельный вес этой категории (в селах) дают Северо-Западный и Центрально-Промышленный рай-

оны, самый низкий — Центрально-Земледельческий и Поволжский районы, что явно объясняется большим отвлечением из двух последних районов мужского населения на фронт. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в младенческом возрасте, в возрасте одного года и т. д.).

В деревне, по сравнению с городом, значительно выше была доля детей в возрасте 5—9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости, особенно юго-восточные губернии Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Это превышение видно и применительно к возрастной группе 10—14 лет с постепенным снижением разницы в 16—17 лет. Переломным является 18-летний возраст, отличающийся большим удельным весом горожан.

В годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные 1917 г. показывают огромный численный перевес женщин в самых детородных возрастах.

Начиная с 19 лет наблюдается снижение удельного веса молодых мужчин, особенно в деревне (8%). Если в детских возрастных группах было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, позже преобладание женского, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин намного превышала численность мужчин. Группы возрастов 20—29, 30—39 и 40—49 лет показывают превышение удельного веса обоих полов города над деревней. Возрастная группа 50—59 лет также показывает в целом по стране превышение удельного веса города над деревней, хотя в таких крупных районах, как Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий, эти группы в городе и деревне по удельному весу практически были равными. Зато группа в возрасте старше 60 лет преобладала в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город, по сравнению с деревней, имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Анализ данных России показывает, что в деревне было относительно больше детей, рожденных в военное время. К 1917 г. дети обоих полов в возрасте 1—4 лет составляли в деревне 98,5%, в городе — 70,5%; в деревне младенцев было 26,3%, в городе — 18,8%; в деревне детей в возрасте 1 года было 27,6%, в городе — 16,3%.

Отметим также то обстоятельство, что в деревне и до войны был выше уровень рождаемости, к концу войны удельный вес детей в возрасте 5—9 лет был выше, он составлял 158,4%, в городе — 118,2%. Это относится и к детям 10—14 лет: 146,8% — в деревне, 120,8% — в городе [27, с. 6—7, 8—9, 18, 19, 20—21; 30, с. 2, 3].

Не столь значительной была разница в 15—16-летнем возрасте: 26% — в деревне и 22,8% — в городе; она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте: в деревне — 22,2 и 21,8%, в городе — 21,6 и 22,1%. Начиная с 18-летнего возраста шло явное преобладание города над деревней: так, возраст 20—24 года в деревне составлял 54,3%, в городе — 85,7%.

Возраст 20—29 лет составлял 51,6% в деревне и 83,3% в городе. С 19-летнего возраста наблюдается также резкое (особенно в деревне)

преобладание женщин. Возраст 30—39 лет составил в деревне 106,2 %, в городе — 141,7 %; в городе мужчины этого возраста имели уже значительное численное преобладание над женщинами.

Возрастная группа 40—49 лет у мужчин имела больший удельный вес в городе и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин было по-прежнему значительно больше. Пожилые, особенно после 60 лет, имели тенденцию превышения этих групп в деревне. Группа в возрасте 50—59 лет составила в деревне 74,9 %, в городе — 77,4 %; группа старше 60 лет — 83,8 и 64,9 % [18, с. 82—150; 27, с. 10—11, 21—23].

Анализ аналогичных данных по районам и губерниям Российского Центра обнаруживает те же черты и параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает резкое падение в 1917 г. удельного веса мужчин в возрасте 20—29 лет. По 23 губерниям Российского Центра мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7 %, в 1917 г. — 7,7 % [11, с. 5, 10—11].

Исчислив по данным ЦСК и переписей 1916—1917 гг. погубернское соотношение числа мужчин и женщин, можно установить довольно точно численность входивших в состав обычного населения мужчин на основании численности женщин, приведенной для соответствующих административных делений.

В некоторых губерниях России в значительной степени снизилось влияние войны: уход мужского населения в армию компенсировался присутствием военнопленных и беженцев (мужчин). Так, в сельской местности на 100 женщин приходилось мужчин: в Астраханской губернии в 1914 г. — 104,9, в 1917 г. — 104,2; во Владимирской — соответственно 88,7 и 89,9; в Воронежской — 99,7 (1917 г. — сведений нет); в Казанской — 98,5 (1917 г. — сведений нет); в Калужской — 83,7 и 89,1; в Костромской — 85,9 и 89,6; в Курской — 99,2 и 99,5; в Московской — 86,3 и 86,9; в Нижегородской — 91,7 и 91,4; в Новгородской — 92,2 и 94,7; в Олонецкой — 91,9 и 92,8; в Орловской — 96 и 97,6; в Пензенской — 93,3 и 97,4; в Петроградской — 92,3 и 94,4; в Рязанской — 94,6 и 96,1; в Самарской — 98,4 и 100,7; в Саратовской — 97,5 и 100,2; в Симбирской — 94,7 и 96,8; в Тамбовской — 96,4 и 97,7; в Тверской — 87,7 и 85,9; в Тульской — 89,1 и 98,1; в Ярославской — 78,8 и 83,6 [20, 21].

Как правило, численность мужчин значительно отставала от численности женщин в губерниях с промысловым отходом (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская и др.) и была близка к последней в земледельческих губерниях.

В России к 1918 г. участники Первой мировой войны в возрасте 30 лет и старше составляли более 60 % этих возрастных групп [2, с. 9—17; 29, с. 21—29]. В это время в стране насчитывалось свыше 500 тыс. человек с физическими недостатками, из них около 70 тыс. — получивших увечья на фронтах Первой мировой войны [5, 29].

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, существенные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти внушительные сдвиги значительно повлияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных социальных слоев населения.

Библиографический список

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. История населения СССР, 1920—1959 гг. // Экспресс-информация. Сер.: История статистики. М. : Статистика, 1990. Вып. 3/5, ч. 1. С. 3—99.
2. Биниток Б. И., Каминский Л. С. Санитарное состояние населения в 1914—1918 гг. и военные потери России. М. : ЦСУ СССР, 1930. 193 с.
3. Генс А. Б. Социально-гигиенические проблемы аборта в СССР. М. : ЦСУ СССР, 1929. 192 с.
4. Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенистический журнал. 1920. Т. 1, вып. 1. С. 40—55.
5. Гуркин В. В., Гуров О. Г. Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 2—7.
6. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1957. Т. 1. 550 с.
7. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М. : Наука, 1987. 298 с.
8. Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения РСФСР и УССР на 1922 г. // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 72. С. 9—23.
9. Жиромская В. Б. После революционных бурь. М. : Наука, 1996. 199 с.
10. Итоги борьбы с голодом за 1912—22 гг. // Сборник статей и отчетов. М. : Наркомпрод, 1922. С. 6—40.
11. Итоги переписи населения 1920 года. М. : ЦСУ СССР, 1928. 928 с.
12. Кауфман А. А. По поводу Второй Всероссийской переписи. СПб. : ЦСК МВД, 1913. 191 с.
13. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. : ЦСУ СССР, 1926. 192 с.
14. Майер А. И. Влияние войны на женщину // Врачебное дело. 1926. № 6. С. 5—50.
15. Новосельский С. А. Естественное движение населения в Петрограде. Пг. : ЦСК МВД, 1916. 191 с.
16. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг. : ЦСК МВД, 1916. 191 с.
17. Новосельский С. А., Паевский В. В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л. : ЦСУ СССР, 1925. Вып. 6. С. 5—29.
18. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны : территория и население. М. : Наука, 1986. 350 с.
19. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг. : ЦСК МВД, 1916. Вып. 1. 916 с.
20. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг. : ЦСК МВД, 1916—1917. Вып. 1/3. 890 с.
21. Россия, 1913 год. СПб. : Буланин, 1995. 319 с.
22. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. : (в цифрах). М. : ЦСУ СССР, 1924. 249 с.
23. Россия и СССР в войнах XX века / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Наука, 2000. 398 с.
24. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923 гг. М. : ЦСУ СССР, 1924. 924 с.
25. Сборник статистических сведений. М. : ЦСУ СССР, 1924. 429 с.
26. Состояние питания городского населения за 1919—24 и 1926 гг. М. : ЦСУ СССР, 1927. Т. 30, вып. 1. 297 с.
27. Состояние питания сельского населения за 1920—1924 гг. М. : ЦСУ СССР, 1927. Т. 30, вып. 2. 927 с.

28. Статистический ежегодник России, 1914 г. Пг. : ЦСК МВД, 1915. 914 с.
29. Статистический ежегодник, 1921. М. : ЦСУ РСФСР, 1922. 921 с.
30. Статистический справочник по аграрному вопросу. М. : ЦСК МВД, 1917. Вып. 1/2. 719 с.
31. *Тренин-Петушков И. Г.* Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М. : Статистика, 1970. 197 с.
32. Три года борьбы с голодом : краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918—1920. М. : Наркомпрод, 1920. 192 с.
33. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М. : ЦСУ РСФСР, 1923. 923 с.
34. *Фоменко Б. П.* Медицинский отчет петроградских родильных приютов на 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. Т. 36, № 3. С. 2—59.

ББК 63.3(2)61-284.3

О. М. Долидович

ЖЕНОТДЕЛЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921—1930 гг.

Женотделы РКП(б) стали центральным пунктом новой гендерной модернизации, реализуемой советской политической системой. Это была уникальная структура, не имевшая аналогов в других странах. Современные исследователи рассматривают реформы Советской России 1920—1930-х гг. в сфере гендерных отношений как результат влияния и продолжение традиций дореволюционного феминистского движения [3, 10, 11]. Американский историк Р. Стайтс справедливо отметил, что женотделы фактически осуществляли социальную революцию в стране [7, с. 464—466].

Изучение деятельности женотделов на региональном уровне имеет важное значение, поскольку помогает увидеть особенности эмансипации женщин первого десятилетия советской власти в социально-экономическом контексте развития страны.

Отделы по работе среди женщин начали создаваться в 1919 г. на базе комиссий агитации и пропаганды среди рабочих и крестьянок при Центральном и местных комитетах РКП(б). А. М. Коллонтай, возглавлявшая Женотдел при Центральном комитете партии в 1920—1922 гг., видела их задачи в том, чтобы воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать женские массы в советское правительство, а также решать такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связаны с неравноправным положением женщин (например, проституция) [4, с. 311].

В Енисейской губернии в течение 1921 г. были созданы отделы по работе среди женщин в Красноярском, Енисейском, Минусинском, Канском и Ачинском уездах при каждом уездном комитете партии, а также губернский женотдел. Однако женотделы существовали лишь формально из-за того, что губерния еще жила в условиях Гражданской войны. Политика военного коммунизма вызвала волну крестьянских восстаний и антисоветских мятежей. Массовыми были случаи вооруженного бандитизма, расправ с партийными и советскими работниками. К этому необходимо добавить чрезвычайные экономические условия: промышленные предприятия бездействовали, транспорт был разрушен, сельское хозяйство находилось в упадке [6].

В деятельности женотделов Енисейской губернии можно выделить два этапа. Этап становления — от создания в 1921 г. до XIII съезда партии в 1924 г., после которого местные партийные организации начали оказывать женотделам серьезную поддержку. Вторым этапом, который можно определить как период их основной работы, завершился 5 января 1930 г., когда постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)» женотделы были ликвидированы. Агитационно-пропагандистская деятельность среди женщин должна была быть привязана к общим задачам государства и партии, а не отдельным женским интересам. Таким образом, создание женотделов в Енисейской губернии началось позднее, чем в губерниях европейской части государства. В восточных районах страны Гражданская война закончилась позже и установление советской власти растянулось на более длительный срок. К примеру, на Дальнем Востоке женотделы начали свою работу лишь в 1922—1923 гг. [2].

После создания женотделов важной проблемой стал вопрос о кадрах для работы в них. В марте 1921 г. Енисейским губженотделом были открыты краткосрочные курсы для подготовки работников среди женщин. Однако той подготовки, которую давали курсы, оказалось недостаточно. Было принято решение направлять сотрудников женотделов на переобучение в губернскую и уездные партийные школы. До 1925 г. в губернии не существовало системы подготовки волостных и районных организаторов [1, ф. П-4, оп. 1, д. 172, л. 8 об.].

Ситуацию усугублял тот факт, что оплачиваемых ставок для сотрудников женотделов было очень мало, им приходилось официально трудоустроиваться и получать зарплату из других ведомств. Переход к нэпу тяжело отразился на работе женотделов: шло повсеместное сокращение штатов. Из-за нехватки сотрудников в начале 1922 г. пришлось произвести слияние Енисейского губернского и Красноярского городского женотделов. Делегатки для работы в советских учреждениях не выдвигались. Работа среди крестьянок в связи с болезненно проходящей продналоговой кампанией не велась. За отсутствием средств не осуществлялась даже агитационная работа [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 248, л. 9—10; д. 960, л. 36—38].

В апреле 1922 г. на губернском совещании заведующих уездными отделами по работе среди женщин Енисейской губернии секретарь Енисейского губернского женотдела А. Городович отмечала в докладе, что не было связи с Сибженотделом, из него не поступало на места никаких указаний, все по той же причине — отсутствие сотрудников [там же, д. 410, л. 64 об.].

Вторая серьезная сложность начального этапа работы заключалась в том, что женотделы столкнулись с патриархальными предрассудками партийной мужской элиты. Они встретили отказ от сотрудничества со стороны уездных и губернских комитетов РКП(б). На заседании коллегии губженотдела при Енисейском губкоме РКП 17 января 1922 г. заведующие уездными женотделами отмечали, что столкнулись с отношением к себе как к «пустому ненужному месту в парторганизации»: «Дана заведующая, есть инструктор, и дело с концом, а что там они творят, это совсем не интересует губком. Не сделай заведующая доклада, никто и не поинтересуется жизнью женотдела. Сама собой является мысль о ликвидации женотделов совсем, чем такое дискредитирование этой работы и ненужность женотделов, которые губкомы имеют для счета, так как это ставилось во всероссийском масштабе» [там же, д. 245, л. 3 об.].

По итогам III Краевого Сибирского совещания заведующих женотделами в Новосибирске в 1924 г. секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) С. В. Коссиор отметил слабую работу женотделов среди крестьянок и работниц Сибири. Причину он видел именно в том, что партийные органы лишь наблюдали за работой женотделов, не оказывая им помощи. Перелом наступил в мае 1924 г., когда XIII съезд партии обратил специальное внимание на тот факт, что члены партии не принимали участия в работе женотделов. Партийные организации должны были более серьезно подойти к этому вопросу, организационные и агитационно-пропагандистские отделы РКП(б) должны были взять на себя часть обязанностей женотделов и разгрузить таким образом их сотрудников [там же, ф. П-4, оп. 1, д. 398, л. 56—62].

Основная деятельность женотделов должна была проходить среди работниц промышленных предприятий. К каждой группе работниц прикреплялся организатор, который привлекал женщин к политико-просветительной работе, профессионально-техническому образованию, вовлекал их в работу делегатских собраний, фабзавкомов, кооперативов и прочих советских организаций. Важную роль в повышении самосознания женщин сыграла система выборов и работы делегатов. Работницы выбирали из своих рядов делегатку на определенный срок (3—6 месяцев, 1 год). Делегатки работали практикантками-наблюдателями на предприятиях, в профсоюзах, школах, больницах, детских учреждениях и т. д. По итогам работы делали доклады на очередной конференции или съезде, организуемом женотделом [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 407, л. 116—117]. Работой среди крестьянок руководили районные женотделы. Волостной организатор привлекал крестьянок к участию во всех проводимых советской властью ударных кампаниях, культурно-просветительной работе совместно с отделом народного образования, политпросветом и др. [там же, д. 406, л. 50—52].

В 1920-х гг. Енисейская губерния оставалась аграрной, 90 % населения проживало в сельской местности [8]. Крупные промышленные предприятия отсутствовали, численность женщин-работниц была крайне низкой. Из-за тяжелого материального положения женщины, в том числе делегатки, работали на заводах в две-три смены. Многодетные работницы не имели возможности водить детей в ясли и детские сады по причине их отсутствия. Кроме того,

важным источником материального обеспечения для семей городских рабочих и служащих было подсобное хозяйство, основная нагрузка по ведению которого также ложилась на женщину. Словом, женотделам было чрезвычайно сложно собирать работниц на конференции и давать им общественные поручения.

При работе с крестьянками женотделы сталкивались с еще большим количеством препятствий. Во-первых, крестьяне воспринимали советскую власть по большей части враждебно из-за ее первых экономических декретов (хлебная монополия и продразверстка, запрет частной торговли и др.).

Во-вторых, сложно было изменить взгляды сельского населения на традиционное распределение гендерных ролей, согласно которым именно мужчина представлял семью на сельском сходе и перед государством. В селах, где единственным культурным центром была школа, преобладали религиозные настроения, было распространено бытовое пьянство, новые женские общественные инициативы встречались с удивлением, насмешкой и осуждением, особенно со стороны мужской части населения. В своих отчетах сотрудники женотделов отмечали: «Часто приходилось слышать жалобы крестьянок-делегаток, что над ними смеются, дразнят их “делегатками комиссаршами”, ругают прямо площадными словами, таких случаев немало, их необходимо как-то ликвидировать. Если делегатка обращается с жалобой такого рода в сельсовет или, были случаи, в ячейку, то в большинстве случаев на них никто не обращает внимания, а это часто рождает недовольство и распад делегатского собрания» [1, ф. П-1, оп. 1, д. 819, л. 100].

Как справедливо отмечала газета «Красная сибирячка» в 1925 г., «нужны годы энергичной работы для борьбы с неграмотностью, для поднятия культурного состояния населения, и в особенности крестьянства, чтобы разрушить старую психологию, старый взгляд на женщину и дать возможность работнице и крестьянке широко использовать свои права и принять активное участие в строительстве новой жизни» [5, с. 2].

В-третьих, ритм и течение сельской жизни определялись циклом сельскохозяйственных работ. Летом в деревне наступало «мертвое затишье»: все были заняты на полевых и огородных работах, ходили в лес собирать грибы и ягоды.

Иными словами, на первом этапе своей деятельности женотделам не удалось наладить работу на постоянной основе в сельской местности, сделать ее системной.

Первоначально основные направления деятельности женотделов не были четко определены, они просто подключались к решению самых острых, неотложных проблем, стоявших перед страной и партией.

В 1921—1922 гг. Енисейская губерния принимала беженцев и переселенцев из голодающего Поволжья. Главным направлением работы женотделов стала борьба с голодом. Представительницы Енисейского губженотдела входили в губпомгол и упомголы, организовывали сбор хлеба в пользу голодающих, принимали участие в организации помощи детям, прибывавшим в Сибирь из голодающих губерний, в борьбе с детской беспризорностью, проституцией, развившейся среди беженок, в кампании по борьбе с эпидемией сыпного и возвратного тифа в 1922 г. [1, ф. П-4, оп. 1, д. 172, л. 8 об.].

Женотделы сотрудничали с местными отделами и подотделами охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения. Состояние детских учреждений в губернии было чрезвычайно тяжелым: они были переполнены, не хватало пайков, как для детей, так и для персонала, и др. Женотделы проводили контрольные обследования детских домов, собирали пожертвования в пользу детей, организовывали «недели охраны материнства и детства», принимали участие в организации передвижных консультаций для женщин, врачебно-питательных пунктов, яслей и др.

Еще одно направление работы женотделов в начале 1920-х гг. — вовлечение женщин в кооперацию. Советская власть надеялась, что кооперация станет инструментом снабжения крестьянского населения товарами широкого потребления и промысловыми орудиями. Кроме того, кооперация должна была решить и социальные проблемы села. Женщины, участвуя в кооперации, должны были добиваться строительства детдомов, детсадов, яслей, общественных хлебопекарен, столовых. Однако единственное, что удалось сделать в этом направлении, это создать при местных кооперативах материальный фонд «Мать и дитя», в который направлялись средства от реализации добровольных натуральных пожертвований крестьян [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 599, л. 59—61].

Циркуляром Народного комиссариата социального обеспечения от 15 февраля 1922 г. агитаторам по работе среди женщин от губернских, уездных и областных отделов социального обеспечения вменялось в обязанность готовить наиболее активных делегатов из семей красноармейцев и выдвигать их в состав комитетов общественной взаимопомощи при выборах на сельских сходах [там же, д. 407, л. 49]. Функции комитетов заключались в оказании поддержки бедняцкому населению, престарелым, семьям красноармейцев. Средства формировались из самообложения крестьянского населения, общественной запашки, поступления выморочного имущества. В состав комитетов взаимопомощи (как и в состав сельских советов, кооперативов) входили зажиточные крестьяне, которые не были склонны поддерживать бедные хозяйства. Участие крестьянок в работе комитетов взаимопомощи было скромным. Под давлением властей в состав комитетов крестьянок вводили, но на заседания их не приглашали, числились они там формально [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 396, л. 129].

Работа среди женщин — представительниц национальных меньшинств велась по следующим направлениям: выделение делегатов на волостные, уездные и губернские женские конференции, организация секции нацменьшинств при делегатских собраниях, ликвидация неграмотности. Работа велась в местах расселения национальных меньшинств по уездам: среди татарок — в Канском и Красноярском, эстонок — в Минусинском, Канском, Красноярском, латышек — в Енисейском, Канском, Ачинском, Красноярском. Из-за отсутствия сотрудников, владеющих языками этих народов, фактически женотделы работали лишь с татарками [там же, д. 306, л. 129 об.].

С переходом к нэпу важным направлением работы женотделов в губерниях европейской части страны стала борьба с женской безработицей и проституцией. Но в Енисейской губернии промышленных предприятий с большим числом работниц не было, безработица затронула в основном женщин, зани-

мавшихся неквалифицированным трудом, и канцелярских служащих. Женотделы губернии в отчетах о своей деятельности по данному направлению ограничивались обычно констатацией того факта, что с безработицей необходимо бороться, а также несколькими попытками организовать швейные, прачечные и другие артели безработных женщин. Все артели оказались нежизнеспособными, т. к. требовали вложения немалых средств [там же, ф. П-1, оп. 1, д. 248, л. 15 об.]. Большого всплеска проституции местные власти также не фиксировали. Явное занятие проституцией преследовалось административными мерами [там же, д. 596, л. 7—10].

Результаты работы женотделов Енисейской губернии за первые годы были малозначимыми. Представление об этом дает отчетная документация. В феврале 1923 г. отдел работниц Красноярского губкома РКП(б) получил из Сиботдела замечания о работе, проделанной за предыдущий год, за подписью секретаря А. Завьяловой. Она отмечала, что вместо специальной программы, разработанной Сиботделом, на делегатских собраниях в губернии использовалась программа работы кружков коммунисток. В уездных городах заседания проводились вовсе не по программе, повестки дня носили случайный характер. В области агитационной пропаганды за два месяца — апрель и май 1922 г. — была прочитана лишь одна лекция на тему «Омолаживание человека». А. Завьялова оценила тему как далекую от интересов работницы. Коммунистки к работе женотделов не привлекались. Работа в деревне была поставлена значительно слабее, чем в городе: летом она практически не проводилась, не были организованы ясли или детские площадки, женщины не работали в сельсоветах, крестьянок не удалось вовлечь в комитеты взаимопомощи, кооперативы. В заключение Завьялова отметила: «Просматривая ваш отчет, посланный губкомом, мы видим, что о вашей работе ничего, кроме общих фраз, там не имеется, да и их очень мало, это дает возможность заключить, что работы среди женщин у вас совсем нет» [там же, д. 407, л. 174—176].

Таким образом, на первом этапе перед женотделами Енисейской губернии был поставлен очень широкий спектр задач. Однако для решения этих задач у женотделов не было кадров, денежных средств, их полномочия то были не вполне ясны, то пересекались с другими инстанциями, а деятельность встречала сопротивление со стороны населения. Работа проводилась нерегулярно, в основном в форме волостных и районных конференций. Общественная активность женщин оставалась слабой.

На втором этапе изменились социально-экономические условия деятельности женотделов: закончилась Гражданская война, остался в прошлом голод. Материальные, организационные, кадровые и другие проблемы существовали уже не в такой обостренной форме, как прежде. Посредством агитационно-просветительской работы преодолевалась общая и политическая неграмотность женщин. На конференциях, собраниях, съездах обсуждались вопросы, затрагивающие политические, социальные, внутриэкономические и внешнеэкономические события в стране и мире. Женотделы защищали интересы женщин, помогали справляться с их повседневными бытовыми проблемами в семье и на производстве. Делегатки учились на сельскохозяйственных

курсах и в кружках, начали работать в комитетах взаимопомощи и кооперативах, избирались в фабзавкомы, состояли в разнообразных общественных объединениях («Долой неграмотность», МОПР, Авиахим и др.), работали корреспондентками в газетах, вступали в РКП(б). Женотделы привлекались к решению многих проблем, связанных с положением женщин и детей: «Реальная помощь в этом случае чаще всего заключалась в будировании данных вопросов на заседаниях укомов, которые зачастую упускали из виду “детские” и “материнские” проблемы» [9, с. 38]. По их инициативе и при активном участии в губернии открывались детские сады, летние площадки, ясли, консультации для женщин по правовым, медицинским вопросам и др.

Женотдел станции Клюквенной Транссибирской магистрали
в клубе Ильича, 1928 г.
(Музей истории Красноярской железной дороги)

Сельскохозяйственный статус Енисейской губернии predetermined тот факт, что женотделы работали в основном с крестьянками, а не с работницами. Сибирское крестьянство в подавляющей массе сохраняло черты патриархальности в сфере быта, культуры с такими характеристиками, как безграмотность, религиозность, пассивность, аполитичность. Отношение к работающей на производстве или социально-активной женщине менялось крайне медленно и в основном среди городских жителей. И мужчины и женщины по-прежнему поддерживали традиционные взгляды на роль женщины как хозяйки дома, матери, ее исключенность из публичной сферы деятельности. Важным обстоятельством был тот факт, что государственная политика решения женского вопроса имела во многом декларативный характер, т. к. проводилась без выделения достаточных материальных ресурсов, при отсутствии кадров и социальной инфраструктуры. И тем не менее они оказали серьезное воздействие на изменение потребностей, самовосприятия и самооценки сибирячек. Результаты работы женотделов по повышению общеобразовательного и культурного уровня женщин, развитию их политической, социальной и экономической активности имели отсроченный характер.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края.
2. *Коваленко С. В.* Советский вариант эмансипации женщин на Дальнем Востоке России в 20—30-х гг. XX в. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2006. № 6. С. 138—143.
3. *Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 38—42.
4. *Коллонтай А. М.* Задачи отделов по работе среди женщин // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М. : Политиздат, 1972. С. 310—315.
5. Красная сибирячка. 1925. № 8. С. 2—4.
6. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск : Гос. тип., 1922. 333 с.
7. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России : феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.
8. Статистический бюллетень. 1926. № 4 (март — апрель). Новосибирск : Сиб. краев. стат. упр., 1926. 68 с.
9. *Холина М. В.* Изменения в повседневной жизни женщин в 1920-е гг. : (на материалах малых городов Красноярского края) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 1. С. 36—43.
10. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 554 с.
11. *Wood E.* The Baba and the Comrade : Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington : Indiana University Press, 1997. 318 p.

ББК 63.3(2)61-284.3-76

И. К. Высотских

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В УДМУРТИИ В 1920-х гг.**

В первое десятилетие существования советской власти происходит процесс активизации благотворительной деятельности, что было обусловлено социально-экономическим кризисом, вызванным Гражданской войной, военным коммунизмом, голодом и его последствиями. Взяв социальную сферу под свой контроль, государство не имело материальных и финансовых возможностей справиться с социальными проблемами, в частности с проблемой голода и беспризорности. Только совместные усилия государственных структур и общества, скоординированность их действий в вопросах оказания социальной помощи нуждающимся могли преодолеть трудности послевоенного периода. Осознавая неспособность самостоятельно справиться с социальными катаклизмами на этом этапе, Советское государство становится инициатором благотворительной деятельности, морально поощряя любое, даже незначительное

ее проявление. В советский период исчезает церковная благотворительность, прекращают существование дореволюционные общественные благотворительные объединения, их функции заимствуют вновь созданные массовые общественные организации, в основе деятельности которых лежит новая идеология. Ведущим мотивом благотворительной деятельности становится мотив гражданской солидарности, сама благотворительность принимает классовый характер, выразившийся в идее, что помогать необходимо исключительно представителям трудящихся масс, т. е. пролетариату и беднейшему крестьянству [7, № 7].

Общим для исследования вопроса развития женской благотворительной деятельности является выделение в качестве ее традиционных направлений помощи детям-сиротам, безработным и падшим женщинам. При этом благотворительность рассматривается в качестве способа самовыражения женщины, зачастую исключенной за рамки дореволюционной общественной жизни России. С этой точки зрения представляют интерес исследования С. Г. Айвазовой [1, 2], Н. Г. Мизь [12], З. В. Тикуновой [17], Г. Н. Ульяновой [18], А. А. Шибкова [21] и др. Социальные корни беспризорности, быт детей-бродяг и практика работы с ними стали объектами изучения Т. П. Бибанова [5], Н. И. Зубова [6], В. И. Куфаева [8], М. И. Левитиной [10], Б. С. Утевского [19] и др. Профилактические и реабилитационные функции и формы трудовой помощи как одно из направлений благотворительной деятельности рассматривают В. В. Бадя [3], Т. Л. Скрыпникова [16]. Наиболее значимыми исследованиями проблем роста проституции в послереволюционный период стали работы Н. Б. Лебиной [9] и С. Е. Панина [14], в которых приводятся статистические данные о количестве проституток в РСФСР в 1920-х гг., их дифференциация по социальным, образовательным и возрастным категориям и основные методы борьбы с проституцией, предпринимаемые как государством, так и общественностью. Анализ деятельности народного комиссара общественного призрения А. М. Коллонтай, направленной на борьбу с проституцией, чрезвычайно обострившейся в первое послереволюционное десятилетие, представлен в работе А. М. Пушкарёва [15].

Региональный аспект изучения женской благотворительной деятельности на территории Удмуртии реализуется в границах основных тенденций общероссийских исследований. Проблема женской безработицы и способы борьбы с нею в 1920—1930-х гг. рассматривались Л. В. Баталовой [4]. Женское просветительское движение в Удмуртии 20-х гг. — объект исследования Т. Л. Никулиной [13]. Роль женщин в общественной жизни региона представлена в работах Г. В. Мерзляковой [11]. К сожалению, факты, приводимые в указанных исследованиях, носят фрагментарный характер, что не позволяет создать объективную картину о масштабах женской благотворительности послереволюционного периода в регионе. Возникает необходимость введения в научный оборот неопубликованных ранее архивных материалов, которые позволят частично систематизировать направления и формы женской благотворительности, детально рассмотреть механизмы ее реализации и определить степень участия женской общественности в решении социальных проблем.

Давшие начало целому ряду добровольных общественных организаций нового типа 1920-е гг. явились временем становления и развития объединений,

продолжавших традиции дореволюционной женской благотворительной деятельности. Имеются в виду получившие распространение с 1922—1923 гг. женотделы, которые, учитывая специфику направлений их деятельности, могут рассматриваться в качестве субъектов благотворительности. Возникавшие в губерниях, уездах и волостях женотделы, объединявшие наиболее активную часть женского населения на местах, стали преемниками дореволюционных женских благотворительных обществ, таких как Дамское попечительство о бедных, Дамский тюремный комитет и пр. Местные женотделы включали женщин-делегаток, избираемых на собраниях сроком на 1 год, при этом численность делегатского собрания должна была составлять не менее 30 и не более 300 человек. При избрании в женотдел отдавалось предпочтение представительницам беднейших слоев населения, из них число членов РКП(б) в начале 1920-х гг. было незначительным. Так, по Можгинскому уезду на октябрь 1923 г. в составе женотдела было 11 коммунисток при общей численности делегаток более 200 [20, д. 441, л. 102]. В Глазовском уженотделе насчитывалось 400 делегаток, из них 13 членов РКП(б) [там же, д. 435, л. 54а]. Как правило, коммунистки составляли руководящее звено женотделов, поскольку РКП(б) рассматривала женотделы в качестве «основной организационной формы распространения влияния партии на отсталые женские массы» [там же, л. 84].

Начиная с 1921 г., с момента образования местных комитетов помгола (комитет помощи голодающим), женотделы активно включились в борьбу с голодом и его последствиями, направив в помгол своих представительниц. Делегатки осуществляли контроль над деятельностью детских учреждений — приютов, детских домов, бесплатных детских столовых, оказывали помощь в сборе пожертвований в пользу беспризорников, инвалидов войны, безработных женщин. При этом использовались как традиционные формы сбора пожертвований — кружечные сборы, лотереи, благотворительные концерты и спектакли, так и новые формы — субботники, воскресники, сборы по подписным листам.

Регламентирующим началом в деятельности женотделов служили циркуляры, присылаемые центром и принимаемые к исполнению на местах. К примеру, циркуляром от января 1923 г. определялись задачи всех женотделов губкомов, укомов и райкомов РКП(б), работавших в условиях голода и борьбы с его последствиями: 1) выделить представителей от женотделов в комиссию последгола; участие в комиссии должно выразиться в организации единовременных сборов денег и вещей, организации отчислений; 2) бороться с детской беспризорностью, поддерживать детские приемники и детские дома; принимать участие в судьбе одиноких подростков путем организации общежитий, бесплатных столовых и содействовать получению подростками профессионального образования; 3) организовать помощь безработным женщинам, особенно имеющим детей, через организацию артелей, кооперативов и т. д. Во всех этих областях женщинам предписывалось тесно сотрудничать с соответствующими органами — комиссией по улучшению жизни детей, комитетами крестьянской взаимопомощи и др. [там же, д. 434, л. 39].

В апреле 1923 г. на заседании Обженотдела Удмуртии (в то время — Вотская автономная область, ВАО) принимается решение «проводить проверку детских домов по-новому, выделяя на каждый детский дом по три активистки

женотдела на месяц, чтобы лучше уяснить положение детдомов» [там же, л. 13]. В мае 1923 г. для проверки материального состояния детских домов, содержания и воспитания в них детей создаются советы детдомов. Отдел социального воспитания при Обоно обращается в Обженотдел с отношением № 3746 от 10 мая 1923 г. с просьбой выделить представителей в данные советы. В частности, в восемь детских домов, расположенных на улицах Береговая, Базарная и в районе Зарека Ижевска, отправить представителей от заводской райженсекции, в остальные шесть городских детских домов — представителей от городской райженсекции [там же, л. 16]. Итак, весной 1923 г. в Ижевске существовало 14 детских учреждений для сирот и представители от женотделов были распределены в них, как показано в таблицах 1 и 2 [там же, д. 281, л. 10].

Таблица 1

**Распределение представительниц Обженотдела
в учреждения для детей школьного возраста г. Ижевска**

Название учреждения	Представитель женотдела
Детдом жертв революции	Азиатцева Е.
Детдом «Красная звезда»	Князева А.
Детдом Обсоюза	Глушкова А.
Детдом № 3	Кайгородова О.
Детдом № 5	Трубицына Е.
Детдом № 12	Красногорова М.
Детдом № 16	Тарасова М.
Школьный изолятор	Рыбникова А.

Таблица 2

**Распределение представительниц Обженотдела
в учреждения для детей дошкольного возраста г. Ижевска**

Название учреждения	Представитель женотдела
Детдом № 1	Иванова В.
Детдом № 2	Пушкарёва З.
Детдом № 3	Смоленцева М.
Детдом № 4	Краснопёрова Е.
Приемник	Житникова А.
Коллектор	Брауде С.

Результаты проверок состояния детских учреждений и находящихся в них детей часто были весьма неутешительными, что было вызвано как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам относились острый дефицит материальных ресурсов детдомов, плохое состояние здоровья призываемых детей (что было понятно, если учесть условия, в которых дети существовали до призрения), нехватка квалифицированного персонала. Из-за дефицита кадров в детских учреждениях члены Обженотдела систематически посещали детдома, где ухаживали за детьми, выполняя функции нянь [там же,

д. 836, л. 128]. К субъективным причинам следует отнести ненадлежащее выполнение руководством некоторых детских домов своих обязанностей, равнодушие, халатность и даже факты расхитительства. Так, в Детдоме жертв революции, где содержались дети и подростки до 16 лет в количестве 53 человек, на 1 мая 1923 г. было выявлено 13 детей, больных инфекционными заболеваниями, в том числе венерическими; 19 детей с малокровием; 4 ребенка с глазными заболеваниями; 1 ребенок с желудочным заболеванием и только 16 детей относительно здоровых [там же, д. 163, л. 97].

Весной 1923 г. Глазовским горженотделом был проведен сбор пожертвований в пользу приютов, в результате чего было собрано 3000 руб. деньгами, более 10 пудов продуктов, игрушки, белье [там же, д. 435, л. 88 об.]. Тяжелейшее материальное положение детских учреждений Удмуртии усугублялось практически полным отсутствием финансирования со стороны государства. Из-за недостатка средств шло постепенное сокращение числа детских учреждений, что вызывало резко негативную реакцию женщин, стремившихся не только сохранить уже имеющиеся детские дома, но и по возможности открыть дополнительные, поскольку необходимость в них из-за роста беспризорности не ослабевала: «Сокращать число детских домов и приютов невозможно, так как там находятся дети-сироты, совершенно бесприютные; есть дети местных крестьян — вотяков (их в приютах большинство)» [там же, л. 16].

Помимо плановых обследований детских учреждений, женотделами регулярно проводились недели и месячники помощи больным и беспризорным детям. Например, план проведения «недели помощи больному и беспризорному ребенку», назначенной на период с 30 апреля по 6 мая 1923 г., включал:

- организацию Областного комитета по проведению недели. В комитет вводились представители от Обкома РКП(б), Обкома РКСМ, Обоно, Обздраотдела, Обпрофсовета, Обженотдела, уполномоченный от Комиссии по улучшению жизни детей;
- выпуск спецномера газеты, посвященного беспризорным и больным детям, брошюр, листовок; проведение лекций на ту же тему;
- обследование детских учреждений с целью выяснения нужд и оказания помощи в детских отделениях при больницах;
- проведение учета всех беспризорных детей по Удмуртии;
- обследование всех подопечных, живущих у опекунов и в частном патронировании;
- обследование всех детей врачебной комиссией, в первую очередь содержащихся в детдомах;
- проведение массовой агитации всеми доступными средствами среди рабочих и служащих с целью производства ими отчислений с заработка в пользу беспризорных и больных детей;
- проведение кружечных сборов и сборов по подписным листам одежды, белья, обуви, книг, учебных пособий, продуктов, предметов оборудования для детских учреждений;
- обращение ко всем театрам, клубам, кинематографам с просьбой один день в неделю дать спектакль или киносеанс, сбор от которого пойдет в пользу детей;

— обращение к производственным предприятиям с просьбой произвести мелкий ремонт и пополнить инвентарь детских учреждений;

— проведение денежных сборов с государственных торговых и промышленных предприятий в размере 1 % месячного валового дохода; с частных торговых точек и промышленных предприятий в размере, определяемом разрядом патента: I разряд — 75 руб., II — 60 руб., III — 50 руб. Также проведение процентных отчислений от штрафных поступлений;

— устройство спектаклей и концертов для беспризорных детей силами детей школ, детских домов и школьных работников.

Все собранные средства предписывалось строжайшим образом учитывать и сдавать в Обкомитет или укомы. На средства от сборов было принято решение основать колонию для несовершеннолетних правонарушителей и колонии для детей и подростков, больных трахомой и сифилисом [там же, д. 423, л. 16].

Неделя помощи беспризорному и больному ребенку, организованная Можгинским уженотделом, выразилась в проведении лотереи-аукциона, спектакля и концерта. Сам уженотдел пожертвовал местному приюту нить-крученку, приобретенную на деньги, выделенные Обженотделом. Пряжа в количестве 5 фунтов была отдана с целью обучения приютских девочек ткачеству [там же, д. 441, л. 52].

С 27 мая по 3 июня 1923 г. Глазовский уженотдел принимал участие в неделе помощи беспризорному и больному ребенку. Был проведен кружечный сбор по городу силами женотдела и комсомола, поставлены благотворительный спектакль и концерт, организовано народное гулянье с буфетом, выручка от которого была перечислена в пользу детей (табл. 3). Члены профсоюзов приняли решение отчислить 1 % от майского жалованья детским домам; проведен медицинский осмотр детдомовских детей; предпринята регистрация беспризорных [там же, д. 435, л. 49].

Таблица 3

Результаты сборов пожертвований, проведенных в рамках недели помощи беспризорному и больному ребенку 27 мая — 3 июня 1923 г. по Глазовскому уезду

Наименование	Количество
Деньги	7207 руб. 81 коп. (из них куплено облигаций хлебного займа на 150 пудов на сумму 4500 руб.)
Мука, овес, гречневая крупа	33 пуда 18 фунтов
Шерсть	12 фунтов
Холст	45 аршин
Лен	2 фунта

В марте 1927 г. Обженотделом было принято решение о создании по районам Ижевска дружин для борьбы с беспризорностью, в которые вошли женщины-делегатки [там же, д. 836, л. 120]. Участие женщин в деле призрения детей выразилось и в привлечении их к организации детских приютов, что осо-

бенно проявилось в период 1920—1921 гг., когда наблюдался самый активный рост числа подобных детских учреждений в стране [там же, л. 101 об.].

Другим направлением деятельности женотделов стала борьба с женской безработицей, чрезвычайно обострившейся в послереволюционный период. По сведениям Областного отдела труда, попавших под сокращение женщин в 1922 г. было зарегистрировано около 1000. В январе 1923 г. число безработных женщин по Ижевску составляло 620; в г. Глазове в июле 1923 г. зарегистрированных безработных женщин было 248, в августе того же года — 300 [там же, д. 434, л. 1], по Глазовскому уезду на 1 декабря 1927 г. — 900 [там же, д. 435, л. 47]. По данным отдела труда, в январе 1927 г. безработных женщин по Ижевску насчитывалось 1853, из них 53 — квалифицированные специалисты [там же, д. 836, л. 81], большинство из них пособие по безработице не получали [там же, л. 93, 60].

Обженотделом регулярно проводились обследования материального положения безработных женщин (к августу 1927 г. подобных обследований проведено 1500) [там же, д. 435, л. 56]. В апреле 1923 г. в Селтинском уезде была проведена регистрация всех безработных женщин, и в первую очередь имеющих малолетних детей. Регистрацией занимались непосредственно делегатки женотдела, из числа которых была создана специальная комиссия [там же, д. 836, л. 173].

Механизм реализации трудовой помощи Обженотделом осуществлялся следующим образом: члены женотдела выявляли безработных женщин, брали их на учет и давали направление на биржу, где имелись представители из числа делегатов, которые непосредственно отслеживали факты трудоустройства нуждавшихся в работе женщин: «Женотдел установил ежедневное дежурство на бирже труда, чтобы наблюдать за правильной посылкой на работу» [там же, д. 434, л. 1] (табл. 4).

Таблица 4

Уровень безработицы в ВАО среди женского населения в 1928—1929 гг.

Дата	Количество безработных, чел.		Количество устроенных на работу из числа безработных женщин, %
	Всего	Женщины	
1 октября 1928 г.	4226	2653 (63 %)	13
1 октября 1929 г.	5897	3214 (55 %)	20

Безработица зачастую становилась причиной роста проституции, общественный контроль над которой осуществлялся посредством включения членов женотделов в состав комиссий содействия борьбе с проституцией и абортами [14, с. 119]. Комиссии действовали на добровольных началах, без какого-либо руководства и помощи со стороны государства. На совещании членов совета по борьбе с проституцией на территории Удмуртии (март 1927 г.), где присутствовали врачи-венерологи от Обздраотдела, а также делегатки от Обженотдела, было принято решение организовать постоянный совет из пяти представителей Обздраотдела, вендиспансера, Обугрозыска, Обпрофсовета и Обженотдела. Соборания совета постановили проводить не реже одного раза в неделю [20, д. 435, л. 46]. Подобная регулярность собраний совета явно свидетельствовала

об остроте проблемы проституции в области, где уровень заболеваемости сифилисом и гонореей превосходил общероссийские показатели. Представительница от обженотдела входила и в абортную комиссию при здравотделе, где принималось решение о целесообразности аборта в каждом конкретном случае (только в Ижевске в неделю делалось по 12—15 абортов) [там же, д. 836, л. 59]. Таким образом, общественность допускалась даже в такую сферу, как интимная жизнь женщины.

Уженотделом было решено с целью борьбы с проституцией поставить собственными силами пьесу «Агитсуд над проституткой», причем дать два спектакля: один платный, благотворительные сборы от которого в сумме 5489 руб. были распределены среди безработных женщин, второй — бесплатный, с целью агитации [там же, д. 435, л. 55 об.]. На апрель 1927 г. по Ижевску десять проституток, состоявших на учете в Обугрозыске, не имели определенного места жительства, кроме проституции занимались воровством, и это были девочки 14—15 лет. Свой образ жизни малолетние проститутки объясняли материальной необеспеченностью. Также в городе было обнаружено несколько притонов, «замаскированных под пивные с “кабинетами”, но в летнее время необходимости в них нет и они не функционируют» [там же]. Обугрозыск направлял выявленных проституток на работу через Обженотдел [там же, д. 836, л. 61], что еще раз подтверждает факт привлечения государственными органами общественных организаций к решению социальных проблем.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в послереволюционный период женская благотворительная деятельность реализовывалась в сфере социальной помощи женщинам и детям. Женская общественная деятельность была направлена на решение проблем беспризорности, женской безработицы, проституции. Это указывает на то, что Советское государство инициировало и активизировало деятельность женщин в вопросах социальной помощи населению. Женское население включалось в политические массовые мероприятия и общественную жизнь страны. В это время появляются собственные общественные организации, среди которых доминирующее положение занимают женотделы. Основными направлениями деятельности женотделов остаются традиционные направления — призрение детей, помощь безработным матерям, борьба с проституцией и абортами. Сама благотворительность становится политическим актом, посредством которого женская общественность включается в политическую жизнь страны. С одной стороны, включение женщины в общественную жизнь проходит под лозунгом «освобождения поработанной рабыни, какой она была в семье и в обществе царской России» [7, № 3], с другой стороны, через политизацию женского сознания советская власть решала задачу обеспечения собственной поддержки в лице огромной массы женского населения страны.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Первый Всероссийский женский съезд: дискуссия о равноправии // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 4. С. 31—45.
2. Айвазова С. Г. Политическое участие женщин: немного истории и теории // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 3—12.

3. *Бадя Л. В.* Трудовая помощь как направление российского благотворения // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М. ; Ставрополь : Ставропольсервискнига, 1998. С. 14—15.
4. *Баталова Л. В.* Женщины и производство: 20—30-е гг. // Тезисы докладов 3-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. Ч. 1. С. 83—84.
5. *Бибанов Т. П.* Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166—168.
6. *Зубов Н. И.* Дзержинский : биография. М. : Политиздат, 1971. 424 с.
7. Ижевская правда. 1924.
8. *Куфаев В. И.* Школа-коммуна имени Ф. Э. Дзержинского : (из опыта работы). М. : Учпедгиз, 1938. 192 с.
9. *Лебина Н. Б.* Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30—42.
10. *Левитина М. И.* Беспризорные : социология, быт, практика работы / под ред. А. Б. Залкинда. М. : Новая Москва, 1925. 454 с.
11. *Мерзлякова Г. В.* Из истории женского образования (XVIII — нач. XX в.) // Женщины и российское общество : научно-исторический аспект. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1995. С. 64—71.
12. *Мизь Н. Г.* Благотворительность в Южно-Уссурийском крае до 1917 года // Благотворительность в России : исторические и социально-экономические исследования. СПб. : Лики России, 2003. С. 259—264.
13. *Никулина Т. Е.* Женское просветительское движение в Удмуртии в 20—30-е годы // Женщины и общество : вопросы теории, методологии и социальных исследований. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. С. 46—48.
14. *Панин С. Е.* Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 113—119.
15. *Пушкарев А. М.* К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг. : (проблема «новой половой морали» в работах А. М. Коллонтай) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1/2. С. 55—75.
16. *Скрыпникова Т. Л.* Деятельность Воронежского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых // Благотворительность в России : исторические и социально-экономические исследования. СПб. : Лики России, 2003. С. 353—367.
17. *Тикунова З. В.* «Благотворительный сезон» — один из механизмов реализации благотворительности : Омский опыт // Благотворительность в России : социальные и исторические исследования. СПб. : Лики России, 2001. С. 629—636.
18. *Ульянова Г. Н.* Купчихи-благотворительницы // Былое. 1996. № 5. С. 14—15.
19. *Утевский Б. С.* Борьба с детской беспризорностью / под ред. Я. А. Переля, А. А. Любимова. М. ; Л. : Наркомпрос РСФСР, 1932. 148 с.
20. Центр документации новейшей истории Удмуртской республики. Ф. 16. Оп. 1.
21. *Шибков А. А.* Женщины России в медицинской школе и на войне до XX века. Л. : [б. и.], 1957. 151 с.

ББК 74.03.(2)5-422+5г

В. С. Сулимов

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

В начале XX в. Министерство народного просвещения начинает больше уделять внимания санитарно-гигиеническим условиям в женской школе, в учебный курс вводятся занятия по гигиене и физиологии, становятся обязательными вакцинация, лечение, медицинские осмотры учениц. Активизируется деятельность педагогических и попечительских советов, родительских комитетов, что способствует улучшению питания учениц, замене устаревшей школьной мебели, контролю за состоянием их здоровья в стенах учебных заведений, пансионатах и домашних условиях.

В целях предотвращения эпидемий предпринимается вакцинация учащихся. Там, ученицы Тюменской женской гимназии пользовались в 1905 г. бесплатной медицинской помощью врача Д. З. Ноторина, который 100 вновь поступившим ученицам сделал прививки от оспы. У учащихся была проверена острота зрения. Врач неоднократно осматривал классы и другие помещения школы*.

Большее внимание в учебном процессе в женских школах начала XX в. уделялось преподаванию гигиены и физиологии. При этом гигиеническое состояние ряда учебных заведений значительно улучшилось. Гигиену в 3—4-х классах Тарской женской прогимназии в 1905 г., по 1—2 урока в неделю, преподавал городской врач В. Е. Клячкин. В 6-м классе частной женской гимназии О. В. Миркович в Томске в 1905 г. было введено преподавание гигиены, анатомии и физиологии человека. Школьным врачом при гимназии состояла А. А. Курлова, вознаграждения не получала. Здание гимназии удовлетворяло всем требованиям школьной гигиены. Отопление было центральное водяное. Вентиляция искусственная. Ватерклозеты теплые. Школьная мебель состояла из правильно устроенных парт (л. 16 об., 21, 113 об., 221 об.).

Значительную помощь при организации гигиенических условий в женских учебных заведениях оказывали попечительские советы школ. В Томской Мариинской женской гимназии в 1905 г. улучшилось пищевое довольствие пансионеров, был устроен водопровод. Это было заслугой попечительского совета гимназии (л. 534).

Проведение массовых мероприятий могло способствовать распространению среди учащихся заболеваний. В связи с этим приходилось отменять торжества, традиционно проходившие в учебных заведениях. В Тарской женской прогимназии 8 ноября 1909 г. было отменено торжественное мероприятие — в целях предупреждения заболевания скарлатиной (д. 2514, л. 31).

© Сулимов В. С., 2014

* Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2012. Л. 113 об. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи в круглых скобках.

Не все учебные заведения имели возможность организовать учебно-воспитательный процесс в соответствии с требованиями гигиены. Например, здание Томской женской прогимназии в 1910/11 учебном году было тесным и неудобным, т. к. классы размещались на двух этажах, соединенных полухолодными коридорами и лестницей. Классные комнаты были тесны, рекреационные комнаты на обоих этажах также малы. Когда классы проветривались во время перемен, дети лишались возможности размяться (д. 2800, л. 58—58 об.).

На увеличение числа пропусков уроков могли влиять простудные заболевания учащихся, проживающих в отдалении от учебного заведения. При этом малосостоятельные родители не могли обеспечить своих детей необходимой одеждой и обувью с учетом погодных условий. Ученицы Томской женской прогимназии пропускали уроки по причине простуды, поскольку жили на Верхней Елани в четырех верстах от прогимназии. Родители их принадлежали преимущественно к малосостоятельным жителям: 80 % — к мещанскому и крестьянскому сословиям. Некоторые ученицы ходили зимой в очень тонких ватных пальто, без галош, повязанные небольшими платками. Попечительский совет прогимназии не находил средств для оказания помощи бедным ученицам. Такое положение наблюдалось и в дальнейшие годы. В результате в 1911 г. две ученицы умерли (л. 59 об.—60).

В средних учебных заведениях региона все более распространялась практика стоматологических услуг. Попечительский совет Тюменской женской гимназии решал вопрос о выдаче вознаграждения зубному врачу Фроловой в размере 60 руб. (л. 359 об.).

Педсоветы пытались комплексно решать проблему соблюдения гигиенических условий в учебных заведениях и по месту жительства учащихся. Эта деятельность приносила определенный результат. Особых заболеваний среди учениц Ишимской женской гимназии в 1911 г. не наблюдалось, хотя имелись случаи заболевания корью и скарлатиной. Мерами к улучшению физического развития учащихся служили заботы о том, чтобы ученицы на квартирах находились в хороших гигиенических условиях. Для учениц был установлен обязательный завтрак, для которого они из дома приносили бутерброды, а чай с сахаром получали в гимназии за плату (около 1 коп. за кружку). Гимнастика не преподавалась (л. 521—521 об.).

В школах, располагавшихся в старых зданиях, нарушался температурный режим, что приводило к увеличению заболеваемости учащихся и педагогов. В Каинской женской гимназии в 1911 г. зимой, даже во время средних морозов, в классах, учительской и церкви, где учащиеся ежедневно собирались для утренней молитвы, было холодно. Это отражалось на здоровье учениц и учителей, производя свое нежелательное действие на ход учебно-воспитательного дела. Здание требовало в ближайшем будущем капитального ремонта и пристройки второго этажа (л. 73).

В начале XX в. гигиеническим требованиям не соответствовали здания учебных заведений, построенные в прошлом веке, не рассчитанные на значительное увеличение количества учащихся. Здание Тарской женской прогимназии в 1911 г. не удовлетворяло требованиям гигиены, т. к. было очень ветхим и тесным, с неправильным освещением и недостаточным содержанием

воздуха. Отсутствовали рекреационный зал, помещения для библиотеки и рукоделий. Во время перемены часть детей оставались в классах, поскольку коридор был слишком тесен. По этой причине правильная вентиляция классов нарушалась. Квартира для начальницы при прогимназии отсутствовала, и потому в свободное от занятий время помещение оставалось на попечении сторожа и горничной (л. 581).

Практика преподавания гигиены в средних учебных заведениях после 1905 г. получила широкое распространение. Из необязательных предметов ученицы Бийской Николаевской женской гимназии в 1911 г. занимались гигиеной. Занятия вела врач гимназии Л. П. Чехова. В Туринской женской прогимназии в качестве необязательного предмета гигиену в 4—5-х классах бесплатно преподавала начальница школы М. Силина. Однако преподавание гигиены не помогло избежать эпидемии: во второй половине 1911 г. появились заболевания свинкой, а также простуда, выражавшаяся в кашле и горловых болезнях, а затем началась эпидемия, продолжавшаяся со 2 по 22 ноября (л. 301, 243).

В зданиях средних учебных заведений, основанных в XIX в., совершенствовалась система канализации. Особую заботу попечительского совета Омской 1-й женской гимназии составляло в 1912 г. приведение ее в порядок в санитарном и гигиеническом отношении. В здании был проведен водопровод, упорядочена работа уборных благодаря введению в них промывной системы вместо выносной. Ассенизация в данном случае становилась дорожкой, однако гигиенические условия в здании улучшались. Попечительский совет занимался проведением в гимназии электричества, в первую очередь в гимназической церкви (д. 2936, л. 49 об.—50, 58—58 об.). Это свидетельствовало о том, что забота о здоровье учениц занимала видное место в деятельности совета.

Тщательный осмотр учениц женских гимназий врачами выявлял большое количество страдающих различными заболеваниями. Из осмотренных врачом в течение 1912 г. 760 учениц (из 809) Омской 1-й женской гимназии хорошо питались 162, средне — 439, плохо — 129. Страдали болезнями: близорукостью — 36, искривлением позвоночника — 312, школьным зобом — 2, носовым кровотечением — 75, нервными расстройствами — 3, частыми головными болями — 286. Врачебный осмотр учениц Омской 2-й женской гимназии производился один раз в год в первую четверть. Результаты осмотра заносились в особую для каждой ученицы санитарную тетрадь — с указанием роста, окружности груди, веса, остроты зрения, слуха и общего состояния здоровья. Хорошо питавшихся учениц в 1912 г. насчитывалось 80, средне — 243, плохо — 74. Из 428 учениц страдали близорукостью 31, искривлением позвоночника — 43, частыми головными болями — 90, носовым кровотечением — 11, школьным зобом — 1. В Омской женской гимназии М. П. Эйнарвич в 1912 г. было осмотрено 108 учениц. Хорошо питались — 43, средне — 56, плохо — 21. Близоруких — 15, с искривлением позвоночника — 2, с носовым кровотечением — 3, с частыми головными болями — 5. Общее число больных составило 25 (л. 59, 247—247 об., 506 об.).

Строились новые здания для учебных заведений, что способствовало соблюдению гигиенических требований, необходимых для организации учебно-воспитательного процесса. С сентября 1912 г. Омская 2-я женская гимназия

помещалась в двухэтажном здании, построенном на средства Министерства народного просвещения и городские суммы. Здание было построено в одной из лучших в санитарном отношении частей города, удовлетворяло всем требованиям школьной гигиены. Помещения для классов были достаточно просторны и обладали надлежащим количеством света, падающего не сбоку, а несколько сверху. Очистка воздуха происходила путем открытия вентиляторов. Отопление провели водяное. В двух больших рекреационных залах учащиеся во время перемен имели возможность гулять, устраивать игры и танцы. При здании гимназии имелся большой двор, где планировалось разбить сад и устроить площадку для игр (л. 237 об.).

Анализируя данные медосмотров трех женских гимназий г. Омска, следует признать, что в младших классах заболеваемость была еще на приемлемом уровне. К старшим классам количество учениц с различными заболеваниями значительно возрастало. Это свидетельствовало о том, что девушки мало уделяли внимания занятиям физической культурой, больше обращая внимание на умственное развитие, что не способствовало гармоничному воспитанию личности.

Тщательность осмотра учениц зависела от отношения врача к своим обязанностям. Немаловажную роль играло для сохранения здоровья учениц отношение начальницы учебного заведения к проветриванию школьных помещений и контролю за температурным режимом. Врачебно-санитарный надзор за Томской 2-й женской гимназией лежал на враче, который посещал учебное заведение не менее трех раз в неделю, во время большой перемены оказывал ученицам медицинскую помощь и наблюдал за состоянием здоровья всех учащихся. Начальница гимназии сама следила за открытием форточек на большой перемене, когда учащиеся выходили из класса и комната запиралась. В зимнее время начальница следила за тем, чтобы в классах и залах степень нагревания воздуха была не ниже 14° по Реомюру в начале занятий и не выше 16° в конце занятий. Чистота здания составляла особенную заботу начальницы и достигалась ежедневной помывкой полов в классах и зале (л. 516).

Женские учебные заведения, в отличие от мужских школ, не всегда имели возможность содержать врача за счет специальных средств училища. В связи с этим помощь в оплате услуг врача оказывало городское самоуправление. В 1912 г. в Томскую женскую прогимназию была приглашена женщина-врач Добротворская, вознаграждение которой было назначено по постановлению Томской городской думы в размере 200 руб. в год (л. 114 об.).

Попечительские советы учебных заведений и руководство школами проявляли заботу об учащихся и педагогах, стараясь сократить количество факторов, отрицательно влияющих на их здоровье. При этом приходилось сталкиваться с представителями городской администрации и находить нестандартные пути решения проблемы. В 1912 г., несмотря на неоднократные ходатайства попечительского совета и директора Томской женской прогимназии как председателя педсовета и гласного городской думы, городской голова Некрасов не находил нужным сделать теплый ход, устройство которого, по смете архитектора, стоило не более 30 руб. Только после отъезда Некрасова в Петербург, в январе 1913 г., был поставлен в городской думе вопрос по поводу ходатайства об устройстве теплого хода, который был затем сделан. Та же причина

послужила к увеличению числа уроков, пропущенных ученицами. Если в 1911 г. было пропущено 4627 уроков, то в 1912 г. — 7771. Как уже говорилось, многие ученицы жили далеко от прогимназии, их родители принадлежали преимущественно к малосостоятельным жителям города: 182 ученицы — к мещанскому и крестьянскому сословию. Отсутствие теплой одежды и обуви заставляло родителей удерживать их дома в мороз. Попечительский совет не нашел средств для помощи бедным ученицам. К 1 января 1913 г. в прогимназии насчитывалось 224 учащихся (л. 115—115 об.). Через год к мещанскому и крестьянскому сословию принадлежали 206 учениц (д. 3002, л. 938 об.).

Помимо занятий по гигиене, услуг дантиста, врачи вели беседы с учащимися по физическому воспитанию детей в период младенчества. Врач Омской 2-й женской гимназии А. П. Подбельская в 1913 г. преподавала в качестве необязательного предмета гигиену в 6—8-х классах для 59 учениц. За должность врача получала 200 руб., за уроки — 190 руб. В должности находилась с 1 сентября 1910 г. Попечительский совет выделял средства на учреждение постоянной должности зубного врача с окладом 120 руб. в год, а также на беседы женщины-врача по физическому воспитанию детей в первые годы детства (л. 227 об.—228, 229, 233 об.—234).

В соответствии с нормами школьной гигиены продолжалась постепенная замена старой школьной мебели на более совершенные образцы. Администрация и попечительские советы учебных заведений понимали необходимость замены школьной мебели. Обстановка классов Омской 1-й женской гимназии должна была благотворно влиять на нравы и здоровье учащихся. Классные скамьи в этой обстановке занимали видное место. Между тем огромное большинство скамей были крайне негигиеничны, и замена их скамьями новейших «более целесообразных систем» являлась следующей ближайшей задачей попечительского совета гимназии (л. 178 об.).

Аналогичного мнения в 1913 г. придерживался попечительский совет Омской 2-й женской гимназии. Парты в учебном заведении были смешанной формы: двухместные и трехместные. Последних имелось незначительное количество. Двухместные не удовлетворяли требованиям гигиены и современной педагогики, т. к. не давали возможности учащимся при сидении иметь правильную осанку. Попечительский совет выделил деньги на закупку новой мебели для двух классов, что планировалось осуществить в 1914/15 учебном году, на устройство новых классных досок из линолеума и постепенную замену парт старого образца на парты системы Эрисмана (л. 230 об., 233 об.—234).

Улучшение медицинского надзора за учащимися в учебных заведениях не всегда могло способствовать предотвращению инфекционных заболеваний, для борьбы с которыми применялась дезинфекция школьных помещений. Увеличение числа пропущенных уроков в Томской 2-й женской гимназии в 1913 г., по сравнению с прошлым отчетным годом, имело следующее объяснение: еще с ноября 1912 г. среди учащихся младших классов начались инфекционные заболевания, преимущественно скарлатина и дифтерит. Случаев таких заболеваний до Рождества насчитывалось семь. По предложению школьного врача, после отпуска учениц на рождественские каникулы, в здании гимназии провели дезинфекцию. Однако заболевания не прекратились и после Рождества, вызы-

вая боязнь родителей (л. 64). Особенно в младших классах родители не пускали детей в школу, боясь заражения. Вследствие этого педсовет на экстренном заседании постановил произвести вторичную дезинфекцию, распустив для этого всех учащихся на три дня, и только после этого эпидемия прекратилась. Спокойствие было восстановлено как среди учащихся, так и среди родителей. Многочисленные пропуски прекратились. Ученицы старших классов не всегда пропускали уроки по уважительным причинам. Педсовету пришлось прибегнуть к принудительной мере по отношению к ученицам, уважительность пропуска которых не была установлена классной надзирательницей, периодически посещавшей отсутствующих учениц (д. 3002, л. 64 об.).

Гигиена, как и педагогика, относилась к необязательным предметам и преподавалась в старших классах женских гимназий. В 1913 г. гигиену в Ишимской женской гимназии изучали ученицы 7-го класса. В Омской 1-й женской гимназии гигиене обучалось 179 человек. Ее преподавала А. П. Подбельская, врач гимназии и пансиона — в должности с 21 сентября 1906 г., имела 4 урока в неделю, получала 600 руб. в год. В Омской женской гимназии М. П. Эйнарвич в 1913 г., наряду с рисованием, гимнастикой, танцами и иностранными языками, преподавалась гигиена. Педагогику и гигиену изучали все ученицы 7-х классов Томской Мариинской женской гимназии. В Томской 2-й женской гимназии педагогикой и гигиеной занимались 55 учениц старших классов. В Томской 3-й женской гимназии преподавались: гигиена, педагогика, новые языки и ручной труд. Врач Барнаульской женской гимназии Л. Н. Агентов преподавал гигиену в 8-м классе. В должности состоял с 1 января 1905 г. В Бийской Николаевской женской гимназии преподавались педагогика и гигиена (л. 7 об., 65, 122 об., 175 об., 181, 319 об., 327, 349 об., 677, 886 об.).

При анализе пропуска уроков ученицами гимназий учитывались психофизиологические особенности учащихся различных возрастных групп. Наибольшее число пропущенных уроков в Барнаульской женской гимназии М. Ф. Будкевич в 1913 г. приходилось на учениц 6—7 классов. Такое же явление наблюдалось в 1912 г. Ученицы этого возраста были наиболее подвержены нервным заболеваниям и приобретали большую самостоятельность в семье. За исправным посещением ученицами уроков устанавливалось тщательное наблюдение: в случае пропуска на квартиру не пришедшей в школу ученицы отправлялась классная надзирательница для проверки причин отсутствия. Женщина-врач Л. Н. Мостовенко преподавала гигиену (л. 358 об., 359, 363).

Врачи посещали учебные заведения от трех до пяти раз в неделю. За здоровьем учениц в Ишимской женской гимназии следил врач, ежедневно посещая гимназию около полудня, оказывая нуждающимся помощь. В необходимых случаях врач посещал больных на дому. Заботясь о физическом развитии учащихся, начальница следила за нахождением гимназисток на квартирах и в школе в хороших гигиенических условиях. Для учениц устраивался чай и завтрак в гимназии (л. 887 об.).

Одноэтажное кирпичное здание Каинской женской гимназии имело большие неудобства. В 1913 г. для младших классов, в которых насчитывалось 30—50 человек, комнаты были малы и душны, коридор узкий, для новых

шкафов место отсутствовало; негде было разместить 8-й дополнительный и параллельные классы и пр. Все эти неудобства здания вредно отражались на здоровье и настроении как учащихся, так и учительского персонала. Здание требовало надстройки второго этажа в самом скором времени (л. 729).

В учебных заведениях применялись новые материалы для улучшения санитарно-гигиенического состояния помещений. Попечительский совет Омской 1-й женской гимназии в 1913 г. следил за состоянием учебного заведения: в коридорах здания был настлан линолеум, стены покрашены масляной краской, основательно отремонтировано помещение для низших служащих гимназии (л. 173).

Врачи продолжали осуществлять медицинский осмотр учащихся, выявляя большой процент больных учениц. В течение 1913 г. врач осматривал учащихся Омской 1-й женской гимназии. Из 730 осмотренных учениц хорошо питались 167, средне — 406, плохо — 157. Страдали болезнями: близорукостью — 65, искривлением позвоночника — 262, школьным зобом — 2, носовыми кровотечениями — 102, нервными расстройствами — 3, частыми головными болями — 288 (л. 178 об.).

В ряде учебных заведений смена зданий для размещения школ привела к улучшению санитарно-гигиенических условий. Томская женская прогимназия в 1913 г. размещалась в двухэтажном доме, доставшемся городскому обществу по духовному завещанию купца Хмелёва. В сравнении с предыдущим домом, где прогимназия размещалась ранее, настоящее помещение более удовлетворяло гигиеническим требованиям: классы были обширнее и потолки выше. Вместо обыкновенных сортиров были устроены ватерклозеты. Окна большие. Не было классов, где свет закрывался брандмауэром, как в старом здании. Однако имелись большие дефекты: рекреации на этажах были очень малы. На переменах во время проветривания классов детям негде было походить, размяться. Ввести хотя бы комнатную гимнастику не получалось. Вентиляция являлась малоэффективной: форточки плохо освежали воздух в классах. Отсутствовала комната для осмотра гимназисток врачом. В кабинете начальницы был такой холод, что, пробыв в нем час, можно было простудиться (л. 937 об., 938).

Кроме попечительских советов, помощь в организации завтраков в школах оказывали благотворительные общества. В 1913 г. Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Томской Мариинской женской гимназии оплатило 2535 бесплатных завтраков (л. 8).

Несмотря на трудности, связанные с Первой мировой войной, администрации учебных заведений стремились к улучшению санитарно-гигиенических условий учебно-воспитательного процесса, отражая в отчетах неблагоприятное состояние зданий школ. Ишимская женская гимназия в 1915 г. не имела рекреационного зала, где можно было собирать учащихся для отдыха, занятий гимнастикой, совершения богослужений, торжественных актов. Отсутствовала комната для врача, не было кабинета председателя педсовета, приемной для посетителей, рисовального класса, запасного класса для учениц, незанятых уроками. Классы были рассчитаны на меньшее число учащихся — не более 30, при численности некоторых классов до 45 учениц. Они были душны, тесны и совершенно не удовлетворяли гигиеническим требованиям. Единственным

достоинством здания являлось то, что оно было теплым. Во дворе гимназии помещался маленький флигель, предназначенный для квартиры начальницы: помещение весьма убогое и не соответствующее нормальным размерам. Двор гимназии был очень тесен и почти весь занят пристройкой. Здание не отвечало потребностям гимназии (д. 3148, л. 262—262 об.).

Требованиям гигиены соответствовало незначительное количество зданий в учебном округе. Все помещения Курганской женской гимназии в 1915 г. вполне удовлетворяли установленным гигиеническим требованиям. Классы были снабжены электрическими вентиляторами, работающими во время перемен. Они хорошо очищали воздух. Здание освещалось электричеством (д. 3148, л. 66).

Размещение пленных в зданиях, предназначенных для учебных заведений, приводило к переходу школ на работу в две смены, что влияло на состояние гигиены в период учебных занятий. Школы были вынуждены сокращать количество уроков по необязательным предметам, обеспечивая учащимся более раннее возвращение домой. На основании постановления Томской городской думы от 18 апреля 1914 г., Томская женская прогимназия в 1914/15 учебном году должна была помещаться в Гоголевском доме, построенном на средства (прибыль) Общественного Сибирского банка Поповых. Однако вследствие войны и помещения в Гоголевском доме пленных прогимназия осталась в прежнем здании — в доме, пожертвованном городу купцом Хмелёвым. Пытаясь не прекратить занятия, педагогический совет постановил в 1—2-х классах и в двух отделениях 4-го класса проводить уроки в две смены. С 8 до 11 часов занятия шли в начальных классах, затем — в двух отделениях 4-го класса. Такое размещение классов стало возможным только при сокращении числа уроков по необязательным предметам. При полном количестве уроков пришлось бы заниматься до 7 часов вечера, что являлось крайне неудобным и нежелательным для малолетних учеников, поскольку гимназия находилась на глухой, малоосвещенной улице, почти на окраине города. Многим ученицам, живущим в стороне реки Ушайки, пришлось бы переходить ее, делая большие обходы (л. 397—397 об.).

Вследствие тесноты и занятий в две смены в классах Томской женской прогимназии после полудня воздух становился спертым, тем более что вентиляция в классах была примитивная, что вредно сказывалось на здоровье как учениц, так и педагогов. Это приводило к пропуску уроков. В 1915 г. после открытия 7-го класса и преобразования прогимназии в 4-ю гимназию стало невозможно разместить в доме все классы, поэтому при настойчивом ходатайстве городская управа наняла верхний этаж дома Назаровой по Ефремовской улице — на расстоянии двух кварталов от дома Хмелёва. Классы в обоих зданиях не удовлетворяли требованиям гигиены относительно кубического содержания воздуха на одну ученицу. Рекреации были также очень малы, и во время перемен, когда проветривались классы, ученицы не могли заняться гимнастикой. Форточки плохо способствовали доступу воздуха в классы на коротких переменах (л. 397 об.—398).

Преодолевая трудности военного времени, служащие Томской 4-й женской гимназии добросовестно относились к исполнению своих обязанностей, хотя неудовлетворительное санитарное состояние школы, крайне изменчивая погода осенью и зимой влияли на здоровье преподавателей, что увеличивало

число пропущенных уроков. Всего ими был пропущен в 1915 г. 171 урок, что составило 3,9 % от всех уроков.

В годы войны увеличилось количество эпидемий, что отражалось на работе школ. Ученицы Томской 4-й гимназии осенью 1915 г. пропустили много уроков вследствие распространения заразных болезней, в особенности скарлатины. Не посещали уроки заболевшие ученицы и те, в семьях которых были больные заразными болезнями. Учениц второй группы было намного больше, чем болевших. К тому же многие ученицы проживали далеко от гимназии. Их родители принадлежали к малосостоятельным жителям города: 170 учениц — из мещан, 103 — из крестьян. Некоторые ученицы ходили зимой в плохой одежде, что заставляло родителей удерживать их дома в морозы (л. 398 об.). В 1915 г. в гимназии обучалось 348 учениц. Среди них: близоруких — 146, со школьным зобом — 16, с носовыми кровотечениями — 25, с нервными расстройствами — 38, с частыми головными болями — 129, заразными болезнями заболели 3. Успешно были ревакцинированы 302 гимназистки. Всего болели 180 учениц. Умерла одна (л. 398 об., 425—425 об.).

Несмотря на военное время, в учебных заведениях, благодаря финансированию попечительских советов, продолжался постепенный переход на парты системы Эрисмана. Замена парт была особенно актуальна в женских учебных заведениях, поскольку там наблюдался большой процент учениц с искривлением позвоночника. В классах Томской 2-й женской гимназии в 1915 г. стояли школьные парты смешанной формы: двухместные и трехместные. Последних было незначительное количество, первые же не удовлетворяли требованиям гигиены и современной педагогики, т. к. не давали возможности учащимся при сидении иметь правильное положение корпуса. Попечительский совет выделил деньги на новую мебель системы Эрисмана в двух классах, приобретенную к началу 1915/16 учебного года. Врачебный осмотр учениц Томской 2-й женской гимназии проводился два раза в год. Результаты осмотра заносились в особые для каждой ученицы санитарные тетради. Страдала близорукостью 51 ученица, искривлением позвоночника — 63, носовым кровотечением — 19, нервным расстройством — 3, школьным зобом — 1. В 1915 г. болели 126 учениц (л. 492—492 об.).

В отчетах о работе учебных заведений крайне редко указывались психофизиологические особенности учащихся. Наибольшее число пропущенных уроков на одну ученицу в Барнаульской женской гимназии М. Ф. Будкевич в 1915 г. наблюдалось в 6—7-х классах, что объяснялось исключительно причинами, присущими этому возрасту (период наступления половой зрелости и связанная с этим неуравновешенность психики) (л. 362). Отчет писала начальница гимназии, учитывающая особенности женской физиологии.

С началом войны учебные заведения отдавались под постой войск, что мешало школам наладить учебный и воспитательный процесс. В связи с обстоятельствами военного времени учебное дело в Мариинской женской гимназии с осени 1914 г. отошло на второй план. Все помещения гимназии были заняты военным постоем, не нашлось ни одной свободной комнаты для приемных осенних экзаменов. В начале сентября 1914 г. верхний этаж здания был освобожден от военного постоя и после небольшого ремонта занят классами, но помещение

это было вдвое меньше прежнего, а потому пришлось переделать в классы все помещения и коридор верхнего этажа. Пробовали проводить занятия в две смены во избежание скученности, однако это не помогло делу: воздух в вечернюю смену был невыносимым, несмотря на проветривание. Нанять помещение в частном здании не представлялось возможным. Оставалось одно: приспособиться к существующим неудобствам и все силы и внимание учителей и учащихся направить на выполнение учебной программы, несмотря на то что занятия начались с 9 сентября. Затем гимназия лишилась сразу 5 учительниц и классных надзирательниц, перешедших на службу в другие гимназии вследствие тяжелых условий жизни в Мариинске (л. 39—39 об., 43).

В годы Первой мировой войны в школах Западной Сибири начали создаваться родительские комитеты, пытавшиеся своими силами организовать завтраки для учащихся. В 1915 г. в Омской 2-й женской гимназии впервые был образован родительский комитет. До 1 января 1916 г. прошло 11 заседаний. Рассматривался вопрос об организации школьных завтраков силами комитета: ранее завтраки готовились и продавались женами служащих (л. 37 об.). Родительский комитет Барнаульской женской прогимназии в 1915 г. провел шесть заседаний. Предметом обсуждения были: устройство бесплатного катка, введение горячих завтраков, меры к поднятию успешности среди учениц. Председатель комитета и его заместитель бывали на уроках, где знакомились с постановкой учебного дела, участвовали в заседаниях педагогического и попечительского советов (л. 545).

Многие женские учебные заведения не могли оплачивать услуги врача. В связи с этим приходилось искать специалистов, желающих работать безвозмездно. Врачебно-санитарный надзор в Барнаульской женской прогимназии почти не осуществлялся: трудно было найти в городе женщину-врача, которая работала бы бесплатно. Только в конце 1915 г. врач Л. Н. Мостовенко взяла на себя труд бесплатно лечить учениц. Было обнаружено 7 заразных заболеваний (л. 545—545 об.).

Администрации низших и средних учебных заведений стремились организовать горячие завтраки с учетом материальных возможностей учащихся, что подразумевало вариативность пищевого рациона. Завтраки носили необязательный характер. Помощь в организации школьного питания педагогам оказывали попечители, родители. В учебных заведениях понималась необходимость обеспечения детей питанием. Однако сделать его высококалорийным и полноценным для всех не удавалось. Пищевой рацион не учитывал возраста, особенностей физиологического развития, учебной нагрузки учащихся.

В учебных заведениях, повторимся, устанавливались парты системы Эрисмана. В старых гимназиях процесс смены парт шел медленно. В годы Первой мировой войны, благодаря помощи попечительских советов при учебных заведениях, данный процесс продолжался.

В начале XX в. санитарно-гигиеническому состоянию женских учебных заведений стало уделяться больше внимания. В циркулярах Министерства народного просвещения затрагивались вопросы, касающиеся всех сторон учебно-воспитательного процесса, что положительно повлияло на состояние школ и воспитание учащихся.

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ББК 60.75

А. В. Смирнова

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

(На примере демографических процессов)

Интерес научного сообщества и практиков к проблемам оценки и развития человеческого капитала только возрастает. Это обусловлено тем, что в современных условиях высокое качество человеческого капитала является одним из весомых конкурентных преимуществ не только отдельного человека, но также и организаций, региона или страны.

Как отмечает О. В. Заборовская, «человеческий капитал имеет двойственную природу: с одной стороны, на его качество влияет сам человек как носитель капитала, с другой стороны, качественные и количественные параметры человеческого капитала формируются и развиваются под воздействием социально-экономических институтов (образовательных и культурных организаций, учреждений здравоохранения и т. д.)» [4, с. 4]. Можно говорить о том, что для обеспечения экономического роста и повышения качества и уровня жизни людей необходимы инвестиции в человека и на уровне планирования расходов семьи, и при формировании бюджета организации, региона или страны.

В настоящее время в теоретических исследованиях, посвященных формированию и развитию человеческого капитала, на наш взгляд, недостаточно активно применяются выводы гендерных исследований в области доступности образования для мужчин и женщин, реализации ими прав в трудовой сфере, а также используемых ими стратегий по сохранению своего здоровья. Зачастую экономисты и руководители органов власти, оценивая состояние и перспективы развития человеческого капитала или анализируя конкретный экономический эффект от затрат на его формирование, оперируют понятиями «человек» или «работник» и учитывают только такие дополнительные характеристики, как «возраст», «состояние здоровья» и «место жительства» [2, 4, 7, 9]. При этом мероприятие по организации повышения квалификации и переподготовки женщин в период нахождения их в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, которое предполагает адресное инвестирование государства в повышение образовательного уровня особой категории женщин, является скорее исключением из правил.

© Смирнова А. В., 2014

Вместе с тем законодательное закрепление равенства прав мужчин и женщин, а также создание условий, обеспечивающих равные возможности их реализации, по сути, вносят вклад в приумножение человеческого капитала. Учет же в ходе стратегического и краткосрочного планирования «болевых точек», которые выявляются в ходе гендерного анализа, позволит создать лучшие условия для развития человеческого капитала и обеспечить более эффективное расходование средств. В отечественной науке накоплен определенный опыт гендерного анализа при оценке инвестиций (затрат) на воспроизводство человеческого капитала (см., напр.: [1, 6]).

Термин «человеческий капитал» применяется как для характеристики накопленного человеком запаса здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, так и для обозначения стратегически важного ресурса развития организации, региона и отдельного государства. Каждый из указанных уровней отличается по параметрам, с помощью которых оценивается состояние человеческого капитала, а также по возможным ресурсам и механизмам его формирования и развития.

При изучении *человеческого капитала на индивидуальном уровне* оценивается накопленный человеком объем знаний и опыта, анализируется состояние здоровья человека и влияние образа жизни на его укрепление или ухудшение, исследуются такие механизмы сохранения и развития человеческого капитала личности, как получение достойного вознаграждения за приложенные усилия в настоящее время (уровень оплаты труда и социального обеспечения) и в будущем (пенсионное обеспечение), а также потребление медицинских, образовательных и оздоровительных услуг.

Состояние и перспективы развития *человеческого капитала на уровне организации* оцениваются прежде всего с экономической точки зрения, т. е. в аспекте того, какую дополнительную прибыль организации приносит эффективное распределение работников, создание условий для повышения их квалификации или найм новых сотрудников. Оценивая возможности формирования и развития человеческого капитала организации, необходимо учитывать комплекс факторов:

- половозрастную и квалификационную структуру организации;
- действующие в организации и отрасли программы по привлечению и закреплению кадров;
- государственную социальную политику;
- количественные и качественные характеристики резерва кадров во внешней среде (возможность приумножения человеческого капитала организации за счет выпускников учреждений профессионального образования, безработных граждан и работников других организаций отрасли).

Приведу только один пример. Администрация банка, в котором рядовыми служащими и менеджерами низового звена трудятся преимущественно молодые женщины, при планировании кадровой политики организации в большей мере должна будет учитывать фактор «выпадения» части персонала из трудовой деятельности на время отпуска по уходу за ребенком, чем, например, руководители воинского подразделения. К сожалению, в ряде случаев «учет» указанного фактора сводится к негласному соглашению с сотрудницами об отказе от рождения детей, если они планируют работать именно в этой организации.

И лишь немногие компании используют государственные или внутриорганизационные программы для эффективного включения женщин в трудовую деятельность после рождения ребенка и нахождения в отпуске по уходу за ним.

Характеристика *человеческого капитала области или страны* предполагает проведение детального анализа демографической ситуации, в частности следующих показателей:

— численность и половозрастная структура населения в целом, а также в городской и сельской местности, в отдельных муниципалитетах и населенных пунктах;

— численность женщин фертильного возраста, суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости;

— уровень заболеваемости в различных половозрастных группах, в том числе по ключевым классам заболеваний;

— численность умерших и возрастные коэффициенты смертности от различных причин;

— ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в целом, а также в городской и сельской местности;

— интенсивность и сальдо миграционных потоков (прежде всего межрегиональная и международная миграция).

Анализ условий и перспектив развития человеческого капитала региона или страны предполагает также обращение к гендерной статистике в сфере образования, здравоохранения, рынка труда и занятости населения. Гендерный анализ направлен на выявление сегментов, в которых сдерживается реализация человеческого капитала мужчин или женщин, анализ причин гендерных диспропорций, а также оценку возможности и необходимости их преодоления.

В ходе оценки человеческого капитала на уровне области или страны рассматривается и социальный, и экономический эффект от реализуемых и предлагаемых к принятию мер, который в полном объеме может проявляться и соответственно фиксироваться только в средне- и долгосрочной перспективе.

При проведении анализа необходимо учитывать, что оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал может различаться в зависимости от уровня и субъекта оценивания. Например, с точки зрения юноши или девушки, получение качественного профессионального образования, которое позволяет им развить свои способности и стать конкурентоспособными на межрегиональном и международном рынке труда, — это эффективная инвестиция. А с точки зрения ученых или представителей органов власти региона (страны), переезд этих молодых людей за пределы области или страны будет рассматриваться как уменьшение («отток») капитала.

Остановимся более подробно на примерах, характеризующих проблемные зоны в развитии демографической составляющей человеческого капитала на макроуровне.

Анализ половозрастной структуры населения показывает значительный рост диспропорции между численностью мужчин и женщин старше трудоспособного возраста.

В России пенсионный возраст для женщин установлен на 5 лет меньше, чем для мужчин. Однако воздействие данного фактора на соотношение мужчин

и женщин в третьей возрастной когорте значительно ниже, чем влияние факторов образа жизни, занятости на вредных и опасных производствах, приводящих к более высокой и ранней заболеваемости и смертности у мужчин.

В результате в Российской Федерации на 1000 мужчин старше трудоспособного возраста приходится 2502 женщины. В Ивановской области этот показатель еще выше (табл. 1).

Таблица 1

Структура населения по полу и возрастным группам на 1 января 2013 г.*

Население	Российская Федерация			Ивановская область		
	Женщины, %	Мужчины, %	Количество женщин на 1000 мужчин	Женщины, %	Мужчины, %	Количество женщин на 1000 мужчин
Моложе трудоспособного возраста (до 15 лет)	48,8	51,2	951	48,8	51,2	953
Трудоспособного возраста (мужчины 16—59 лет, женщины 16—54 лет)	48,3	51,7	934	48,1	51,9	926
Старше трудоспособного возраста (мужчины 60 лет и более, женщины 55 лет и более)	71,4	28,6	2502	74,2	25,8	2871

* Составлено по: [3, п. 1.9; 8, с. 10].

В системе государственного статистического наблюдения показатели уровня заболеваемости в зависимости от пола формируются только в части заболеваемости злокачественными новообразованиями, активным туберкулезом, психическими расстройствами и расстройствами поведения, в том числе связанными с алкоголизмом и наркоманией.

Даже эти данные показывают значительные различия в уровне заболеваемости мужчин и женщин. Например, в 2012 г. уровень заболеваемости активным туберкулезом среди мужчин был в 2,5 раза выше, чем у женщин, а в возрастных группах старше 35 лет — в 3—4 раза выше [5, с. 56]. При этом уровень смертности от туберкулеза среди мужчин составил 21,7 человека на 100 тыс. населения (в трудоспособном возрасте — 26,9 на 100 тыс.), а среди женщин — всего 4,7 человека на 100 тыс. населения (в трудоспособном возрасте — 6,2 на 100 тыс.) [3, пп. 6.5, 6.12].

Более раннее обращение женщин в лечебные учреждения для диагностики и лечения злокачественных новообразований, прохождение профилактических осмотров определяют у них, с одной стороны, более высокий уровень онкопатологии, но более низкий, особенно в трудоспособном возрасте, уровень смертности от данных заболеваний.

Данные таблицы 2 наглядно подтверждают, что внимательное отношение человека к своему здоровью, участие в профилактических мероприятиях и своевременное лечение заболевания может рассматриваться как один из ресурсов инвестирования в человеческий капитал.

Таблица 2

Уровень заболеваемости и смертности мужчин и женщин по причине злокачественных новообразований в Российской Федерации в 2012 г., чел. (на 100 тыс. населения)*

Население	Заболеваемость		Смертность	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Всего	370,4	363,6	174,8	231,3
До 14 лет	11,3	13,1	н. д.	н. д.
15—19 лет	13,6	15,3	54,8	106,7
20—39 лет	71,4	34,6		
40—59 лет	409,4	378,5		
60 лет и более	1003,4	1706,2	н. д.	н. д.

* Составлено по: [3, п. 6.5; 5, с. 58].

Не менее значимой инвестицией в человеческий капитал является развитие системы здравоохранения и создание условий для получения качественной медицинской помощи независимо от места жительства.

Данные таблицы 3 показывают, что, несмотря на сохраняющуюся значительную диспропорцию между уровнями смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста, модернизация отрасли здравоохранения и популяризация профилактических мероприятий позволили сократить показатели смертности и мужчин и женщин почти на 20 % за 5 лет.

Таблица 3

Уровень смертности в трудоспособном возрасте в Российской Федерации в зависимости от пола и места жительства, чел. на тысячу населения*

Годы	Население					
	В целом		Городское		Сельское	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2007	10,9	2,9	10,4	2,7	12,3	3,3
2012	8,9	2,4	8,4	2,3	10,1	2,9
Снижение	-2,0	-0,5	-2,0	-0,4	-2,2	-0,4

* Составлено по: [3, п. 5.4].

Уровень заболеваемости и смертности в конечном счете определяет ожидаемую продолжительность жизни населения и продолжительность периода активной трудовой деятельности, в том числе за пределами законодательно установленного возраста, с которого предоставляется право выхода на пенсию,

т. е. ожидаемая продолжительность жизни может рассматриваться как один из ключевых показателей, характеризующих социальную эффективность инвестиций в развитие человеческого капитала на макроуровне.

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин, лет

	Годы	Население					
		В целом		Городское		Сельское	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Российская Федерация	2007	61,46	74,02	62,20	74,54	59,57	72,56
	2012	64,56	75,86	65,10	76,27	63,12	74,66
	Прирост	3,1	1,84	2,9	1,73	3,55	2,1
Ивановская область	2007	58,9	72,6	59,3	72,8	57,3	71,6
	2012	63,3	75,1	63,0	75,0	64,0	75,2
	Прирост	4,4	2,5	3,7	2,2	6,7	3,6

* Составлено по: [10, п. 4.19; 8, с. 15].

Несмотря на рост ожидаемой продолжительности жизни как мужчин, так и женщин, сохраняется значительная диспропорция между данными показателями в зависимости от пола (табл. 4). В качестве ключевых причин можно обозначить ставшие уже привычными меры позитивной дискриминации женщин (запрет на работу во вредных условиях труда, более ранний выход на пенсию и др.), более ответственное отношение женщин к своему здоровью и более активное использование ресурсов системы здравоохранения, рост уровня жизни населения в целом.

При этом в ходе стратегического планирования развития человеческого капитала страны или отдельного региона было бы целесообразно обратить особое внимание на категорию мужчин трудоспособного возраста.

Гендерный анализ миграционных потоков на примере Российской Федерации и Ивановской области также позволяет выявить интересные закономерности [3, пп. 7.10—7.12; 8, с. 22].

По данным о миграции населения России в 2012 г. среди переехавших в пределах России женщин больше на 13,2 %, а среди выбывших за рубеж в 2,3 раза больше мужчин (86,0 тыс. мужчин против 36,7 тыс. женщин).

В Ивановской области отмечены схожие процессы межрегиональной миграции: среди выбывших из региона в другие субъекты Российской Федерации женщин на 14 % больше, чем мужчин. Вместе с тем в другие государства уехало только на 61,1 % больше мужчин, чем женщин. Это объясняется выбором поэтапного характера миграции (например, сначала жители области переезжают в Москву, Санкт-Петербург или другой крупный город, где накапливают определенный социальный капитал, затем уже из этих регионов выезжают за рубеж), а также меньшей миграционной привлекательностью области для иностранных граждан по сравнению с более богатыми регионами и региональной политикой в сфере занятости, ориентированной на максимальное трудоустройство на предприятиях и в организациях региона именно местных жителей.

Нужно отметить, что в структуре граждан, переехавших в другой регион России или за рубеж, преимущественное большинство составляют лица трудоспособного возраста. К примеру, в 2012 г. среди лиц трудоспособного возраста, переехавших в другой регион России, мужчины составили 76,7 %, женщины — 71,4 %. Среди мужчин, выехавших из России за рубеж, доля лиц трудоспособного возраста составила 93,2 %, среди женщин — 78,7 %.

Несомненно, большинство выбывших из России составляют иностранцы, которые вернулись на Родину или переехали в другую страну. Тем не менее порядка 40 % выехавших за рубеж — это российские граждане, что позволяет сделать вывод о «потере» части человеческого капитала страны за счет миграции, причем прежде всего за счет отъезда мужчин трудоспособного возраста.

Параллельно активно идут процессы пополнения человеческого капитала за счет прибывающих из-за рубежа. Причем среди прибывших также больше мужчин: количество прибывших в Россию из-за рубежа мужчин на 68,3 % больше, чем женщин, а среди прибывших в Ивановскую область мужчин больше на 35,4 %.

Интенсивность иммиграционных процессов позволяет количественно компенсировать обозначенные выше «потери» человеческого капитала, а в Ивановской области (и в регионах со схожей демографической ситуацией) — уменьшить «потери» от естественной убыли населения и межрегиональной эмиграции (табл. 5).

Таблица 5

Сальдо миграции в Российской Федерации и Ивановской области в 2012 г.: гендерный аспект, чел.*

	Российская Федерация		Ивановская область	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Всего	+118959	+175971	+174	+871
Международная миграция	+118958	+175972	+924	+1233
Внутрироссийская межрегиональная миграция	+1	-1	-750	-362

* Составлено по: [3, п. 7.12; 8, с. 22].

Вместе с тем сравнительный анализ показывает, что уровень образования выезжающих мужчин и женщин выше, чем у приезжающих в Ивановскую область или в страну в целом. Соответственно качественные характеристики человеческого капитала ухудшаются.

Таким образом, гендерный анализ является одним из эффективных инструментов, позволяющих выбрать наиболее адекватные меры по развитию человеческого капитала.

Проведенный анализ демографической составляющей человеческого капитала показывает, что сложившиеся процессы его воспроизводства на макроуровне (регион или страна) требуют корректировки. В современной России целесообразно обратить особое внимание на сохранение и укрепление здоровья мужчин трудоспособного возраста, а также на регулирование миграционных потоков.

Библиографический список

1. Гендерные аспекты инвестиций в человеческий капитал в современной России // Социальная работа. URL: <http://soc-work.ru/article/809/> (дата обращения: 07.09.2014).
2. Гурбан И. А., Мызин А. Л. Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки // Экономика региона. 2012. № 4. С. 32—39.
3. Демографический ежегодник России, 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (дата обращения: 07.09.2014).
4. Заборовская О. В. Условия формирования, развития и восстановления человеческого капитала в регионах России: современные тенденции // Мир экономики и права. 2013. № 1/2. С. 4—12.
5. Здравоохранение в России, 2013 : статистический сборник / Росстат. М., 2013. 380 с.
6. Калабихина И. Е. Гендерный фактор в воспроизводстве человеческого капитала. URL: <http://www.owl.ru/library/041t.htm> (дата обращения: 07.09.2014).
7. Мау В. А. Человеческий капитал — вызовы для России // Развитие человеческого капитала — новая социальная политика. М. : Дело, 2013. С. 7—34.
8. Мужчины и женщины Ивановской области : статистический сборник / Ивановостат. Иваново, 2013. 83 с.
9. Осадчая С. М. Развитие человеческого капитала в регионе на этапе инновационных преобразований // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2013. № 3. С. 255—259.
10. Российский статистический ежегодник, 2013 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm (дата обращения: 07.09.2014).

ББК 60.542.2

Н. В. Шайдакова

**ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ
ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ
В СРЕДЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ**

На сегодняшний день в отечественных и зарубежных психологических исследованиях процесс гендерной социализации (наряду с этнической, гражданской и профессиональной) относят к «первичным» видам социализации, на основе которых формируется социальная идентичность личности, выражающаяся в определенных маркерах — потребляемых материальных объектах — и являющаяся основой развития потребительского поведения [6, 2]. Одними из маркеров, с помощью которых в социальном пространстве репрезентируется социальная идентичность личности, выступают статусные товары и услуги. Их потребление было определено Т. Вебленом как «демонстративное» [1].

В социологических и экономических исследованиях рассматривается (см.: [9]):

— знаковая природа демонстративного потребления (Т. Веблен, Г. Зиммель, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, П. Бурдь, Дж. К. Гэлбрейт, Э. Тоффлер, И. Гоффман и др.);

— его связь с понятиями богатства, конкуренции и социального сравнения (Р. Франк, К. Басу, Н. Айленд, Д. Бернхейм, Л. Багвелл, Дж. Корнео и О. Джинн, А. Глезер и К. Конрад, Х. Кол, Дж. Майлас и А. Постлевэйт, К. Кофи, Э. Херст и Н. Русанов, Х. Уолтер, Р. Харбург, Н. Ордабаева, П. Шандон, Д. Хикс, Дж. Хикс);

— связь с категориями статуса, этнической, профессиональной идентичности (Дж. Чен, М. Анг, Л. Жоу, В. Кенеткар, В. Гришкевакус, Дж. Тубур, Дж. Санди, Р. Чалдини, Г. Миллер, Д. Кенрик, Р. Элиот);

— его компенсаторная функция в процессе конструирования идентичности (Э. Пуринтон, А. Фонтс, Дж. Фэн, Х. Вудраффи, С. Гронмо и др.).

К сожалению, несмотря на высокую практическую значимость изучения демонстративного потребления, гендерный анализ этого явления в России в настоящее время находится на периферии исследовательского интереса, опубликованы единичные работы по данной тематике. Так, Д. С. Дронов рассматривает гендерные особенности потребления престижных ювелирных изделий [3]. В НИУ ВШЭ проводятся исследования гендерных особенностей демонстративного потребления в различных социальных группах [12, 7, 11].

Незначительное число исследований, посвященных изучению данной проблемы в целом, касаются построения моделей демонстративного потребления (Ю. А. Циммерман, А. В. Логунов).

Зарубежные гендерные исследования демонстративного потребления

За рубежом изучение связи гендерной идентичности и демонстративного потребительского поведения личности является одним из наиболее активно развиваемых направлений исследований. Тема гендерных аспектов демонстративного потребления представлена в связи с изучением гендерной идентичности (V. Griskevicius, J. M. Tybur, J. M. Sundie, R. B. Cialdini, G. F. Miller, D. Kenrick, J. M. Tybur, K. D. Vohs, D. J. Beal).

Толчком к развитию этой области исследований послужил ряд работ, авторы которых доказали наличие связи между стремлением найти партнера для романтических отношений и показным потреблением (A. Zahavi and A. Zahavi, J. R. Roney, G. Saad, J. G. Vongas, D. J. Penn) и предположили, что такое потребление в человеческом обществе является неким эквивалентом павлиньего хвоста.

В. Гришкевикус и другие ученые сделали предположение, что показное потребление, как и показное проявление помощи и доброй воли, является скрытым сигналом о желаемых качествах партнера в романтических отношениях и используется людьми для привлечения такого партнера. Авторы объясняют эти феномены с точки зрения теории «затратных сигналов» — часто, чтобы сообщить нужную информацию о себе, субъект включается в действия, которые стоят ему больших затрат времени, энергии, материальных средств и т. п. [14].

Исследователи показали, что возможная перспектива романтических отношений по-разному влияет на потребление мужчин и женщин. Так, мужчины готовы тратить больше денег на товары категории роскоши, а женщины на общественные нужды (например, на благотворительность), причем им важно, чтобы их траты были замечены окружающими [14].

Дж. Санди и другие в ряде экспериментов обнаружили, что показное потребление практикуется мужчинами, которые стремятся завязать краткосрочные романтические отношения, не подразумевающие больших вложений средств в женщину и последующую семью и затрат времени для них [15].

Взаимосвязь романтических отношений и показного потребления четко прослеживается при рассмотрении стратегии, которой придерживается мужчина. Показное потребление специфически проявляется, когда его подталкивает стремление завязать именно краткосрочные отношения [15].

Женщины, на которых направлены подобные сигналы, интерпретируют их точно как заинтересованность мужчины в краткосрочных отношениях без возможных последующих обязательств. Партнер, тратящий деньги на показные товары, воспринимается ими как ненадежный, не заботящийся о будущем, и подобные траты, хотя и свидетельствуют о наличии экономических ресурсов в распоряжении мужчины, не являются доказательством его благонадежности в долгосрочной перспективе [15].

Кроме того, подобные сигналы повышают привлекательность мужчины в глазах женщины именно в качестве партнера в краткосрочных отношениях (но не в долгосрочной перспективе). Мужчину на фотографии, о котором было сказано, что он купил дорогую машину, они признают более привлекательным партнером для краткосрочного романа, чем того же мужчину, имеющего, как им сообщили, недорогой автомобиль. Показные товары для партнерши — не просто демонстрация экономических ресурсов мужчины, а часть сигнальной системы краткосрочных отношений [15].

Вслед за Т. Вебленом исследователи демонстративного потребления рассматривают данный феномен на выборке, которую составляют взрослые, экономически самостоятельные люди, отдавая предпочтение в реализации демонстративного потребления мужчинам. Исследованию гендерных особенностей молодежного демонстративного потребления у молодежи не уделялось достаточно внимания, хотя уже начиная с подросткового возраста вопросы социального статуса являются актуальными для личности. Кроме этого, к периоду младшей школы дети усваивают основные эталоны и стандарты гендерной культуры, которая становится основой потребительского выбора (В. В. Абраменкова, Ю. Е. Алёшина, А. С. Волович, Т. В. Виноградов, П. В. Ильин, В. Е. Каган, И. С. Клёцина, Л. В. Попова, Н. К. Радина, В. В. Семёнов, Л. Э. Семёнова и др.).

Методы и выборка исследования

В данной статье представлены результаты изучения гендерных аспектов демонстративного потребления, определяемого с помощью опросника «Идентификация и практика демонстративного потребления» (Н. К. Радина, Н. В. Шайдакова). Опросник включает в себя вопросы относительно распознавания

демонстративного потребления (баллы по вопросам 1—7) и его практики в реальной жизни (баллы по вопросам 8—13).

Вопросы были составлены на основе анализа наиболее распространенных ситуаций осуществления демонстративного потребления, представленных в теоретических и эмпирических социально-психологических исследованиях. Математическая обработка данных производилась при помощи t-критерия Стьюдента и углового преобразования Фишера ϕ^* .

В ходе исследования было опрошено 80 школьников в возрасте от 15 до 17 лет и 134 студента в возрасте от 17 до 30 лет. Из них 85 юношей и 129 девушек.

Демонстративное потребление юношей и девушек

В таблице 1 представлены средние значения, полученные при опросе юношей и девушек с помощью разработанной методики.

Статистически значимые различия в ответах на вопросы наблюдались при выборе мест отдыха, мест покупки одежды и нижнего белья, косметики, праздничной одежды. Ориентация на знаки статуса и компетентность в данной области наиболее очевидны у девушек. Возможно, что иерархия среди юношей строится на иных знаках статуса, например на достижениях в спорте или рискованном поведении в молодежных группировках.

Таблица 1

**Гендерные различия в данных опросника
«Идентификация и практика демонстративного потребления», баллы**

№	Объекты демонстративного потребления	Вся выборка		Юноши		Девушки		Значимость различий, t-критерий Стьюдента
		Среднее	Стандарт. отклонение	Среднее	Стандарт. отклонение	Среднее	Стандарт. отклонение	
1	Мобильный телефон	2,42	1,237	3,32	1,126	2,48	1,306	—
2	Автомобиль	3,34	0,987	3,36	1,185	3,33	0,840	—
3	Курорты	4,2	1,757	3,46	2,050	4,68	1,340	$p \leq 0,001$
4	Места покупки одежды	4,71	1,049	4,39	1,124	4,91	0,944	$p \leq 0,001$
5	Меховые изделия	2,74	2,309	2,59	1,036	2,83	2,843	—
6	Косметика	3,37	1,267	3,13	1,430	3,52	1,133	$p \leq 0,05$
7	Цветы на первое свидание	3,43	1,131	3,39	1,245	3,45	1,053	—
8	Праздничная одежда	2,86	0,917	2,51	0,854	3,10	0,883	$p \leq 0,001$
9	Кафе/рестораны	3,79	1,634	3,69	1,448	3,84	1,308	—
10	Салоны красоты	3,1	1,138	2,94	1,278	3,20	1,034	—
11	Спортклуб	2,61	1,309	2,48	1,240	2,69	1,351	—
12	Нижнее белье	2,67	0,717	2,52	0,814	2,77	0,631	$p \leq 0,05$
13	Конфеты в подарок	2,45	0,640	2,46	0,630	2,44	0,648	—

Дифференциация показателей статуса юношей происходит в соответствии с их возрастным этапом и в российской социокультурной ситуации сопряжена с нормой «физической твердости» мужской культуры [8]. Однако эти требования к «физическому» в подростковом возрасте связаны с физической силой и агрессивностью (установление иерархий на основе силовых столкновений, драк) [5] и не касаются непосредственно демонстративного потребления.

В более старшем возрасте (например, на этапе взрослости) «мужские иерархии» выстраиваются на основе жесткой сцепленности властного и экономического ресурсов (физическое доминирование уступает социальному влиянию и экономическому давлению). Ярким примером специфики демонстративного потребления у мужчин на этапе средней и поздней взрослости являются слоганы рекламы дорогих автомобилей Lexus: «Мужской подход к роскоши» [13, р. 12].

У девушек, напротив, на всех возрастных этапах нормы физического доминируют и проявляются как требования к привлекательной внешности. Привлекательная внешность у девушек ориентирована на различного рода «инструменты красоты» (косметика, парфюмерия, сексуализированная одежда, одежда дорогих брендов и т. п.), т. е. их демонстративное потребление плотно встроено в процесс гендерной социализации женщин на протяжении всей жизни. Таким образом, конструирование гендера для девушек в российском социокультурном пространстве на этапах подросткового возраста и ранней взрослости непосредственно связано с потребительской активностью в целом и демонстративным потреблением в частности.

Распознавание и практика демонстративного потребления у юношей и девушек

Благодаря опроснику в исследовании были изучены критерии распознавания демонстративного потребления и описаны практики его осуществления старшеклассниками и студентами.

В таблице 2 представлены средние показатели и стандартное отклонение по общей установке на демонстративное потребление, его распознавание и практику.

Таблица 2

Распознавание и практика демонстративного потребления у юношей и девушек, баллы

Показатель	Вся выборка		Юноши		Девушки		Значимость различий, t-критерий Стьюдента
	Среднее	σ	Среднее	σ	Среднее	σ	
Общая установка	40,74	8,04	37,74	9,25	42,72	6,44	$p \leq 0,001$
Распознавание	23,57	5,14	22	6,14	24,61	4,06	$p \leq 0,001$
Практика	17,44	3,89	16,31	4,02	18,19	3,62	$p \leq 0,001$

Сравнительный анализ показателей демонстративного потребления у юношей и девушек выявил, что как общая установка на демонстративное потребление, так и установка на его компоненты — распознавание и практику — в среднем статистически значимо выше у девушек (табл. 2).

Таблица 3

Демонстративное потребление у юношей и девушек

Уровень	Общая установка				Установка на распознавание				Установка на практику				Критерий Фишера
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки		Юноши		Девушки		
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	
Высокий	13	15,3	23	17,8	11	12,9	26	20,2	11	12,9	16	12,4	–
Выше среднего	19	22,4**	63	48,8**	26	30,6	46	35,6	24	28,2**	64	49,6**	$\frac{1}{2} p \leq 0,01$ $\frac{5}{6} p \leq 0,01$
Ниже среднего	27	31,7	37	28,7	23	27,1*	49	38*	27	31,8	39	30,2	$\frac{3}{4} p \leq 0,05$
Низкий	26	30,6**	6	4,7**	25	29,4**	8	6,2**	23	27,1**	10	7,8**	$\frac{1}{2} p \leq 0,01$ $\frac{3}{4} p \leq 0,01$ $\frac{5}{6} p \leq 0,01$
Итого	85	100	129	100	85	100	129	100	85	100	129	100	

* Значимость различий на уровне $p \leq 0,05$.

** Значимость различий на уровне $p \leq 0,01$.

Согласно результатам опроса, девушки больше юношей ориентированы на повышение собственного статуса посредством демонстративного потребления, лучше разбираются в символах статуса и активнее их используют.

Данные настоящего анализа согласуются с результатами предыдущих исследований, где женщины представляются более материально ориентированными [10]. Однако необходимо подчеркнуть, что данное поведение реализует не индивидуальные стратегии, а социокультурную норму, навязываемую социумом и принимаемую девушками в процессе гендерной социализации.

Вероятно, такая выраженная ориентация на демонстративное потребление вызвана стремлением найти высокостатусного партнера на брачном рынке по принципу сходства (Г. Беккер): ориентация девушки на знаки статуса повышает ее привлекательность в глазах потенциального высокостатусного партнера. Кроме этого, модель Беккера позволяет предположить, что ориентация девушек на демонстративное потребление отражает особенности российского общества, где численность женщин превышает численность мужчин и демонстративное потребление девушки может стать символом ее «богатого приданого».

На основе данных анкетирования все испытуемые были разделены на четыре группы в зависимости от выраженности установки на показное потребление, его распознавание и практику: с высоким уровнем установки, выше среднего, ниже среднего и низким уровнем. Сравним различные группы испытуемых по этому уровню (табл. 3).

Тех, у кого высокий уровень ориентации на демонстративное потребление, распознавание и реализацию потребления знаков статуса, оказалось одинаковое количество как среди юношей, так и среди девушек.

Молодых людей, чей уровень установки на демонстративное потребление и его практику несколько выше среднего, существенно больше среди девушек (различия значимы; $p \leq 0,01$). Количественных различий среди тех, кто распознает знаки статуса на уровне выше среднего, обнаружено не было (т. е. число девушек и юношей, успешно распознающих знаки статуса, примерно одинаково).

Примерно у трети испытуемых как среди юношей, так и среди девушек уровень ориентации на демонстративное потребление и его практику ниже среднего. Тем не менее девушек, распознающих знаки статуса на таком уровне, значимо больше, чем юношей, поскольку девушек практически нет среди тех, кто вообще не распознает знаки статуса.

Наиболее интересно соотношение юношей и девушек, ориентированных на демонстративное потребление, распознающих и практикующих его на низком уровне. Если среди юношей доля таких испытуемых составляет около трети, то среди девушек только около десятой части.

Таким образом, имеющих высокий уровень установки на демонстративное потребление (распознавание и практика) примерно одинаковое количество среди юношей и девушек, однако среди девушек больше тех, кто обладает средними показателями (как выше, так и ниже среднего) демонстративного потребления, а среди юношей — тех, кто от него отказывается. Очевидно, что гендерный фактор не единственный управляет ориентацией молодых людей на потребление знаков статуса.

Выводы

Анализ результатов используемого опросника, направленного на изучение особенностей демонстративного/показного потребления современной молодежи, позволил выявить общее и различное в показателях демонстративного потребления юношей и девушек.

Девушки, согласно исследованию, оказались в среднем более ориентированными на конструирование социального статуса посредством демонстративного потребления, лучше разбираются в «телесных» символах статуса и активнее их используют, т. к. показное потребление в изучаемой нами форме более плотно встроено в процесс гендерной социализации женщин. Конструирование гендера для женской группы в российском социокультурном пространстве непосредственно связано с привлекательной внешностью и «инструментами красоты» и реализуется средствами потребительской активности в целом и демонстративным потреблением в частности.

Однако анализ количественных различий в выраженности демонстративного потребления у юношей и девушек показал: девушек больше характеризует средний уровень демонстративного потребления (как выше, так и ниже среднего). Среди юношей же чаще встречаются те, кто отказываются от демонстративного потребления (что объясняется возрастными особенностями выборки). Значимых различий по экстремально высокому уровню демонстративного потребления не было обнаружено: как среди девушек, так и среди юношей есть те, кто имеет очень высокий уровень демонстративного потребления. Вероятно, высокий уровень определяется иными факторами (социальный статус, экономическое благосостояние, социально-психологические характеристики и др.).

Подростковый и юношеский возраст является наиболее драматичным и динамичным периодом развития гендерной идентичности, поэтому именно этот период был выбран для анализа гендерного фактора в реализации демонстративного потребления. Данное исследование направлено на выраженное «молодежное» демонстративное потребление. Другие аспекты рассматриваемого феномена, в частности использование маркеров социального статуса для конструирования гендерной идентичности у людей более старшего возраста, требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ., вступ. ст. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылевой. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
2. Дитмар Х. Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 25—36.
3. Дронов Д. С. Особенности престижного потребления у российских женщин // Женщина в российском обществе. 2011. № 2. С. 14—19.
4. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15—24.
5. Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
6. Радина Н. К. Психологические аспекты социализации личности: к вопросу о моделях классификации видов социализации // Психологическая наука и образование. 2005. № 1. С. 45—50.
7. Радина Н. К., Ким Н. В. Дорогое нижнее белье как элемент конструирования идентичности // Коммуникативистика XXI века: перспективы развития социально-

- гуманитарного знания : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, 19 марта 2010 г. / науч. ред. Е. А. Гриднева ; Нижегород. филиал НИУ ВШЭ. Н. Новгород, 2010. С. 115—117.
8. *Радина Н. К., Никитина А. А.* Возможное влияние женщин как гендерной группы на трансформации мужской идентичности // *Женщина в российском обществе.* 2011. № 2. С. 78—87.
 9. *Радина Н. К., Шайдакова Н. В., Мохнаткина И. Н.* Демонстративное потребление современных подростков: социально-психологические особенности // *Социальная психология и общество.* 2013. № 1. С. 52—66.
 10. *Фенько А. Б.* Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // *Психологический журнал.* 2004. № 2. С. 34—42.
 11. *Шайдакова Н. В.* Гендерные аспекты психологии потребительского поведения: анализ «демонстративного потребления» женщин // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2. С. 49—52.
 12. *Шайдакова Н. В., Радина Н. К.* Гендерный анализ демонстративного потребления // *Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее : материалы Шестой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3—6 октября 2013 г., Нальчик / Кабардино-Балк. гос. ун-т. Нальчик, 2013. Т. 2. С. 25—27.*
 13. Beyond by Lexus. 2013—2014. № 2. URL: http://content.lexus-russia.ru/pdf/magazine/Lexus_winter_2013.pdf (дата обращения: 21.01.2014).
 14. Blatant benevolence and conspicuous consumption: when romantic motives elicit strategic costly signals / V. Griskevicius, J. M. Sundie, G. F. Miller, J. M. Tybur, R. B. Cialdini, D. T. Kenrick // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2007. № 93 (1). P. 85—102.
 15. Peacocks, porches, and thorstein veblen: conspicuous consumption as a sexual signaling system / J. M. Sundie, D. T. Kenrick, V. Griskevicius, J. M. Tybur, K. D. Vohs, D. J. Beal // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2011. № 100. P. 664—680.

ББК 88.323

Н. А. Цветкова

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН, ОБРАЩАЮЩИХСЯ ЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ

Одинок не тот, кто один,
а тот, кто чувствует себя одиноким.
А. Моруа

Несмотря на довольно многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых и вполне убедительные научные концепции, объясняющие одиночество как социально-психологический феномен (см., напр.: [4, 5, 6, 10, 11, 14]), женское одиночество в России исследовано недостаточно, в частности, не изучались личностные особенности женщин, обращающихся за психологической помощью по поводу отсутствия в их жизни любимого мужчины. Под женским одиночеством понимается межличностное одиночество (см. классификацию

У. А. Садлера и Т. Б. Джонсона [6, с. 30—33]) россиянок как переживание человеком женского пола отсутствия или недостатка интимной связи со значимым для него человеком мужского пола.

Известно, что российские женщины страдают от женского одиночества в силу целого ряда причин, как объективного (см., напр.: [5, 11, 12, 15]), так и субъективного характера (см., напр.: [1, 7, 11, 13, 14]). Объективно (согласно данным мировой статистики, например Демографического ежегодника Организации Объединенных Наций) Россия лидирует в списке стран с самым высоким числом разводов. Объективно женщин в России, как и во всем мире, больше, чем мужчин, и женщины живут здесь в среднем дольше на 11 лет, чем мужчины (в государствах с высоким уровнем жизни эта разница составляет не более 5 лет). Последнее означает, что редкая взрослая россиянка не столкнулась или не столкнется с ситуацией одиночества в течение своей жизни. Женское одиночество в России — это социальная проблема уже потому, что брачный союз здесь по-прежнему остается преобладающей формой отношений мужчин и женщин (как и в большинстве развитых и развивающихся стран мира), а россиянки хоть и все чаще предпочитают карьеру семье, однако в перспективе видят себя в браке; наличие семьи в гендерной этике России по-прежнему является критерием (не)успешности жизни женщины.

Установлено, что в отличие от мужчин женщины по своей природе более чувствительны и эмоциональны, поэтому более болезненно переживают одиночество. И если мужчина может ослабить душевную боль с помощью другой женщины, то женщине для этого нужна другая любовь.

Хотя женское одиночество в России является малоизученным, однако существуют предпосылки для его более глубокого анализа: выявлена взаимосвязь уровня переживаемого одиночества с возрастными и гендерными характеристиками людей; обнаружен и объяснен более высокий уровень чувства одиночества у женщин, установлена тенденция к обострению чувства одиночества у мужчин по мере взросления [4]; доказана связь между одиночеством и самооценкой (однако пока мало понятен характер этой связи, поскольку «низкая самооценка может выступать и как причина, и как следствие одиночества» (см.: [10, с. 43—48]); выделены типы женщин с риском одиночества в зависимости от того, как они выстраивают свои взаимоотношения с мужчинами [1]; разработана модель женского одиночества и выделены типы субъективного восприятия одиночества женщинами: «негативно-пассивный», «негативно-активный», «позитивно-пассивный», «позитивно-активный» [13]; предпринимаются попытки выявить особенности индивидуальности одиноких женщин [8], предлагаются программы их социально-психологического сопровождения (см., напр.: [1, 7, 13]).

В целом существующие научные исследования одиночества женщин в России и опыт работы практических психологов с одинокими женщинами дают основания рассматривать женское одиночество как многокомпонентный социально-психологический феномен, имеющий определенную структуру (совокупность объективных и субъективных причин, типов, форм, видов переживания, а также стратегий совладания) и связанный с самооценкой.

Предметом нашего исследования явились личностные особенности женщин, обратившихся за психологической помощью в период 2007—2014 гг. с за-

просом об избавлении от женского одиночества. Выборку составили 58 женщин — 29 жительниц Пскова и 29 жительниц Санкт-Петербурга в возрасте от 22 до 53 лет (средний возраст — 39,7 лет).

Из них на момент обращения за помощью 34 (59 %) были разведенными, 24 (41 %) — незамужними и не имевшими опыта жизни в гражданском браке, 7 (12 %) из которых являлись матерями-одиночками. Занимались педагогической деятельностью 20 женщин (35 %), социальной работой — 17 (29 %), юриспруденцией — 8 (14 %), медицинские работники составляли 7 человек (12 %), женщины других профессий — 6 человек (10 %). Имели ученую степень 3 женщины (5 %), высшее гуманитарное образование — 46 (79 %), высшее техническое — 9 (16 %). Воспитывались в полной семье 37 женщин (64 %), в неполной материнской семье — 14 (24 %), в полной семье от повторного брака одного или обоих родителей — 7 женщин (12 %).

Их обращению предшествовало событие, осложнившее им жизнь. Категоризация их трудных жизненных ситуаций (ТЖС) по типу объективной сложности [9] показала следующее: оказались в ТЖС I типа (ситуации, когда возможно восстановление привычного хода жизни) 25 женщин (неприятности обыденной жизни — у 11 женщин; ТЖС в нормальном жизненном цикле — у 14 женщин); находились в ТЖС II типа (разрыв жизненного пути) 33 женщины (ТЖС выживания или слома — у 31 женщины; тяжелые утраты в нормальном жизненном цикле — у 2 женщин). Экстремальные ситуации не установлены. Эти женщины пришли к выводу, что их главная проблема — проблема женского одиночества, причину которого они хотели выявить и устранить.

Сразу отметим, что изначально проблема одиночества практически каждой женщиной озвучивалась как *отсутствие стабильных любовных отношений с мужчиной*, однако в процессе последующих бесед выяснялось, что под этим женщины понимают отсутствие такого мужчины, который улучшит их жизнь (повысит социальный статус, обеспечит материально, будет заботиться), избавит от лишних тягот («вдвоем легче...»), доставит удовольствие (хороший сексуальный партнер), будет понимающим и верным («будет с кем поговорить»).

Личностные особенности клиенток выявлялись в процессе консультирования с помощью следующих методик: 1) теста самооценки (В. Волкова); 2) диагностики уровня личностной фрустрации (В. В. Бойко); 3) диагностики уровня социальной фрустрированности (Л. И. Вассерман); 4) диагностики доверия (шкала Розенберга); 5) диагностики враждебности (шкала Кука-Медлей); 6) диагностики принятия других (шкала Фейя и его адаптированный автором вариант для определения различий в принятии женщинами женщин и мужчин); 7) теста К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация» (СПА); 8) метода незаконченных предложений и метода толкования определений для установления уровня осведомленности в «женском вопросе» [12]; 9) диагностики коммуникативной толерантности (тест В. В. Бойко, адаптированный автором для определения различий в отношениях женщин к мужчинам и женщинам); 10) диагностики реализации потребности в саморазвитии (Н. Н. Фетискин и др.); 11) теста С. Бем по изучению полоролевого поведения [16]; 12) Миннесотского многофакторного личностного опросника (СМОЛ, женский вариант); 13) теста Э. Берна «Взрослый», «Дитя», «Родитель»; 14) методики изучения самосознания и социальных ролей М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?».

Кроме того, у этих женщин определялись: а) сформированность понятия «семья» и способность разграничивать понятия «моя семья» (МС) и «семья моих родителей» (РС) с помощью теста «Семья в круге» Э. Г. Эйдемиллера и построения геносоциогаммы семьи; б) субъекты карательной педагогики в родительской семье; в) эмоционально близкий член семьи (МС и РС).

Поскольку существенных различий по исследуемым показателям между обеими группами (группой псковитянок и группой петербурженок) не выявлено, постольку ниже мы представляем результаты обследования всех 58 женщин*. Данные по ряду замеряемых параметров сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Распределение женщин по уровням развития личностных особенностей

Личностные особенности	Уровень выраженности, количество женщин			Среднее значение показателей по группе в целом, баллы
	высокий	средний	низкий	
Самооценка	32	26		0,72 (высокий)
Личностная фрустрация		9	49	3,0 (низкий)
Социальная фрустрированность		8	50	1,4 (низкий)
Доверие к людям	20	22	16	2,0 (средний)
Враждебность, в том числе:		58		15,8 (средний с тенденцией к низкому)
цинизм	7	51		50,0 (средний с тенденцией к высокому)
агрессивность		58		33,7 (средний с тенденцией к высокому)
Принятие других (по шкале Фейя):				
мужчин	5	53		54,4 (средний с тенденцией к высокому)
женщин	11	47		55,9 (средний)
СПА:				
самопринятие	8	42	8	65,9 (средний)
принятие других		58		62,6 (средний)
эмоциональный комфорт		53	5	57 (средний с тенденцией к низкому)
интернальность	9	49		66,9 (средний)
доминирование		48	10	54,8 (средний с тенденцией к низкому)
адаптация		52	6	55,6 (средний с тенденцией к низкому)
Компетентность в «женском вопросе»	37	21		2,6 (высокий)

* Автор выражает благодарность К. Е. Лагвилава за помощь при компьютерной обработке результатов.

Таблица 1 показывает, что женщины, жалующиеся на одиночество, имеют высокую самооценку, высокий уровень компетентности в «женском вопросе», низкий уровень личностной фрустрации и социальной фрустрированности. Остальные изучаемые показатели находятся в пределах средних значений. Однако стоит обратить внимание на показатели «адаптация» и «эмоциональный комфорт» (они имеют тенденцию к низкому уровню, равно как доминирование и враждебность), а также показатель цинизма — он с тенденцией к высокому уровню. Женский цинизм — это безверие, бездуховность, сформировавшиеся под воздействием фрустрирующих жизненных обстоятельств и психотравмирующих межличностных отношений с мужчинами (каждая маленькая девочка мечтает о большой любви... но с возрастом все большее число женщин сомневается в ее существовании — либо вообще, либо для себя).

В структуре теста СПА есть шкала лживости и эскапизма. Уровень лживости (по тесту СПА) находится в пределах нормы у 56 женщин (97 %) и выявлен как сформировавшееся качество личности (так называемый первый грех Евы) лишь у 2 женщин (3 %). Однако среднее значение этого показателя — 32,7 балла, что свидетельствует о склонности женщин данной группы ко лжи (верхняя граница нормы 36 баллов). Известно, что это качество определяется как преднамеренное искажение действительности в целях избежания неприятных последствий. В детские годы оно формируется в условиях многочисленных неоправданных запретов и суровых наказаний. Эскапизм — это избегание проблем. Как выяснилось, он несвойствен 24 обследованным женщинам (41 %) и находится на уровне ниже нормы (меньше 10 баллов) у 34 (59 %) женщин. Среднее значение по группе в целом — 10,5 балла, что означает наличие тенденции преувеличивать проблемы и брать на себя трудности других, перехватывать ответственность.

Результаты диагностики коммуникативной толерантности показали: а) коммуникативную толерантность к женщинам имеют 35 человек (60 %), 23 женщины (40 %) интолерантны. Среднее значение по группе в целом — 43,4 балла, что означает коммуникативную толерантность (граница нормы этого показателя до 45 баллов); б) коммуникативную толерантность к мужчинам имеют 20 женщин (34,5 %), 38 женщин (65,5 %) интолерантны к ним (среднее значение по группе — 49,8 балла, что свидетельствует об интолерантности). Таким образом, женщины, жалующиеся на одиночество, принимают мужчин в меньшей степени, чем женщин (см. данные по шкале Фейя), но в то же время интолерантны (нетерпимы) к ним.

Диагностика потребности в саморазвитии говорит о высоком уровне выраженности этого показателя у всех 58 женщин (100 %). Тест С. Бем по изучению полоролевого поведения показал, что все 58 женщин андрогинны.

Диагностика личностных расстройств с помощью многофакторного опросника ММРІ (СМОЛ) позволила составить личностный профиль типичной клиентки, обращающейся с запросом о помощи в избавлении от женского одиночества.

Диаграмма (рис. 1) отображает личностный профиль, близкий к профилю психически здоровых людей. Значения показателей L (49), F (46), K (47) указывают на некоторую степень склонности ко лжи, поиску социального одобрения, осторожности и неосознанному контролю поведения. Пик на шкале гипомании

предполагает такие личностные свойства, как беззастенчивость, недружелюбное отношение к окружающим, ненадежность моральных установок. Второй пик (на шкале истерии) свидетельствует о хорошей социальной приспособляемости, широком круге интересов, живости, богатом воображении, но также и о нетерпеливости, раздражительности, склонности жаловаться на болезненное состояние, трудности приобретения авторитета в семье. И в целом этим женщинам присущи истероидные черты в поведении. Их высокая самооценка может отличаться от той оценки, которую дают им окружающие.

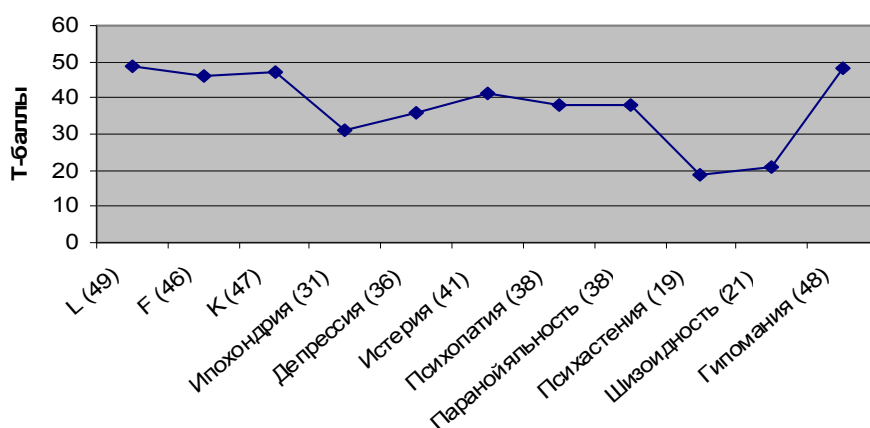

Рис. 1. Личностный профиль типичной женщины, жалующейся на женское одиночество

Результаты, полученные с помощью теста «Взрослый», «Дитя», «Родитель» Э. Берна, позволили наглядно представить структуру личности женщины в зависимости от ролевой позиции, занимаемой ею в межличностных отношениях.

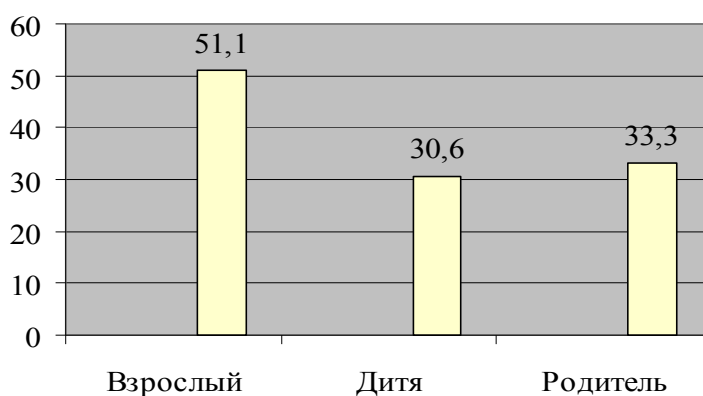

Рис. 2. Структура личности типичной женщины, жалующейся на женское одиночество, в зависимости от ролевой позиции в межличностных отношениях «Взрослый», «Дитя», «Родитель»

Диаграмма (рис. 2) иллюстрирует следующие тенденции: а) преимущественное развитие эго-состояния «Взрослый» по сравнению с эго-состояниями «Родитель» и «Дитя», что является нормой; б) зажатость эго-состояния «Дитя» между

относительно более развитыми эго-состояниями «Взрослый» и «Родитель». Это означает скованную творческую инициативу «внутреннего ребенка», заблокированное самовыражение и, как следствие, проблемы аутентичности. Очевидно, что одинокие женщины имеют деформированную структуру личности (нормативной считается структура: «Взрослый», «Дитя», «Родитель»).

Таким образом, есть основания утверждать, что около 80 % женщин, обращающихся за психологической помощью с запросом об избавлении от женского одиночества, имеют нарушенную структуру личности, занимают неадекватную ролевую позицию в межличностных отношениях. Нормативный вариант структуры личности выявлен лишь у 11 женщин (19 %).

Методика определения особенностей самосознания личности и социальных ролей М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?» позволила выявить те гендерные роли, которые большинство женщин (50 чел. — 86 %) исполняли неосознанно, зачастую деструктивно и саморазрушительно. Среди них чаще других не осознавались: роль экс-супруги — 30 женщин (88 %) из 34 разведенных; дочери — 9 женщин (16 %) из 58; сватья — 4 человека (24 %) из 17 женщин, имевших женатых сыновей и замужних дочерей; 8 женщин (14 %) не справились с заданием — в ответ на вопрос «Кто Я» они представили ассоциации (например, добрая, трудолюбивая...), что можно считать одним из признаков их социальной дезадаптации. Не осознавать роль экс-супруги для женщины означает бессознательно оставаться женой (на самом деле одинокой женщиной, демонстрирующей поведение замужней), тогда как принятие статуса разведенной женщины открывает перспективу нового любовного союза с мужчиной. Если дочь не осознает себя дочерью своей матери, она может наращивать силу эго-состояния «Родитель» в структуре личности и личностно деформироваться или может прийти к выводу, что она «дочь никого», а это приводит к расстройству психики [8]. Недооценка женщиной роли сватья оборачивается для ее детей, стремящихся создать свои семьи, большими трудностями на пути реализации этой цели.

Сформированность понятия «семья» и способность разграничивать понятия «моя семья» и «семья моих родителей» обнаружены лишь у каждой второй женщины, жалующейся на одиночество. 28 (48 %) из 58 женщин употребляли понятие «моя семья», но не в состоянии были представить, кто является ее членами (смешивали контексты своей семьи и семьи своих родителей).

Анализ ситуаций воспитания этих женщин в родительских семьях позволил установить, что лишь по отношению к 7 из них не применялись методы карательной педагогики, т. е. их не наказывали физически. Субъектами карательной педагогики для остальных 52 женщин в их родительских семьях выступали мать (43 женщины — 74 %) и бабушка (8 женщин — 14 %).

Смогли установить эмоциональную близость в родительской семье с братом или сестрой 11 женщин (19 %), с матерью — 9 женщин (16 %), с отцом — 5 женщин (9 %). У остальных 33 женщин были выявлены различные затруднения в установлении эмоционально близких отношений с кем-то из членов родительской семьи: неадекватная близость членов семьи (симбиотическая семья) обнаружена в семьях 9 женщин (16 %); отсутствие эмоциональной близости (эмоциональное отчуждение в родительской семье и сближение

с кем-то вне ее) — 9 женщин (16 %); проблемы идентификации со своей родительской семьей — у 15 женщин (26 % женщин не изобразили себя в кругу родительской семьи).

Установлено также, что в своих собственных семьях обследованные нами женщины решили проблему эмоциональной близости следующим образом: были эмоционально близки с ребенком — 20 женщин (34 %); жили в симбиотической семье — 15 женщин (26 %), не имели в своей семье эмоционально близкого человека, но имели эмоциональную близость вне семьи — 5 женщин (9 %); 16 женщин (28 %) не идентифицировали себя в своей семье (не изобразили себя в кругу своей семьи).

Кластерный анализ полученных данных позволил представить всю выборку следующим образом:

— *кластер 1 («отчаявшиеся»)* — 22 женщины (38 % всей выборки). Женщины этого кластера имеют более высокую степень сложности ТЖС, большее количество разводов, более высокий уровень социальной и личностной фрустрированности, более низкую самооценку; более высокую степень лживости, низкий уровень адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта, относительно высокий уровень доминирования; являются выходцами из неполных семей или семей от повторного брака одного или обоих родителей; в межличностных отношениях чаще занимают ролевую позицию «Родитель». При этом у них более высокий уровень принятия женщин, чем мужчин; низкий уровень враждебности, цинизма и агрессии; высокий уровень саморазвития; низкий уровень эскапизма (есть склонность преувеличивать проблемы, брать на себя тяготы других); низкий уровень развития эго-состояния «Дитя» в структуре личности (что означает дефицит проявления непосредственности и креативности), низкий уровень гипомании (проявления активности) при низком уровне психастении (нервной слабости) и, как следствие, тенденция к депрессии;

— *кластер 2 («малоопытные»)* — 32 женщины (55 %). В этом кластере оказались молодые женщины, незамужние или имевшие один брак, затрудняющиеся в определении понятий «семья», «семья моих родителей», «моя семья»; относительно менее осведомленные в «женском вопросе», с низкими уровнями социальной фрустрации и личностной фрустрированности, доверия к людям, принятия других, особенно мужчин; относительно менее склонные к лжи для адаптирования, с низким уровнем интернальности, более склонные к эскапизму (избеганию проблем), с низким уровнем развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности, не склонные к депрессии, психопатии, паранойальности. При этом у них высокий уровень коммуникативной толерантности (и к мужчинам, и к женщинам), высокая самооценка, высокий уровень адаптации, самопринятия, эмоционального комфорта; они склонны к саморазвитию;

— *кластер 3 (женщины с личностными нарушениями)* — 4 женщины (7 %). В этом кластере оказались клиентки, имеющие деформированную структуру личности. У них не только высокий уровень враждебности, цинизма, агрессии, но и высокие показатели по тесту СМОЛ (заметно выше нормативных значений). Они больше нуждались в психотерапевтической помощи, нежели в психологическом консультировании по проблеме женского одиночества.

Факторный анализ полученных нами данных позволил выявить семь факторов женского одиночества обследованной группы женщин.

1. *Личностно-ситуационный фактор*. Его составляют переменные: возраст, тип ТЖС, осведомленность в «женском вопросе», уровень социальной фрустрированности, доверие к людям, коммуникативная интолерантность к мужчинам, цинизм, самооценка, адаптация, самопринятие, эмоциональный комфорт, ролевая позиция «Взрослый» в межличностном общении. Высокий показатель возраста и большая степень сложности ТЖС сочетаются с высоким уровнем осведомленности в «женском вопросе», высоким уровнем социальной фрустрированности и одновременно — доверия к людям, интолерантностью к мужчинам, слабовыраженным цинизмом, низкой самооценкой, низкой адаптивностью, низким уровнем самопринятия и эмоционального комфорта при высоком уровне развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности.

2. *Фактор воспитания*. В него вошли переменные: паранойяльность, ролевая позиция в межличностных отношениях «Дитя», интернальность, принятие других, лживость (по СПА), враждебность, сформированность понятия «семья», наличие субъектов карательной педагогики. Обнаружено, что у тех женщин, для которых субъектом карательной педагогики в родительской семье выступала бабушка, сформировано понятие «моя родительская семья», но не сформировано «моя семья»; у них низкая враждебность, высокая склонность ко лжи, низкий уровень принятия других, интернальности, паранойяльности, слабый уровень развития эго-состояния «Дитя» в структуре личности.

3. *Фактор адаптивности*. Он включает переменные: шизоидность, психастения, ипохондрия, низкий уровень доминирования, коммуникативная интолерантность к женщинам, эскапизм. По этому фактору обследованные женщины характеризуются как интолерантные, но недоминантные, склонные к уходу в болезнь, имеющие высокие показатели по шизоидному, психастеническому и ипохондрическому типам личности.

4. *Фактор «родительская семья»*. Сюда вошли переменные: гипомания, ложь (по СМОЛ), агрессия, уровень личностной фрустрации и тип родительской семьи. Одинокие женщины из полных семей более склонны ко лжи и поиску социального одобрения; у них низкий уровень гипомании (активности), агрессии, личностной фрустрации.

5. *Фактор «представления о семье»*. Фактор составили переменные: депрессия, истерия, психопатия, (не)принятие других (мужчин, женщин), (не)сформированность понятия «моя семья». Одинокие женщины со сформированным понятием своей семьи характеризуются более высоким уровнем принятия других (как мужчин, так и женщин) при более низких показателях по параметрам «депрессия», «истерия», «психопатия».

6. *Фактор эмоционального центрирования на ребенке*. Сюда вошли переменные: эго-состояние «Родитель» в структуре личности, эмоционально близкий член собственной семьи, количество браков. Жалующиеся на одиночество женщины, имеющие детей, эмоционально более близки с ними, но не занимают по отношению к ним ролевую позицию «Родитель», а ведут себя как «Дитя», т. е. являются «слабыми» матерями. Это означает, что одинокая россиянка ищет себе не партнера — взрослого мужчину с высоким уровнем

развития эго-состояния «Взрослый» в структуре личности, а мужчину — «большое Дитя».

7. *Фактор саморазвития.* Он представлен такими переменными, как саморазвитие и эмоционально близкий член родительской семьи. У тех женщин, кто был эмоционально близок с одним из родителей, уровень саморазвития выше, чем у тех, кто был эмоционально близок с кем-то из сиблингов или другими людьми. Возможно, это объясняется количеством членов в родительской семье: женщины из больших семей менее склонны к самостоятельному развитию.

Выявленные нами факторы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Фактор	Дисперсия фактора, %	Суммарно, %
Личностно-ситуационный	23,185	23,185
Воспитание	17,224	40,409
Адаптивность	14,479	54,887
Родительская семья	13,030	67,917
Сформированность понятия «семья»	12,714	80,632
Эмоциональное центрирование на ребенке	8,538	89,170
Саморазвитие	8,276	97,446

В целом типичная клиентка психолога с запросом об избавлении от женского одиночества — это андрогинная женщина в возрасте около 40 лет с личностным профилем, свидетельствующим о нормативном варианте развития личности; с достаточно высоким уровнем саморазвития и осведомленности в «женском вопросе»; с низким уровнем личностной фрустрации и социальной фрустрированности, склонная доверять людям; невраждебная, но с изрядной долей цинизма и агрессивности; не лишенная эгоцентризма и настойчивости; эмоционально незрелая; с невысоким уровнем социально-психологической адаптации; со склонностью ко лжи и поиску социального одобрения, преувеличивающая свои проблемы и перехватывающая ответственность; с коммуникативной толерантностью к женщинам и коммуникативной интолерантностью к мужчинам; позволяющая себе избавляться от трудностей путем «ухода в болезнь», стремящаяся обратить на себя внимание, ждущая восхищения; как правило, активная, деятельная, энергичная, с приподнятым настроением независимо от обстоятельств; занимающая неадекватную ролевую позицию в межличностном общении («Родитель» — с мужчинами и «Дитя» — с собственными детьми) и закономерно имеющая проблемы в этой сфере. Ее высокая самооценка может значительно отличаться от оценки, которую дают ей окружающие и которую (обычно низкую) имеют одинокие женщины, если судить по исследованиям других авторов (см., напр.: [1, 10, 13, 17]). Часто это женщина, в детстве физически наказываемая матерью; имеющая опыт эмоциональной близости преимущественно с сиблингом, реже — с матерью, совсем редко — с отцом;

начавшая самостоятельную жизнь с несформированным понятием «семья» и неспособностью разграничить понятия «моя семья» и «семья моих родителей»; эмоционально близкая с собственным ребенком.

Однако данная группа клиентов психолога не является однородной: в ней выделяются три типа одиноких женщин — «отчаявшиеся», «малоопытные», «женщины с личностными нарушениями». Различия между ними довольно значительные, и их необходимо учитывать в процессе консультирования, а также при организации групповой работы с женщинами.

В заключение отметим: то, как женщины реагируют на женское одиночество — враждебностью или депрессией, смирением или поиском профессиональной помощи в избавлении от него, зависит от их собственных объяснений причин отсутствия желанного мужчины в их жизни. Поэтому психологу важно определить каждый из трех компонентов личностного объяснения одиночества: 1) конкретное событие, повлекшее за собой женское одиночество; 2) постоянные причины женского одиночества (характеристики личности, например стеснительность) или ситуации («Здесь нет мужчин»); 3) возможные позитивные способы избавления от женского одиночества (новые знакомства или большая интимность существующих взаимоотношений).

Главное — помочь одинокой женщине избежать самоуничтожения. По этому поводу Д. Милнер написал: «Сказать: “Я одинок” — значит, признать, что ты, по существу, неполноценен, что ты никем не любим» (цит. по: [10, с. 15]). Женщины, о которых идет речь в этой статье, признали себя одиночками... Но признание проблемы — уже половина ее разрешения. Задача консультанта — содействовать укреплению чувства личного контроля женщины над ее социальными связями, а также выбору оптимальной стратегии совладания с женским одиночеством. Этими стратегиями могут быть: 1) изменение личной ситуации методами оптимизации социальной сети; 2) изменение отношения женщины к ситуации одиночества (вместо «За что мне это?» поставить вопрос «Для чего мне это нужно?»); 3) самоизменение (коррекция самооценки, саморазвитие, самосовершенствование и личностный рост).

Библиографический список

1. Волков И. А., Музыченко В. П. Лоскутное одеяло для одинокой женщины. М. : Мысль, 1993. 144 с.
2. Гурко Т. А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Ин-т социологии РАН, 1998. Гл. 8. С. 173—195.
3. Де Гольжак В. История в наследство: семейный роман и социальная траектория / пер. с фр. И. К. Масалкова. М. : Ин-т психотерапии, 2003. 233 с.
4. Деточенко Л. С. Социально-демографическое измерение экзистенции одиночества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2014. № 7 (45), ч. 1. С. 47—50.
5. Климентьева Е. Н. Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение. 2009. № 3. С. 97—101.
6. Лабиринты одиночества : сборник статей / под ред. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989. 624 с.

7. *Либина А.* Чтобы не осталась женщина одинокой : психология совладания с кризисами и сложными жизненными ситуациями. М. : Селена, 1995. 560 с.
8. *Никулина С. А.* Особенности индивидуальности одиноких женщин. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VIII/uch_2008_VIII_00013.pdf (дата обращения: 21.07.2014).
9. *Осухова Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М. : Академия, 2007. 288 с.
10. *Пузанова Ж. В.* Проблема одиночества : (социологический аспект). М. : Изд-во РУДН, 1998. 58 с.
11. *Рогова Е. Е.* Одиночество в условиях современного общества : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2012. 297 с.
12. *Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство : историческая судьба женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М. : Леман и Плетнёв, 1914. 510 с.
13. *Шитова Н. В.* Социально-психологические особенности одиноких женщин : дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009. 186 с.
14. *Шитова Н. В.* Феноменология одиночества: возможные причины женского одиночества и психологическая характеристика личности одиноких женщин // Территория науки. 2007. № 2. С. 282—286.
15. *Эльячефф К., Эйшиш Н.* Дочки-матери: третий лишний? М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2013. 446 с.
16. *Vet S.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165—172.

ББК 66.1(2)53-17

Н. Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВИЗАНТИЗМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Современные исследователи российского консерватизма отмечают актуальность обращения к созданной в его рамках в XIX — начале XX в. политической теории [30, с. 5—6]. Тексты теоретиков российского консерватизма в постсоветском научном гуманитарном сообществе переинтерпретируются в соответствии с новыми вызовами политической реальности и в связи с последними, разработанными в рамках социогуманитарного знания методами анализа нарративных источников. Политическая мысль консерватизма, развивавшаяся изначально в России в условиях монархического политического порядка и концентрировавшаяся на теоретическом обосновании его фундаментальной ценности для существования российской цивилизационной модели развития, циркулирует на данный момент в политической системе, построенной на принципах демократии. Основы демократических режимов составляют политический плюрализм, доступность гражданам политической власти и наличие механизмов их участия в принятии политических решений «независимо от пола, расы,

© Козлова Н. Н., 2014

национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [12, ст. 19, п. 2]. В рамках дискуссии о природе и назначении полов в современном российском интеллектуальном пространстве существует устойчивая тенденция поиска культурных корней, которая принимает форму дискурсивного возвращения к традиционной женственности и проявляется в текстах, посвященных прославлению матери, супруги, подруги и музы выдающихся мужчин [7, с. 19]. По мнению Т. А. Филипповой, интеллектуальная мода на консерватизм, возникшая в России в 1990-х гг., была востребована властным дискурсом в начале XXI в. [29, с. 5]. К политическим идеям отдельных представителей российского консерватизма дореволюционного и эмигрантского периода апеллируют современные политики [20]. Распространение консервативного дискурса в современной России, по мнению исследователей, «теологизируя» гендерную проблематику и реанимируя традиционную идеологию женского предназначения, создает опасность для укрепления «постсоциалистического патриархатного ренессанса», решения социально-экономических проблем за счет женщин [13, с. 119; 19, с. 12; 31, с. 29]. Итак, в современном российском культурно-политическом пространстве артикулируются различные направления развития отечественной политики — демократические принципы равенства полов и консервативно-архаичные идеи политического отчуждения женщин, которые ставят российские власти перед необходимостью выбора одного из них.

Задача гендерного анализа текстов политических мыслителей — выявление их позиции в вопросе о роли полов в политической жизни общества, рассмотрение их аргументации и рекомендаций. Применяя гендерный подход к изучению политической мысли, исследователи поставили следующие вопросы: в чем политическое значение различий между полами; каким образом осуществляется патриархатное конструирование основных категорий политической теории; какое политическое значение имеют различия между самими женщинами и т. д. [18, с. 14]. В результате гендерного анализа западной политической мысли исследователями была поставлена под сомнение универсальность политического знания, продемонстрирована его андроцентричность, формирование политического дискурса как мужского. Американский политолог С. Окин в книге «Женщины в западной политической мысли» формулирует этот вывод следующим образом: «Великая традиция политической философии состоит в том, что, вообще говоря, это сочинения, написанные мужчинами, для мужчин и о мужчинах» [32, р. 5].

Анализ трудов российских мыслителей с гендерных позиций был проведен С. Г. Айвазовой [1, 2], О. А. Ворониной [5], О. М. Здравомысловой [8], О. В. Рябовым [23, 24, 25], Г. А. Брандт [4], Т. Е. Осипович [17] и другими. О. В. Рябов так формулирует значение гендерного анализа социально-гуманитарной мысли: «Определение особенностей гендерной маркировки основных понятий, специфики конструирования гендерной картины мира тем или иным философствующим субъектом создает возможность для получения той или иной информации о многих аспектах той или иной культуры» [26, с. 7].

Цель данной статьи заключается в проведении гендерного анализа одной из оригинальных концепций российской политической мысли — концепции

византизма К. Н. Леонтьева. Гендерный анализ творчества российского консерватора позволит выявить соотношение модернизационных и традиционных установок в его мировоззрении.

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) — русский мыслитель XIX в., один из представителей консервативной политической мысли пореформенной России. Все исследователи творчества мыслителя солидаризируются в признании своеобразия его идей, оригинальности его подхода к рассмотрению социально-политических проблем России [3, с. 80; 9, с. 368; 16, с. 427; 22, с. 20]. Н. А. Рабкина достаточно точно резюмирует политическое кредо мыслителя, утверждая, что он выступал «патриотом и трубадуром сильной российской государственности, монархической автократии, в коей официальной православной церкви отведена подчиненная роль, где вся социальная жизнь должна иметь строгую иерархически-конусообразную застывшую форму» [21, с. 42].

Политическое мировоззрение Леонтьева складывалось на протяжении всей его богатой и насыщенной событиями жизни: он был и писателем, и врачом, и консулом, и цензором, и помещиком, и публицистом, и монахом. Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 г. в селе Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии в семье дворян. Воспитанный на либерально-эстетической литературе 1840-х гг., в молодости он верил в прогресс и свободу. Однако уже в ранних произведениях Леонтьева очевидно прослеживалось отражение его мужского опыта, прежде всего опыта военной службы в период Крымской кампании. Демонстрируя смену образа жизни в 1850-х гг., он писал, что сбежал от общества «молодых девушек, которые говорили по-английски, грассировали и танцевали на лучших московских вечерах» и кинулся с головой вниз в жизнь более грубую, более страшную, более тяжкую для тела, но более здоровую и легкую для души и ума [15, т. 6, с. 138—139]. Таким образом, Леонтьев разграничивал гражданский образ жизни и военный, которые в гендерном аспекте соотносились как пассивные и активные, женские и мужские виды деятельности.

После Крымской войны Леонтьев начал развивать тему идеального государства, в котором правят воины и жрецы, армия и церковь. Консервативный идеал Леонтьева в гендерной перспективе обретал все более маскулинный характер: «Я стал любить монархию, полюбил войска и военных, стал и жалеть, и ценить дворянство» [14, с. 552]. «Самый высший род гражданства — это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучший гражданин — это честный в своем призвании, смелый и даровитый воин», — писал мыслитель [14, с. 313]. Утверждение Леонтьева, что военные легко находят применение и в мирной жизни, что «военный может легко и скоро стать всем: дипломатом, администратором, министром, хозяином сельским, хорошим мировым судьей, художником, ученым», что «генерала можно прямо сделать начальником губернии или поручить ему дипломатический пост» [14, с. 314], вполне соответствовало видению мыслителем совершенного общества, в котором доминируют принудительные, силовые методы реализации власти. В качестве носителей идеальной маскулинности Леонтьев упоминал в своих текстах Гурко, Скобелева и других, а князя Алексея Церетелева, дипломата и литератора, автора «Писем с похода», он с восхищением описывал в своих «Воспоминаниях»: «Он был герой и в самом тесном значении этого слова, т. е. в смысле военного мужества; он был просто очень храбр...» [11, с. 456—457].

Во время пребывания на дипломатической службе на Балканах в 1871 г. Леонтьев пережил духовный перелом, после которого оставил карьеру ради религии и вступил «в патриархат» — «под начало отцов» на Афоне [10, с. 421]. В 1874 г. он написал свой основной труд «Византизм и славянство», который следует рассматривать как защитную реакцию традиционной русской культуры на рецепцию российским сообществом новых европейских принципов социального и политического бытия. Для Леонтьева было очевидно, что величие России на международной арене определялось не социальным и техническим прогрессом, а национальным своеобразием, «без которого можно быть большим, огромным государством, но нельзя быть великой нацией» [15, т. 7, с. 121—122]. Поэтому мыслитель выдвигал следующие требования к циркулирующим в российском публичном пространстве идеям: «Истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения» [14, с. 481].

Защита ценностей традиционного общества вытекала из социально-политической концепции Леонтьева, получившей название «византизм». «Византизм есть, прежде всего, особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов» [14, с. 33]. Поэтому мыслитель полагал, что сильны и могучи в России «только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир», а «измена византизму приведет к гибели Отечества» [14, с. 59]. Для реализации прогрессивно-охранительного, антилиберального идеала развития России Леонтьев указывал на необходимость двух условий — «смелости власти и покорности общества и народа» [14, с. 482].

«Смелость власти» обретает в концепции Леонтьева черты мощного маскулинного государства, базирующегося на строгом иерархическом порядке и дисциплине: «Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и страшен, и любим, — необходима прочность строя, меньшая переменчивость и подвижность его; необходима устойчивость психических навыков у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины» [14, с. 615].

В «Византизме и славянстве» Леонтьев стремился показать, что исторически российское государство оформилось как самый мощный социальный институт, благодаря чему оно и способно поддерживать порядок: «Государство у нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи... Монархическое начало является у нас единственным организующим началом, главным орудием дисциплины...» [14, с. 44].

Помимо применения внешнего насилия маскулинного деспотического государства к подданным, которое И. А. Голосенко удачно охарактеризовал как осуществление государством «функции кары божьей» [6, с. 253], Леонтьев

проповедовал и внутреннюю репрессию — религиозно-аскетическое самоистязание. Отмечая, что во всех сферах Леонтьев ценил принудительный характер, современники мыслителя подвергали критике предлагаемые Леонтьевым методы, называя их аракчеевщиной и аморализмом [27, с. 563; 28, с. 525].

Мощь как характеристика государства для Леонтьева была тесно связана с признанием его лидером на мировой арене, с удовлетворением его имперских амбиций. Для укрепления роли Российского государства в Европе он предлагал активно распространять во всем славянстве древнее «святоотеческое христианство в наитеснейшем союзе с Восточно-Греческими Церквями» [14, с. 481].

Если маскулинное государство, по Леонтьеву, представляли исключительно великие мужи — дворяне, аристократы, то лавры строителей российской цивилизации они делили с представителями низшего крестьянского сословия — мужиками. Прошлое России мыслитель определял как «полудворянское, полумужицкое» [14, с. 398].

В работах Леонтьева мужики выступали в двух важных с позиций гендерного подхода ипостасях: как представители этноса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «народ») и как представители демоса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «простой народ»). Мыслитель сблизил понятия народа как этноса и демоса, поскольку носителем этноса у Леонтьева являлся демос. Таким образом, ассоциируя народ (этнос-демос) с мужиками, Леонтьев придал андроцентричный характер русской национальной культуре.

Обращение к социальным персонажам — русским мужикам — Леонтьев предварил критикой Гоголя: «Было время, когда о мужике, например, у нас никто не писал; писали о “военных героях”; потом явился Гоголь — и запретил писать о героях (разве о древних, вроде Бульбы), а о мужиках позволил. И все стали писать даже не о мужиках, а о “мужичках”» [14, с. 563—564].

В первой обозначенной нами роли русского мужика как представителя этноса наиболее важным, по Леонтьеву, является сохранение им русской культуры. Леонтьев полагал, что можно разделить русское общество на две половины: одну народную, которая ничего, кроме своего русского, не знала, и другую космополитическую, которая своего русского почти вовсе не знала [15, т. 7, с. 116]. Мыслитель считал, что «в нашем простом народе отчасти скрыт, отчасти уже ясен наш национальный характер» [15, т. 7, с. 119]. Леонтьев в отличие от многих мыслителей XIX в. отмечал положительный эффект от жесткой разделенности высшего и низших сословий в России, т. к. это, с его точки зрения, и позволило сохранить русскую культуру в мужике: «Прежнее сословное отдаление сознательной части нашего общества от наивной его части принесло ту пользу, что сохранило простой народ в большой неприкосновенности... Удаленный от высшего сословия, нисколько не сходный с ним ни в обычаях, ни в одежде, ни в интересах, страдавший нередко от самовластия помещиков и неправосудия чиновных властей, народ наш встречался с европеизированным дворянином как соотечественником только на поле битвы и в православной церкви» [15, т. 7, с. 115].

Мыслитель давал характеристики русскому мужику, противопоставляя его представителям других этносов в дихотомии «свой — чужой». Описание последнего Леонтьев насыщал обилием негативных коннотаций, рельефно

манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа: «Русский мужик очень развит, особенно в некоторых губерниях. Он умен, тонок, предприимчив; в нем много поэтического и музыкального чувства; местами он неопрятен, но местами очень чист и всегда молодец. Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне... Великоросс может все, что может другой славянин; но он сверх того способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, и другие европейцы не способны!» [15, т. 7, с. 128].

Леонтьев в работе «Грамотность и народность» привел в пример знаковые для мыслителя факты, в которых русский мужик рассматривался как символ русской нации и русской культуры. В частности, в одном случае речь шла об итальянском карнавале, на котором участвовала колесница с комической группой, изображавшей борцов восточного вопроса: турок был в классической своей одежде, англичанин изображен был в виде матроса; француз в виде парижского франта, а «русский в виде мужика» [15, т. 7, с. 96]. В другом случае автор описывал и комментировал события, произошедшие на Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1862 г.: иностранцам понравилась русская утварь — мужичьи миски [15, т. 7, с. 112—113].

Рассматривая русского мужика как представителя демоса, Леонтьев акцентировал внимание на его месте в системе властных отношений. В своих произведениях он представил русского мужика как носителя аполитичной культуры. По мнению мыслителя, русский мужик гораздо глубже, чем представители других классов, понимал сущность власти: «Мужик наш, освобожденный Государем от вековых условий необходимого в свое время крепостного права... адресов не пишет, альбомов не заказывает, праздников “государственных” и “национальных” не празднует... он повинуетя не только с виду, но и по идее. Он молится в церкви за Царя и Его Семью. Он не играет в мелкую оппозицию, он не “либеральничает”, не суется судить и рядить обо всем... Он благодарен — и молится... Он, по прекрасному выражению нашего великого романиста Л. Толстого, говорит и верит, что “Александр Николаевич всех нас обдумывает”!» [15, т. 8, с. 278]. Согласно Леонтьеву, особый пиетет русского мужика к монархии распространялся и на бюрократический аппарат: «Губернатора мужик готов даже любить за то только, что он Царский губернатор» [14, с. 487].

Описанная патриархально-подданическая культура русского мужика отличает его от представителей других классов, прежде всего от части космополитического дворянства и интеллигенции, создавая иерархию моделей маскулинностей. Если маскулинность представителей высших и низших классов выстраивалась главным образом через связь с самодержавием: дворянство состояло на службе у государя, крестьянство несло повинности и сохраняло традиционную русскую культуру, то интеллигенция являлась, с точки зрения Леонтьева, носителем негативных антиэтатистских установок: «В этой “интеллигенции” господствует полный индивидуализм интересов и собственности; она либеральна, тревожна и растеряна» [14, с. 357]. Тем самым Леонтьев маргинализировал маскулинность интеллигенции, расположив ее ниже маскулинностей дворян и крестьян. Лишенные связи с государством и с его национальной культурой мужчины-интеллигенты превращались у Леонтьева в предателей родины, против которых он вел борьбу на публицистическом поприще.

Политические ценности русского мужика были ориентированы на поддержку самодержавия и заключали в себе «больше охранительной твердости, больше верности преданиям, больше даже государственного инстинкта, чем в тех общественных слоях наших, которым предоставлена полная свобода беднеть, богатеть, продавать и покупать личную собственность, менять место оседлости и так далее» [14, с. 356]. Негативно оценивая зараженную «либеральной испорченностью» российскую элиту, он приветствовал безграмотность и стихийную мощь мужицкого мировоззрения: «Мужик, например, не только молясь в Церкви, но даже и сидя в кабаке, уже тем умен и хорош, что он в прогресс не верит (т. е. в прогресс благоденственный и вечный). Он, когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, думает, что “все мы под Богом” и “все от Бога!”» [15, т. 8, с. 408]. В результате своих размышлений Леонтьев сделал практический вывод, что России необходимо было «побольше местного самоуправления с мужицким оттенком в уездах и побольше отеческого самоуправления в высших сферах власти» [14, с. 483]. Таким образом, проблема сохранения национальной культуры, национальной самобытности имела в концепции Леонтьева ярко выраженный гендерный аспект: носителями русской культуры выступали только мужчины.

Подводя итоги гендерной интерпретации социально-политических взглядов мыслителя, необходимо констатировать строгое различие публичной и приватной сфер, соотносящихся с мужской и женской областями деятельности. Симпатии Леонтьева на стороне военного сословия, активность последнего на поле боя противопоставлялась философом вялой негражданской жизни верхов, олицетворением которой являлось женское светское общество. Идеальный гражданин для Леонтьева — это воин, полный сил и отваги, представляющий собой образец маскулинной аристократии. Государство наделяется Леонтьевым атрибутами мощи, ресурсами насилия, что позволяет квалифицировать его как маскулинное. В концепции византизма Леонтьева мужчины являются основными социальными субъектами, которые выступают и как представители этноса, и как представители демоса. Мужики, по мнению мыслителя, были практически единственными носителями русской культуры. Маскулинность либеральной, прозападной интеллигенции маргинализировалась им. Таким образом, в трудах К. Н. Леонтьева теоретическое конструирование политической жизни непосредственно связано с моделированием маскулинных ценностей и ролей. Возможность мужчин реализовывать гражданские права в публичной сфере легитимизируется их способностью выполнять функцию защиты государства. В политической концепции мыслителя четко прослеживается конструирование иерархии моделей маскулинностей, базирующихся на принципе сословности и этакратизма. Позитивный характер модели маскулинности («воина-богатыря», «русского мужика») определялся консерватором выполнением предписанных конкретному сословию обязанностей, а также тесной связью с самим государством через несение военной и гражданской службы, тягловых повинностей и т. д. Негативный характер моделей маскулинности конструировался за счет наделения носителей данной маскулинности секуляризированным сознанием, нигилистическим отношением к русской культуре, стремлением разрушить монополию царствующей династии на политическую власть.

Библиографический список

1. *Айвазова С. Г.* Из истории феминизма // *Общественные науки и современность.* 1992. № 6. С. 153—168.
2. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. *Афанасьев В. В., Устьян А. Р.* Политический византизм Константина Леонтьева // *Социология.* 2008. № 3. С. 80—95.
4. *Брандт Г.* Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб. : Алетейя, 2006. 160 с.
5. *Воронина О. А.* Традиционные философские, социологические и психологические теории пола // *Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной.* М. : МЦГИ и др., 2001. С. 29—49.
6. *Голосенко И. А.* К. Н. Леонтьев // *Социологическая мысль в России : очерки не-марксистской социологии последней трети XIX века — начала XX века.* Л. : Наука, 1978. С. 244—254.
7. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Феминистский перевод: текст, автор, дискурс : введение // *Хрестоматия феминистских текстов : переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной.* СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. С. 5—28.
8. *Здравомыслова О. М.* «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // *Общественные науки и современность.* 2000. № 4. С. 109—115.
9. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М. : Республика, 2005. 368 с.
10. *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев : жизнь и творчество // *К. Н. Леонтьев: pro et contra.* СПб. : Изд-во РХГУ, 1995. Кн. 2. С. 229—699.
11. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева / публ. О. Е. Майоровой // *Лица : биографический альманах.* М. : Феникс ; СПб. : Atheneum, 1995. № 6. С. 453—472.
12. Конституция Российской Федерации. СПб. : Литера, 2012. 64 с.
13. *Кочкина Е. В.* Систематизированные наброски «Гендерные исследования в России»: от фрагментов к критическому переосмыслению политических стратегий // *Гендерные исследования.* 2007. № 15. С. 92—143.
14. *Леонтьев К. Н.* Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. 728 с.
15. *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. СПб. : Владимир Даль, 2000—2012. Т. 6, кн. 1. 2003. 824 с. ; Т. 7, кн. 1. 2005. 560 с. ; Т. 8, кн. 1. 2007. 640 с.
16. *Мещеряков Н.* Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева / коммент. С. Дурылина // *Литературное наследство.* М. : Журн.-газ. об-ние, 1935. Т. 22/24. С. 427—432.
17. *Осипович Т. Е.* Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX—XX вв. // *Общественные науки и современность.* 1998. № 4. С. 174—181.
18. *Пейтман К., Шенли М. Л.* Введение // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии / под ред. Н. А. Блохиной.* М. : РОССПЭН, 2005. С. 11—24.
19. *Посадская А. И.* Женские исследования в России: перспективы нового видения // *Народонаселение.* 2002. № 2. С. 11—18.
20. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 20.04.2014).
21. *Рабкина Н. А.* «Византизм» Константина Леонтьева // *История СССР.* 1991. № 6. С. 28—44.

22. *Рубцова Т. Н.* Концепция культуры К. Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1991. № 4. С. 20—30.
23. *Рябов О. В.* Женщина и женственность Серебряного века / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. 160 с.
24. *Рябов О. В.* «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 116—122.
25. *Рябов О. В.* «Россия-Сфинкс»: гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // Гендер как интрига познания : сборник статей. М. : Рудомино, 2000. С. 36—46.
26. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999. 359 с.
27. *Соловьев Вл.* Леонтьев Константин Николаевич // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1886. Т. 17 (34). С. 562—564.
28. *Трубецкой С.* Противоречие нашей культуры // Вестник Европы. 1894. Кн. 8. С. 510—527.
29. *Филиппова Т. А.* Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Избранное / сост., авт. коммент. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов, авт. вступ. ст. Т. А. Филиппова. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5—43.
30. *Шамиурин В. И.* Консерватизм и свобода. Краснодар : Глагол, 2003. 476 с.
31. *Шведова Н. А.* Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 22—29.
32. *Okin S. M.* Women in Western Political Thought. Princeton : Princeton University Press, 1979. 413 p.

ББК 74.03(2)5-422

И. Е. Лыскова

Н. И. КАРЕЕВ О ПРОБЛЕМАХ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Формирование рациональной системы общего и профессионального образования признается одним из приоритетных направлений современного социально-экономического и политического развития России. Выбор наиболее эффективных моделей государственной политики в области образования, решение современных задач совершенствования структуры и содержания образования, обеспечивающего высокую степень мотивации персонального развития и стремления к самореализации личности в профессиональной сфере, требуют глубокого анализа исторического опыта России в плане актуализации истории отечественного образования, изучения наследия выдающихся представителей российской научной мысли.

© Лыскова И. Е., 2014

Одной их ярких и многогранных фигур в истории российской науки был Николай Иванович Кареев (1850—1931). Он получил широкое признание в кругах российской и зарубежной научной общественности как историк, философ, социолог, талантливый педагог. Его многотомный труд «История Западной Европы в новое время» (т. 1—7, 1892—1917), а также докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (т. 1—3, 1883—1890) признаны классикой отечественной и зарубежной историографии. Спустя многие десятилетия к Н. И. Карееву вернулось признание как основателя русской социологии. Его работы, в частности монументальное «Введение в изучение социологии» (1897), оставили неизгладимый след в истории западноевропейской и российской социологической мысли. Все большего внимания современных исследователей требует система экономических взглядов ученого. В своих трудах он обращался к вопросам экономического развития стран Западной Европы и России, исследовал различные формы хозяйственной деятельности, актуализировал роль человеческого фактора в истории социально-экономических и политических процессов.

Н. И. Кареев самым непосредственным образом причастен к процессам развития общего и профессионального образования [13]. Знакомство с многочисленными трудами ученого позволяет судить о прогрессивности его гуманистических убеждений, связанных с вопросами персонального развития, обоснования ценностных и смысловых ориентиров, осознания роли образования и особенно самообразования в процессе профессионального самоопределения и самореализации человека в различных сферах общественной деятельности, что соответствует ключевым положениям современного персонального менеджмента.

Есть все основания полагать, что Н. И. Кареев заложил основы персонального менеджмента, однако по политическим мотивам его идеи не получили признания ни в самодержавной России, ни при советской власти. Как отмечал Б. Г. Сафронов, за свои либеральные убеждения Н. И. Кареев пострадал дважды. Либерализм ученого оказался «одинаково неприемлемым и для царизма как чрезмерно радикальный, так и для правительства рабочих и крестьян как чрезмерно консервативный» [14, с. 70]. Только сегодня мы поражаемся глубине и неутраченной актуальности его теории и практики персонального развития.

Особенно следует отметить работы Н. И. Кареева, адресованные молодежной аудитории России. Среди них «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (1894); «Беседы о выработке миросозерцания» (1895); «Мысли об основах нравственности» (1895); «Мысли о сущности общественной деятельности» (1895); «Выбор факультета и прохождение университетского курса» (1897); «Идеалы общего образования» (1901). Многие идеи ученого по проблемам общего и профессионального образования и самообразования, самопознания и самореализации не только не утратили своей значимости, но, выдержав испытание временем, заявляют о необходимости новых подходов к изучению многогранного научного наследия Н. И. Кареева.

Вполне логично, что обозначенные задачи имели особую значимость для молодого поколения, школьной и студенческой молодежи. Он подчеркивал: «Учиться вообще еще не значит учиться в школе; учащаяся молодежь —

все юноши обоего пола, которые учатся в учебных заведениях, на публичных лекциях, из книг». Не без сожаления ученый отмечал, что школьная молодежь не всегда является учащейся: «...бывает молодежь только веселящаяся, только кутящая и мало ли чего еще делающая, но... только не учащаяся. Самообразование есть то же учение: раз молодой человек занимается самообразованием, стремится к нему или, по крайней мере, начинает чувствовать в этом потребность, он — “учащаяся молодежь”» [8, с. 2]. Именно такую аудиторию, полную желаний и стремления к совершенствованию своего внутреннего мира, особенно ценил Н. И. Кареев.

Обращаясь к Н. И. Карееву, П. А. Конский, один из его коллег и бывших учеников, писал: «Ваша горячая любовь к молодежи, Ваша всегдашняя готовность прийти на помощь, идет ли речь об ее умственных потребностях или об ее материальной нужде, глубоко гуманитарные воззрения Ваши, проповедуемые ей, не могут не оставить плодотворного следа в развитии молодых поколений, на которых сосредотачиваются все надежды на будущее» [12, с. 273].

Первостепенными задачами, стоящими перед молодежью, по мнению Н. И. Кареева, были ее образование и самообразование, формирование научного, нравственного и социального мировоззрения, самореализация в сфере профессиональной деятельности и целый ряд других практических вопросов, в частности организация самообразования. Особенно в этом отношении следует отметить работу Н. И. Кареева в качестве организатора Отдела для содействия самообразованию при Военно-педагогическом музее Санкт-Петербурга [15].

Как отмечал известный русский публицист того времени Б. Б. Глинский, «вопрос о “самообразовании” уже не первый десяток лет волнует русское общество и молодежь, но никому как-то в голову не приходило обратиться по этому предмету с беседой к молодежи. Г. Карееву посчастливилось — он попал в удачный момент, когда окружающая жизнь нема вопросами, выкинул красивый флаг, на котором обозначено увлекательное слово “молодежь”; отсюда успех его “Писем”, популярность его имени. Г. Карееву, как общественному деятелю, как члену ученой и педагогической корпорации, имеющему уже по самому своему положению в глазах молодежи вес, следует быть признательным за то, что он удачно пустил в обращение многие прекрасные мысли о самообразовании...» [2, с. 373].

Н. И. Кареев подчеркивал индивидуальную ценность образования. Он был убежден, что «общее образование должно быть гуманным, общечеловеческим... Идеалом общего образования должно быть образование по возможности многостороннее, охватывающее и мир природы, и мир человека, и внутреннюю жизнь личности, и явления общественной жизни» [7, с. 43]. Не без оснований автор утверждал, что в деле общего образования гораздо важнее делать акцент не на фактические знания, а на их «идейное» содержание. «Образование есть не столько обладание фактическими знаниями, сколько способность понимания, предполагающая обладание известными идеями... Высший идеал образованности, — утверждал Н. И. Кареев, — вовсе не в том заключается, чтобы знать все, что только знают все ученые мира, но в том, чтобы понимать все идеи века, имеющие общий интерес и могущие быть доступны каждому» [11, с. 26].

Неоднократно Н. И. Кареев обращался и к вопросам женского образования в России. Примечателен тот факт, что так называемый «женский вопрос», т. е. вопрос «несправедливого» отношения к женщине в русском обществе, волновал будущего профессора с раннего детства. Вспоминая свои детские годы, Н. И. Кареев писал: «В дни рождения и именин мама возила меня в собор к ранней обедне... Я по несколько раз прочитывал весь молитвенник, смущаясь не только тем, что во многих местах и молитвах говорилось об “отце и братьях”, но нигде не упоминалось ни матери, ни сестры. В своих обращениях к Богу я делал необходимую поправку: вот где и когда у меня зародилась мысль о женском равноправии» [10, с. 76].

Эволюция взглядов на роль женщины в обществе, а также осмысление сущности образования в плане социального развития женщин нашли отражение в уникальном стихотворении Н. И. Кареева «Иные были времена...» [1]:

Иные были времена,
Иные царствовали взгляды.
Стояла крепкая стена,
Везде заставы и преграды.

«Наука, право, не для дам,
Смешны ученые девицы.
Пристало б синим лишь чулкам
В мужские сюртуки рядиться.

Избавь, Бог, женщин от наук,
Они в них убивают чувство,
И для ума их и для рук
Довольно одного искусства.

Рисуйте птичек и цветы,
Игрой займитесь на рояле,
Стихи любите и мечты,
И танцев прелесть в бальном зале.

Оставьте братьям и мужьям
Наук и дел сухую скуку.
Нет, нет и нет, совсем не вам
Идти в ученость и науку.

Ах, женственность — великий дар,
Им наделяет вас природа.
Идет ли к женщине загар?
Не делайте себя уродом.

Недаром вы — прекрасный пол,
Призвание ваше — красота.
С наукой, худшее из зол —
Уйдет святая простота».

И вот была окружена
Наука крепкою стеною.
Да ни единая жена
Не осквернит ее собою.

Как недоступный ей алтарь
Возможен только для мужчины,
Везде так повелось встарь,
Веков сменяя годовщины.

Под кровом отческих преданий
Бесправная царила ложь,
И без надежд, без ожиданий
На сон был быт вполне похож.

И женщина — не человек,
Как курица была не птица.
И проходил за веком век,
Времен катилась колесница.

Но искра правды все ж жила
В сознании хотя немногих
И вспыхнуть только не могла
Среди условий тех убогих.

Всему на свете свой черед,
И тут пришло иное время,
И люди двинулись вперед,
Как обновившееся племя.

Еще ребенком, помню, рос
Я в отживавшем мире старом,
Когда про женский я вопрос
Узнал, и было то недаром.

Острота проблемы развития женского образования касалась не только финансовых аспектов государственной политики в области образования. После отмены крепостного права все большую актуальность приобретали задачи обеспечения социального равноправия мужчин и женщин. Тем не менее дискуссии

о необходимости сохранения раздельного обучения «лиц женского и мужского пола» в системе среднего и высшего образования продолжались вплоть до смены политического строя в 1917 г. Отметим, что в самодержавной России не было ни одного среднего учебного заведения со смешанным половозрастным составом учащихся. Из 65 государственных высших учебных заведений России по состоянию на 1917 г. 61 являлось мужским. Только три из них предназначались исключительно для женщин — Петербургский женский медицинский институт (1897), Петербургский женский педагогический институт (1903), Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве (1914). Лишь одно высшее учебное заведение — Высшее художественное училище живописи, скульптуры, архитектуры Императорской академии художеств — принимало в ряды студентов как мужчин, так и женщин. Как видим, возможности получения женщинами высшего образования в государственных учреждениях были весьма ограничены. Перечень направлений профессиональной подготовки был очень скудным. Он ограничивался главным образом медициной, педагогикой и искусствоведением. Очень незначительным был и численный состав женщин в системе государственного высшего образования (около 3 тыс. чел. из 65 тыс., т. е. из общего числа российских студентов) [3, с. 102].

С большим трудом пробивали себе дорогу и частные высшие учебные заведения для женщин. Неимоверные усилия потребовались для открытия и сохранения деятельности Высших женских курсов. Самыми популярными и многочисленными были Московские высшие женские курсы (1872), организованные учителем Н. И. Кареева профессором всеобщей истории Московского университета В. И. Герье, и Петербургские высшие женские курсы (1878), получившие название «Бестужевские» по имени учредителя и первого руководителя профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Многие годы судьба Н. И. Кареева была связана с этим учебным заведением. Важно заметить, что, содействуя развитию высшего женского образования в России, он состоял членом Комитета Общества для доставления средств Бестужевским курсам.

Н. И. Кареев имел огромный опыт педагогической деятельности, что позволило ему объективно проанализировать наиболее серьезные проблемы развития российского образования. В разные годы он преподавал в средних и высших учебных заведениях, в частности в 3-й московской гимназии, Санкт-Петербургском и Варшавском университетах, Политехническом и Неврологическом институтах, Александровском лицее Санкт-Петербурга.

Непосредственным образом Н. И. Кареев был связан с системой женского образования. Некоторое время он работал учителем истории в Женской классической гимназии, основанной в 1872 г. С. Н. Фишер. Она являлась убежденной сторонницей идеи равноправия мужчин и женщин в сфере образования. Соответственно образовательная программа этой восьмиклассной женской гимназии была аналогична программе классической мужской гимназии [10, с. 143].

Как отмечалось, долгие годы Н. И. Кареев читал лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге. Здесь он убедился, насколько велико было стремление молодых россиянок к высшему образованию. Имея возможность сравнивать студентов различных учебных заведений, Н. И. Кареев писал: «Слушательницы курсов были на первых порах подготовлены к научным

занятиям заметно меньше, а потому больше, чем студенты, напоминали школьниц, но мало-помалу это различие сгладилось, так что “курсистки” начала XX века уже были настоящими студентками» [10, с. 180].

Н. И. Кареев выступал за демократизацию системы образования, равноправие мужчин и женщин в деле получения образования. Он подчеркивал, что право на образование — это естественное право личности, которого были лишены многие молодые люди, особенно девушки [6, с. 107].

Исключительными привилегиями при поступлении в высшие учебные заведения пользовались выпускники классических гимназий, как правило дети дворянско-чиновничьего происхождения. Они имели право поступать в любые высшие учебные заведения без вступительных экзаменов. Чаще это был университет. Предстоящая профессиональная деятельность ассоциировалась у гимназистов-«классиков» в основном с государственной службой. Лица, заканчивающие православные духовные семинарии, продолжали образование в духовных академиях и пополняли ряды священнослужителей и чиновников церковного ведомства. Выпускники реальных училищ, выходцы из буржуазных и тяготевших к ним сословий, отдавали предпочтение народнохозяйственным высшим учебным заведениям — инженерно-промышленным, сельскохозяйственным, коммерческим. В подавляющем большинстве это были юноши.

Учитывая объективные обстоятельства, от которых зависела возможность получения высшего образования молодежью, Н. И. Кареев акцентировал внимание на личных мотивах выбора ею будущей профессии. Его книга «Выбор факультета и прохождение университетского курса» стала одной из первых попыток внести ясность в решение столь трудной с психологической и практической точки зрения проблемы.

В личном архиве Н. И. Кареева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Санкт-Петербурга сохранилось немало писем, адресованных профессору. Как правило, авторами этих писем были учащиеся старших классов средних учебных заведений, а также студенты начальных курсов высших школ. Судя по содержанию писем молодежи к Н. И. Карееву, проблема выбора будущей специальности была одной из волнующих тем.

Так, гимназистка Екатерина Уголькова со станции Малаховка Московско-Казанской железной дороги 10 октября 1915 г. писала Н. И. Карееву: «...уже сейчас я должна задуматься над будущим. Жизнь — это широкая дорога, куда она приведет — никто не знает. Поэтому я должна подумать о том, в чем смысл моей жизни, где та цель, к которой я стремлюсь... Я вполне с Вами согласна... что человек должен избрать себе профессию согласно своему призванию» [4].

Актуализируя нравственные аспекты социального поведения людей, Н. И. Кареев подчеркивал, что «у человека, кроме обязанностей по отношению к другим людям, есть обязанности по отношению к самому себе» [9, с. 22]. Одной из таких обязанностей ученый считал свободное и самостоятельное решение вопроса о цели жизни и профессиональном призвании. Он писал: «Пусть каждый прежде всего “познает самого себя” и определит свое жизненное призвание в зависимости от наклонностей и способностей своей природы. Попасть в жизни не на свое место, взять дело не по своим способностям или силам, выбрать занятие, к которому не чувствуешь внутренней склонности... все это великое

несчастье для человека, вносящее в его жизнь только одни сожаления, одно недовольство самим собою и своей обстановкой, одну фальшь» [9, с. 28].

Отдельного внимания требует вопрос о систематизации Н. И. Кареевым научного знания. Отметим лишь, что он был последователем позитивизма О. Конта. Русский ученый вносил определенные коррективы и дополнения в классификацию наук О. Конта, включающую такие области знания, как математика, астрономия, физика, химия, биология, социология. И все же, по мнению Н. И. Кареева, эта классификация «стройным образом охватывала всю область научного знания» [5, с. 11—29]. Особое внимание в деле персонального развития Н. И. Кареев уделял гуманитарным наукам.

Таким образом, размышляя о проблемах общего и профессионального образования молодежи, в том числе женской ее части, Н. И. Кареев актуализировал ценностные приоритеты, обеспечивающие возможность непрерывного личностного развития и самореализации человека в различных сферах социальной жизни. Ученый утверждал, что образование не даст благих социальных результатов, если будет игнорировать потребности, права и человеческое достоинство личности. Особую значимость это приобретало в связи с задачами развития системы женского образования в России и признания равноправного положения женщины в российском обществе.

Библиографический список

1. Архив РАН, С.-Петербург. филиал. Ф. 980. Оп. 1. Д. 23.
2. Глинский Б. Б. Молодежь и ее руководители // Глинский Б. Б. Очерки русского прогресса. СПб. : Т-во худож. печати, 1900. С. 371—381.
3. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века : социально-историческая судьба. М. : РОССПЭН, 1999. 416 с.
4. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 422. Д. 11.
5. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
6. Кареев Н. И. Выбор факультета и прохождение университетского курса. СПб., 1897. 167 с.
7. Кареев Н. И. Идеалы общего образования. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 127 с.
8. Кареев Н. И. Мысли об основах нравственности. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 177 с.
9. Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 175 с.
10. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
11. Кареев Н. И. Что такое общее образование? // Русская библиотека. Одесса, 1895. № 7. С. 5—44.
12. Конский П. А. К 25-летию профессорской деятельности Н. И. Кареева // Русская школа. 1897. № 4. С. 267—275.
13. Лыскова И. Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева / Коми респ. акад. гос. службы и управления. Сыктывкар, 2010. 180 с.
14. Сафронов Б. Г. Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М. : Изд-во МГУ, 1995. 272 с.
15. Энциклопедическая программа для самообразования. Специальные программы по русской истории и политической экономии // Историческое обозрение : сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете / под ред. Н. И. Кареева. СПб., 1895. Т. 8, отд. 2. С. 20—54.

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

ББК 74.044.93

Л. В. Штылёва

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ 10-х гг. XXI в.

В середине XIX в. русское педагогическое сообщество и русское общество в широком смысле слова были буквально «взорваны» статьей Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» [7]. Она открывалась вопросом «К чему Вы готовите Вашего сына?» и посвящалась размышлениям о соответствии образования вызовам времени. Этот ключевой в деле воспитания и образования вопрос приходит на ум всякий раз, когда читаешь авторефераты диссертаций «по гендеру», монографии или статьи про «гендерное образование» в современных школах, учреждениях дополнительного и дошкольного образования, потому что под видом гендерного дискурса в современной педагогике, на наш взгляд, уже более десяти лет обсуждается не менее актуальный «вопрос жизни» XXI в.: *«К чему мы готовим наших мальчиков и девочек как будущих мужчин и женщин, на какие гендерные стратегии и отношения ориентируем?»*

Педагогическое сообщество должно отдавать себе отчет, какие идеи пропагандируются авторами многочисленных трудов и публикаций по «гендерной педагогике». К каким стратегиям самореализации ведут предлагаемые идеалы и модели гендерной социализации современных мальчиков и девочек — мужчин и женщин XXI в.?

Данная статья — результат раздумий над учебным пособием Л. В. Градусовой «Гендерная педагогика» [1], рекомендованным УМО для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 050703.65 «Дошкольная педагогика и психология», а также знакомства с материалами тематического выпуска «Гендерный подход в образовании» регионального издания «Педагогическое обозрение» [5] (Новосибирск, январь—февраль 2013 г.), статьей Н. Перетягиной и Г. Добшиковой «Целостное образование и перспективы его развития: гендерный подход» [6]. Авторами этих работ являются как ученые, так и практики. В фокусе нашего внимания два вопроса:

1) как интерпретируется гендерный подход в отечественной педагогике 10-х гг. XXI в.?

2) что предлагается взамен «бесполого образования»?

Рассуждения и выводы авторов «гендерной педагогики» определяются интерпретациями ключевых понятий «пол» и «гендер», о чем мы уже писали ранее в статьях, автореферате докторской диссертации и т. д. (см., напр.: [8]).

С одной стороны, в большинстве публикаций единодушно признается наличие двух систем межполовых различий: естественных (половых) и социокультурных (гендерных), с другой — истолкование смысла этих различий в трудах по педагогике существенно отличается от гендерной методологии в социогуманитарных науках. Например, «пол» интерпретируется авторами «гендерной педагогики» как комплекс репродуктивных и социально-культурных признаков [1, с. 8], вследствие чего в «половые различия» зачисляются женская «усидчивость, послушность, стремление нравиться» [5, с. 21], «свойственные мальчикам от природы задатки — риск, стремление быть смелым и мужественным» [там же], зато гендерными различиями, как и десять лет назад, объявляются психотипические особенности функционирования мозга, различия в эндокринном статусе мальчиков и девочек, анатомо-физиологические различия и т. д. [1, с. 67].

Анализ текстов показал, что авторы представляют соотношение пола и гендера как неразрывно связанных между собой «базиса» и «надстройки», где пол выступает «сырым материалом», который трансформируется культурой в гендер. Об этом свидетельствует тот факт, что после слова «гендерный» в скобках нередко указывается: «полоролевой», «пололичностный». Об «учете гендерных особенностей» мальчиков и девочек говорится как о некоей данности, безусловно коррелирующей с полом ученика [6, с. 23]. В учебном пособии и статьях «успешная полоролевая социализация детей» интерпретируется как «освоение ими гендерных ролей и формирование соответствующих качеств мужественности и женственности» [1, с. 41], отражающих «естественное положение вещей» [1, с. 85]. При этом в качестве «естественного» выступают понятия авторов о полоролевых различиях, типичные для представителей традиционного общества XVIII—XIX вв., о чем свидетельствует комплекс нормативных психологических характеристик, противопоставленных друг другу и одновременно взаимодополняющих (по мысли авторов) [5, с. 11].

На наш взгляд, психологические различия между мальчиками и девочками в педагогических трудах акцентируются и преувеличиваются неслучайно. Именно благодаря гипертрофированному представлению о «непреодолимых половых различиях» полоролевое воспитание в логике разделения и противопоставления «женского» и «мужского» выглядит как «соответствующее естественному положению вещей». Было бы ошибкой предположить, что наши педагоги незнакомы с исследованиями, в которых представлены иные точки зрения. В педагогических трудах встречаются ссылки на С. Бем, Ш. Берн, И. С. Кона, И. С. Клёцину, Д. Шеффера и других авторов, утверждающих, что представители обоих полов, как *представители вида Homo sapiens*, гораздо ближе друг к другу, нежели противоположны. В их исследованиях прямо говорится, что отношение педагога к детям, основанное на преувеличении и подчеркивании половых различий, способствует выработке у детей гендерно-схематизированного мышления и представления о себе, ограниченного рамками полоролевых стереотипов, которые препятствуют проявлению и развитию индивидуальности, способствуют *нарастанию противоречий и конфликтности в отношениях между полами* в семье и обществе.

В этой связи представляется весьма важным замечание эксперта в области гендерной психологии доктора психологических наук И. С. Клёчиной о том, что

«все многообразие содержательных характеристик *межполовых* отношений может быть сведено к двум альтернативным моделям: *партнерской и доминантно-зависимой*. Первая модель — *партнерские отношения* — характеризуется направленностью участников взаимодействия на согласование целей, интересов и позиций друг друга. Партнерские отношения, как правило, склонны демонстрировать личности с нетрадиционными гендерными представлениями и установками. Противоположная модель не предполагает равноправия позиций: одна сторона занимает доминантную (силовую, подавляющую) позицию, другая — подчиненную, зависимую. Субъекты с традиционными гендерными представлениями, стереотипами и установками реализуют *доминантно-зависимую модель отношений*» [3, с. 39]. Актуальность этих положений несомненна. Сравнительное социологическое исследование, проведенное на рубеже 1990-х гг., показало, что российское общество в духовном и социальном смысле в тот момент представляло собой две (*женскую и мужскую*) гомосоциальные культуры, «ориентированные на отношения доверия, понимания, поддержки, уважения, подражания, равно как и открытой, осознанной борьбы *преимущественно внутри собственного пола*» [2, с. 16]. Иначе говоря, российские мужчины и женщины «лидировали» среди граждан других посткоммунистических стран по количеству тех, кто отказывал представителям противоположного пола в доверии, способности оказать практическую поддержку. Возможно, это расплата в числе прочего и за то, что в соответствии с педагогическими канонами полоролевого воспитания в детстве у мальчиков и девочек вместо установки на партнерство целенаправленно формировалось «чувство гордости за свой пол» [1, с. 64].

Итак, авторы публикаций по «гендерной педагогике», будучи знакомы с разными точками зрения на природу и предназначение межполовых различий, придерживаются идеи *обусловленности гендерных различий половыми*. Эта ключевая методологическая предпосылка в большинстве педагогических статей и пособий по «гендерной педагогике» предопределяет логику дальнейших рассуждений. Она сводится к следующей последовательности заключений. Гендерные различия — это отражение и социокультурный коррелят половых различий. Далее, в зависимости от степени приятия или неприятия объективной реальности сближения гендерных ролей и статусных позиций полов не только в обществе, но и в семье, одни авторы настаивают на необходимости полоролевой социализации, основанной на репродукции традиционных нормативных моделей феминности и маскулинности, а другие — пытаются примирить традиционные идеалы полоролевой социализации с вызовами постиндустриальной эпохи. Во втором случае механически совмещается «старое» и «новое», создаются сложно-сочиненные педагогические «модели воспитания качеств женственности/мужественности, которые важно развивать в детях *в соответствии с их биологической природой* (курсив наш. — Л. Ш.) и взаимодополняющей компенсацией для лучшего понимания и сотрудничества друг с другом в обществе» [6, с. 27]. Основная идея подобных конструктов заключается в том, что «природу» девочек, в духе веяний времени, необходимо «социально дополнить» целеустремленностью, вооружить «конкретным видением процессов в их системном развитии», а «природу» мальчиков пополнить открытостью в проявлении чувств, отзывчивостью, заботливостью, внимательностью и т. п. [там же].

С одной стороны, эти идеи отражают социокультурные трансформации отношений на рынке труда в эпоху глобализации (отказ от традиционного разделения труда на сферы женского и мужского, принцип равной оплаты за равный труд и др.) и изменения приоритетов современной семьи (с двумя работающими родителями), где наряду с экономическими резонами на первое место выходят ценности взаимопонимания и взаимоподдержки, морального удовлетворения отношениями и пр.; с другой — свидетельствуют о недооценке авторами сущности, глубины и направленности происходящих изменений.

Для решения вопроса «на технологическом уровне» в педагогических трудах предлагается перейти от «бесполого образования» современных дошколят и школьников к «гендерному», под которым, как правило, подразумевается *раздельное образование* (или его инвариант), чтобы «сформировать в маленьком человеке социальный тип, *характер, который соответствует его половой принадлежности* (курсив наш. — Л. Ш.)» [5, с. 21]. Под этим углом зрения проводится ревизия воспитательного потенциала как основного, так и дополнительного образования, предлагаются стратегии половой и гендерной дифференциации в разных видах деятельности (физкультурно-оздоровительной, трудовой, игровой, учебно-познавательной и др.), ориентированные на дальнейшее углубление и закрепление полоролевых различий в сознании, представлениях и поведении воспитанников [1, с. 142—153; 5, с. 16].

В связи с вышеизложенным невозможно пройти мимо статьи «Внедрение гендерного подхода в систему дополнительного образования через занятия балльными танцами» педагогов гимназии № 11 «Гармония» А. В. и А. А. Скробот (Новосибирск). Авторы рассматривают занятия балльными танцами как «достойный тип мужского проявления творческой активности», потому что «именно здесь мальчики могут, наконец, взять на себя ответственность за результаты творчества своей команды — танцевальной пары. <...> Мальчики в паре отвечают за начало и направление движения, за соблюдение основного музыкального ритма. <...> Правда, если партнер не различает музыкально ритма (!), девочка может ему помочь в этом, но решение о начале движения принимает все равно мальчик. А девочки могут себе позволить быть женственными, чуткими, истинным украшением танцевальной пары. Принятие решений девочки могут доверить своим партнерам, за это они их глубоко уважают и ценят. <...> Не правда ли, это и есть та модель взаимоотношений, которую мы хотим видеть в современной семье, в нашем обществе!» [5, с. 16]. Перед нами классический пример квазигендерного подхода.

Во-первых, хотелось бы возразить авторам. Любой парный танец — это партнерство, коллективное творчество, предполагающее равную ответственность и вклад участников. Восхищение и уважение должна вызывать не половая принадлежность, а отношение к делу, трудолюбие, мастерство и т. п. Во-вторых, танец — это все же символическое и всегда гипертрофированное выражение чувств, эмоций и отношений, презентация социальных мифов о мужской брутальности, женской чувственности и страстности. Любой танец, как народный, так и классический, можно интерпретировать с точки зрения гендерных символов и значений, но не стоит выдавать иллюзию за реальность. Гендерный подход в данном случае должен выражаться в изменении стерео-

типного восприятия бального танца как «не мужского занятия», в защите права мальчиков на индивидуальность, права быть собой и заниматься тем, к чему есть призвание и способности, а не тем, чем с точки зрения гендерных стереотипов пристало заниматься «настоящему» мужчине и т. п. Уместно в этой связи вспомнить фильм «Давайте потанцуем» (в главных ролях — Р. Гир и Д. Лопес), который ярко выражает именно эту идею.

И наконец, почему идеал современной крепкой и дружной семьи исключает участие женщин в принятии решений, оставляя это право исключительно за мужчинами и возвращая нас к средневековому «Домострою»? И без того, как свидетельствуют недавние исследования психологов (Е. Мещеркина, И. Клёцина и др.), стереотипы мужского и женского сознания россиян настолько архаичны и традиционны, что плохо согласуются с новыми социальными реалиями гендерных отношений [4, с. 19—22].

Почему же «*воспитание в соответствии с половой принадлежностью*» именуется в современной российской педагогике «гендерным»? На наш взгляд, это можно объяснить тем, что для педагогов наиболее понятной (в теории гендера) оказалась идея социального конструирования женской и мужской ролей. Но и полоролевое воспитание основано на идее конструирования «женского» и «мужского» поведения, на обучении мальчиков и девочек «соответствующим их полу ролям». Судя по всему, авторы «гендерной педагогики» не видят разницы между полоролевым и гендерным подходами, которая состоит в том, что и классическая полоролевая (Ж.-Ж. Руссо), и современная (структурно-функционалистская) теории *оправдывают неравенство полов в семье и обществе* естественными половыми различиями, а теория гендера утверждает, что социокультурное неравенство между женщинами и мужчинами конструируется государством и обществом независимо от естественных половых различий [9].

Многочисленные исследования подтверждают, что социокультурные установки традиционного общества, закрепляющие профессиональные и публичные роли исключительно за мужчинами, а семейные — за женщинами, в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному негативно сказываются на психологическом самочувствии как женщин, так и мужчин. Они ограничивают возможности личностного развития индивида, препятствуют эффективной самореализации, основанной на осознанном и свободном выборе, служат предпосылкой пресловутой «войны полов», которая обнаружилась не сегодня (Ш. Берн, С. Бем, С. Бовуар, А. М. Коллонтай, И. С. Кон, Л. В. Попова, Н. И. Пирогов, Д. С. Милль, Д. И. Писарев, К. Д. Ушинский, Н. Г. Чернышевский, Д. Шеффер и др.) и выходит на уровень социальной видимости нарастающей конфликтностью межгрупповых и межличностных гендерных отношений.

Резюмируя, мы вынуждены констатировать, что авторы трудов по «гендерной педагогике», отражая гендерный алармизм* российского общества,

* Алармизм (от фр. *alarme* — тревога!, к оружию!) — умонастроение, характеризующееся тревогой, представлением будущего человечества или отдельной страны в крайне пессимистических тонах, требование срочных, обязательно чрезвычайных, меняющих сложившийся уклад действий, чтобы остановить или задержать катастрофу.

негативно оценивают изменения традиционных нормативных моделей полоролевой идентичности женщин и мужчин, которые уже произошли в XIX—XX вв. при переходе от доиндустриальной (традиционной) культуры к индустриальной и которые во всем мире рассматриваются как эмансипация (освобождение) личности, движение к правам человека, к гуманизму и прогрессу. Идеи авторов о воспитании современной маскулинности и фемининности, предлагаемые технологии полодифференцированного образования и социально-педагогические модели гендерной социализации обучающихся, на наш взгляд, диссонируют как с зарубежными, так и с отечественными гендерными исследованиями в образовании, обращены не в будущее, а в прошлое.

Библиографический список

1. *Градусова Л. В.* Гендерная педагогика : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 176 с.
2. *Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю.* Российская семья на европейском фоне : (по материалам международного социологического исследования). М. : Эдиториал УРСС, 1998. 175 с.
3. *Клёцина И. С.* Психология гендерных отношений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2004. 45 с.
4. *Мещеркина Е.* Зеркалье гендерных стереотипов // Вы и Мы : альманах. 1997. № 1. С. 19—22.
5. Педагогическое обозрение : гендерный подход в образовании. Новосибирск : ГЦРО, 2013. № 1/2 (131/132). 22 с.
6. *Перетягина Н., Добшикова Г.* Целостное образование и перспективы его развития: гендерный подход // Социальная педагогика в России. 2013. № 6. С. 21—29.
7. *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 559—597.
8. *Штылёва Л. В.* Гендерный и квазигендерный подход в современных исследованиях по педагогике // Мир образования — образование в мире. 2011. № 2. С. 91—98.
9. *Штылёва Л. В.* Концепция полоролевого воспитания в романе Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» // Педагогическое образование в России. 2011. Вып. 5. С. 117—124.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ББК 88.532

В. В. Загребин

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЮНОШАМИ И ДЕВУШКАМИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ (На примере г. Кирова)

Курение подростков, потребление ими алкоголя, пробы наркотических веществ являются предметом серьезной озабоченности властей и системы здравоохранения в большинстве стран мира [1, 8, 10, 11, 12]. В реалиях современного российского общества ежедневное потребление психоактивных веществ (ПАВ) стало паттерном девиантного поведения молодежи. В массовом сознании подростков умеренное потребление ПАВ выступает как социальная норма, как часть бытовой культуры и образа жизни.

В последние 10 лет процесс освоения молодежью моделей поведения в отношении потребления ПАВ существенно изменился. Во-первых, их первые пробы — знакомство с разнообразными спиртосодержащими напитками, сигаретами или кальяном, «легкими» наркотиками — отмечаются в раннем возрасте. Во-вторых, стираются различия в потреблении ПАВ юношами и девушками. В-третьих, молодежь стала сочетать легкие спиртные напитки и сигареты с наркотиками. В-четвертых, происходит формирование групповой психологической зависимости.

В марте 2014 г. было проведено авторское социологическое исследование, направленное на изучение особенностей потребления алкоголя, никотина, наркотиков в среде учащихся 9-х, 11-х классов общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений г. Кирова. Анонимная анкета включала 43 вопроса, касающихся распространения потребления ПАВ, а также отношения молодежи к их потреблению. Анамнестическая часть анкеты содержала данные о возрасте, поле, месте учебы, жилищных условиях, об отношениях с родителями.

В исследовании приняли участие учащиеся пяти общеобразовательных школ и двух крупнейших государственных заведений высшего профессионального образования г. Кирова. Всего было опрошено 625 (100 %) респондентов в возрасте от 16 до 24 лет, среди них 112 человек (18 %) — учащиеся 9-х классов, 117 человек (19 %) — учащиеся 11-х классов и 397 человек (63 %) — студенты.

Половозрастная структура респондентов представлена в таблице. Она отражает сложившееся соотношение в г. Кирове, поэтому полученные данные с этой точки зрения репрезентативны.

Половозрастная структура респондентов

Возраст, лет	Процент в возрастных группах		Квоты, чел./%		
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Всего
16—17	52	48	65	60	125/20
18—19	51	49	68	64	132/21
20—24	50	50	184	184	368/59
<i>Всего</i>	51	49	317	308	625/100

Очевидно, что ценностные ориентации являются важнейшими мотиваторами социального поведения. В связи с этим в исследовании было уделено внимание изучению системы ценностных ориентаций учащейся молодежи, содержание которых определяет направленность личности, основу ее мировоззрения, сферу отношений и деятельности. Изучение иерархии жизненных ценностей молодежи показало, что лидирующую позицию в ней занимает здоровье (64 %). Большое значение респонденты придают наличию хороших и верных друзей (54 %) и любви (51 %), а также реализации счастливой семейной жизни (42 %). Более трети опрошенных считают значимыми компонентами развитие личности (33 %), материальную обеспеченность (32 %), активную, деятельностную жизнь (32 %) и интересную работу (31 %). Кроме того, важными ценностными ориентирами в жизни молодежи являются «уверенность в себе» (26 %), «свобода» (24 %), «жизненная мудрость» (20 %). Наименее значимыми для опрошенных оказались такие ценности, как познание (13 %), творчество (12 %), развлечения (11 %), продуктивная жизнь (8 %), красота природы и искусства (8 %) и счастье других (7 %), а также общественное признание (5 %).

Рис 1. Иерархия ценностных ориентаций учащейся молодежи в зависимости от пола, % (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$)

Иерархии наиболее значимых ценностей у молодых людей и у девушек несколько отличаются (рис. 1). У юношей — это здоровье (62 %), друзья (52 %) и любовь (45 %), у девушек — здоровье (65 %), любовь (58 %), друзья (56 %). Определенные расхождения отмечены также по ряду иных позиций: для девушек более значимыми являются такие ценности, как семейная счастливая жизнь, материальная обеспеченность, их меньше интересуют развлечения. Для юношей важнее познание и продуктивная жизнь. Такое гендерно-специфическое распределение ценностных ориентаций неудивительно: для девушек в жизни важнее семейный комфорт, а для юношей — возможность самоутверждения путем профессиональных достижений (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

В исследовании был реализован анализ положительных и отрицательных качеств среднестатистического (типичного) российского учащегося. Эти качества могут рассматриваться как инструментальные ценности. Часть из них составляют ценности, которые принято называть отрицательными качествами. Их можно считать антиценностями (все то, что имеет отрицательную значимость для человека, общества) [7, с. 16—21] или парадоксальными (альтернативными) ценностями [2]. Сегодня оказывается не менее значимым учет распространенности молодых людей, ориентирующихся на противоположные, альтернативные ценности. Эти ценности играют существенную роль в социализации подрастающего поколения и одновременно во многом определяют его социальное поведение.

Так, наиболее характерным положительным качеством молодых людей и девушек г. Кирова является субъективное понимание свободы (48 и 50 % соответственно). В ходе исследования было установлено, что для девушек важнее такие качества, как ответственность (его выбрали 35 % юношей и 45 % девушек), открытость (29 % юношей и 46 % девушек), а для юношей — практичность (36 % юношей и 27 % девушек). Одинаковое число респондентов среди юношей и девушек отметили также готовность учиться (25 и 29 % соответственно) (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

В ряду отрицательных качеств на первых позициях в портрете типичного учащегося юноши выступают равнодушие (47 %), беззаботность (40 %), эгоцентризм (32 %), жизнь за чужой счет (23 %), у девушек это также равнодушие (57 %), эгоцентризм (44 %), грубый расчет, корысть («ты — мне, я — тебе»; 41 %), беззаботность (35 %) (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

Подростковое девиантное поведение в той или иной степени обуславливают способ проведения и качество досуга, поэтому в исследовании были проанализированы особенности проведения свободного от учебы и работы времени юношами и девушками города. В основном это время подростки используют для общения в компании друзей (24 %), общения в социальных сетях (20 %) и со своими «половинками» (11 %), регулярного посещения спортивных секций (10 %), для компьютерных игр (9 %), чтения художественной литературы (9 %) просмотра сериалов, фильмов (8 %). Примечательно, что девушки чаще молодых людей проводят время в социальных сетях (69 и 38 % соответственно). Однако юноши чаще играют на компьютере (45 %), чем девушки (4 %), и чаще девушек посещают спортивные секции (32 % против 20 %).

Одним из важнейших показателей девиантного образа жизни молодежи является распространение потребления различных видов ПАВ. Самым популярным

из них в среде молодежи является алкоголь. При исследовании данной проблемы было выяснено, что его употребление становится массовым. Более половины юношей и девушек так или иначе употребляют алкогольные напитки (58 %). Распределение данных по возрасту показывает: среди молодежи 16—17 лет алкоголь употребляют 48 %, 20—24 лет — 58 %, среди достигших совершеннолетия этот процент резко возрастает (18—19 лет — 69 %) (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,05$).

На момент проведения исследования первый опыт потребления алкоголя имели большинство респондентов (86 %). Первая проба спиртных напитков, включая разовое или случайное употребление (рис. 2), в основном приходится на период 15—17 лет (почти половина респондентов — 43 %) и время раннего подросткового возраста — 11—14 лет (треть респондентов — 34 %). Небольшое число респондентов (9 %) попробовали алкоголь первый раз в 18—19 лет.

Вызывает беспокойство факт, что 13 % опрошенных пробовали алкогольные напитки, когда им не было еще и 10 лет (до 7 лет — 7 %, 8—10 лет — 6 %). Возможно, родители сами предлагали их своим детям. Большинство респондентов получили такого рода опыт до достижения 20 лет. Сравнение возраста юношей и девушек, в котором они попробовали алкоголь первый раз, показало отсутствие различий (рис. 2).

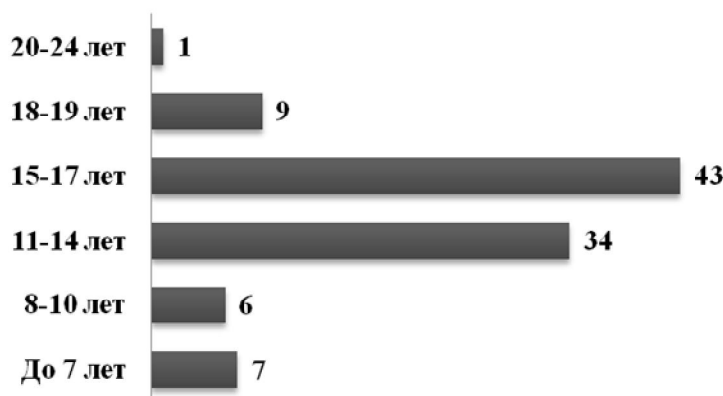

Рис. 2. Первый опыт потребления алкоголя, включая разовое или случайное употребление, %

Преобладающие мотивы потребления алкоголя у юношей и девушек в основном совпадают. Главным мотивом является «за компанию» — у 35 % юношей и у 31 % девушек. Вторым по популярности мотив, по мнению респондентов, следование традициям (24 % юношей и 31 % девушек). Наряду с этими причинами, юноши потребляют алкоголь, чтобы получить «удовольствие» (23 %), девушки — «чтобы забыть о проблемах» (18 %). Примечательно, что девушки чаще, чем молодые люди, прибегают к употреблению алкогольных напитков с целью выхода из депрессивного состояния — 18 % против 15 (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,04$).

Хотя статистический анализ показал, что молодые люди и девушки чаще всего выпивают «на квартире у друзей», «дома», в «кафе/баре» и «ночных клубах», в количественном соотношении место распития алкогольных напитков между ними существенно различается. Девушки обычно употребляют алкоголь дома, а юноши — «на квартире у друзей» (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,05$).

Потребляемые алкогольные напитки разнообразны. В целом популярными являются, по мнению 29 % респондентов, слабоалкогольные напитки — шампанское, вино, спиртосодержащие коктейли и т. д. Интересно отметить, что среди опрошенных практически одинаковое число юношей и девушек предпочитают пиво и крепкие алкогольные напитки, такие как коньяк, виски, ром, водка, ликеры и т. д. (18 и 17 % соответственно). Полученные результаты не совпадают с итогами ранее проводимых исследований по России [6], в которых указывается, что популярными среди молодежи являются пиво и слабоалкогольные напитки и меньше всего молодежь пьет крепкие алкогольные напитки. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время наблюдается снижение популярности пива и растет потребление крепкого алкоголя, тем самым изменяется структура потребления молодежью алкогольных напитков. Возможно, что такие изменения — следствие новых антиалкогольных нормативных правовых актов, в которых, например, пиво приравнивается к алкогольным напиткам.

В ходе исследования были выявлены значимые расхождения в предпочтениях алкогольных напитков среди юношей и девушек (рис. 3). Молодые люди больше пьют пиво и крепкие напитки. Так ответили 34 и 29 % опрошенных юношей и девушек соответственно. И только 14 % юношей отдали предпочтение слабоалкогольным напиткам. Большинство девушек предпочитают слабоалкогольные напитки, с этим согласны 57 % опрошенных девушек в группе употребляющих алкоголь. 14 % девушек чаще употребляют крепкие алкогольные напитки, и лишь 10 % — пиво (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

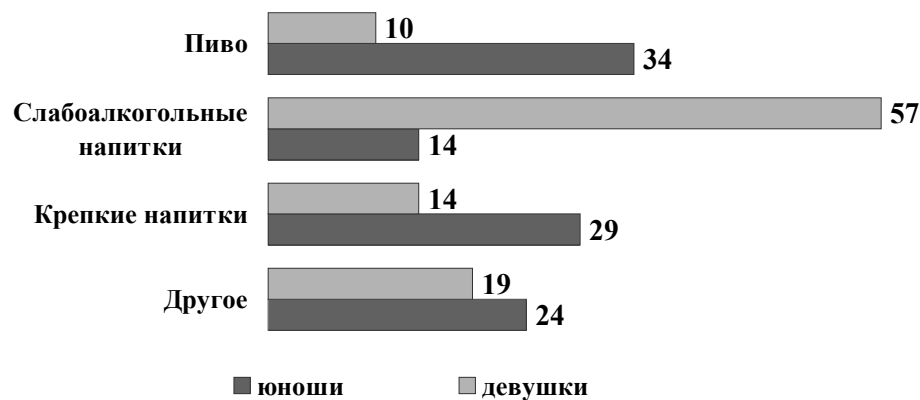

Рис. 3. Популярные алкогольные напитки у юношей и девушек, % (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$)

При изучении распространенности потребления алкоголя среди молодежи важен такой показатель, как частота его употребления. Доля респондентов, употреблявших алкогольные напитки от одного раза в месяц и чаще, была невелика. Так, 35 % молодых людей и 17 % девушек употребляют пиво (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$). Как и предполагалось, молодые люди значительно чаще употребляют крепкий алкоголь. 23 % юношей и 8 % девушек признались, что употребляют крепкий алкоголь от одного раза в месяц и чаще (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,03$). Девушки предпочитают слабоалкогольные напитки. В основном эти напитки употребляют 20 % девушек и 17 % молодых людей (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

Несмотря на популярность алкогольных напитков среди учащейся молодежи, больше половины респондентов (51 %) полагают, что лучше не пить совсем, треть опрошенных (32 %) считают, что иногда позволительно немного выпить, и лишь 5 % уверены в безвредности нечастого употребления алкоголя.

До недавнего времени российское законодательство не относило курение к девиации ни при каких ситуациях и ни для какой возрастной группы. Наверно, поэтому сейчас курение для молодежи является одной из основных социальных проблем. В последнее десятилетие отмечается рост числа курильщиков в среде молодежи и женщин [5]. Вместе с тем в целом по стране наблюдается заметное снижение общей доли курящих людей [3].

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что больше половины опрошенных (54 %) пробовали курить. Однако число ежедневно курящих невелико, но существенно: курит каждый 10-й респондент (11 %). Также отметим, что 6 % респондентов курят эпизодически и 12 % отказались от этой вредной привычки. 8 % респондентов признались, что курят только кальян. В среде курящих 17 % курят менее года, 58 % — более года, 20 % — больше пяти лет и 5 % — более десяти лет. Различий по гендерному признаку в потреблении табачных изделий также не было выявлено. Практически половина курящих (46 %) желают в ближайшее время бросить курить, 24 % собираются это сделать, но не в ближайшее время, 16 % не хотят бросать курить вообще, и 15 % признались, что бросали много раз, но безуспешно.

По возрасту первой пробы курения учащиеся распределены практически равномерно (рис. 4). В основном юноши и девушки пробуют курить в возрасте 11—14 лет (41 и 44 % соответственно) и 15—17 лет (24 и 38 % соответственно). Примечательно, что каждый 5-й юноша (18 %) выкурил свою первую сигарету в возрасте моложе 10 лет, среди девушек в том же возрасте — только каждая 20-я (6 %). Таким образом, девушки пробуют курить гораздо позднее юношей (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

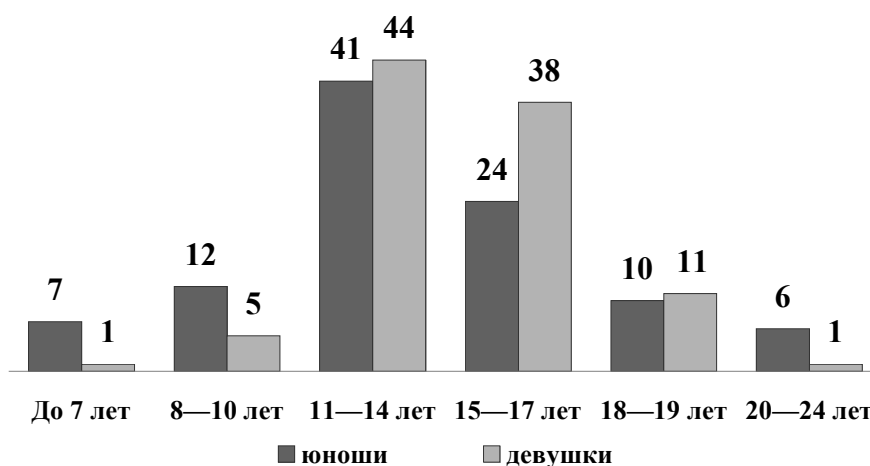

Рис. 4. Первая проба курения юношей и девушек, % (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$)

Основными мотивами приобщения к курению у мальчиков и девочек были «баловство» (21 %), влияние друзей (19 %) и «чтобы успокоиться» (12 %). Среди иных мотивов также называют «любопытство» (10 %) и «от нечего делать» (8 %).

Преобладающее большинство респондентов отрицательно или нейтрально относятся к курению. Так, 38 % опрошенных проявляют к курению резко отрицательное отношение, 37 % — толерантное, 22 % согласны, что люди должны курить только в специально отведенных местах, и лишь 3 % смотрят на это дело положительно.

«Устрашающие» картинки и текст, размещаемые на пачках сигарет, ориентированы прежде всего на то, чтобы отбить тягу к курению у подрастающего поколения. Но они практически не оказывают на него никакого влияния. С этим утверждением согласно большинство опрошенных молодых людей и девушек (61 %). Треть респондентов (27 %) думают, что «страшные» картинки влияют только на некурящую молодежь, и лишь 12 % считают, что такая «реклама» заставляет задуматься о своем здоровье. Эти результаты подтверждаются британскими исследованиями, установившими, что изображения, призванные отбить тягу к курению у детей и подростков, практически не оказывают на них влияния [10].

Следующей задачей исследования была оценка потребления учащимися г. Кирова наркотических веществ. В настоящее время в России происходят резкие изменения в потреблении наркотиков. На фоне широкого распространения «традиционных» наркотиков острой стала проблема открытой рекламы и распространения опасного синтетического наркотика, который известен под названием «курительные смеси», «спайс», «дизайнерский наркотик», «легальный наркотик» и т. д. [4].

По мнению респондентов, проблема наркомании в г. Кирове распространена, но не больше, чем в других городах. Так ответило большинство опрошенных — 76 %. Считают, что данная проблема очень распространена, 15 %, и лишь 7 % полагают, что такой проблемы нет. Большинство молодых людей и девушек (58 %) утверждают, что наркотические вещества можно приобрести сравнительно легко, 18 % полагают, что очень легко, и лишь 18 % респондентов ответили, что это сделать трудно или очень трудно. Почти половина опрошенных (47 %) указали на то, что так или иначе лично знакомы с людьми, употребляющими наркотики. Расхождения по половому признаку в последнем случае были незначительными. Подавляющее большинство учащейся молодежи резко отрицательно относится к потреблению наркотиков, такое отношение высказали 80 % молодых людей и 90 % девушек. 11 % юношей и 7 % девушек безразличны к теме наркомании (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$).

В ходе исследования было установлено, что практически у всех респондентов вызывает отрицательные ассоциации слово «наркоман»: «больной человек» (37 %), «потерянный человек» (29 %), «слабый человек» (16 %). Небольшое число анкетированных (7 %) считают, что наркоман — это обычный человек с дурной привычкой. К людям, употребляющим наркотики, респонденты испытывают в основном жалость (42 %), презрение (30 %) или ненависть (12 %).

Однако контактировали с наркотиками 15 % учащихся, из них каждый 5-й юноша (21 %) и каждая 10-я девушка (9 %) (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$). Важно отметить, что соответствующий опыт молодых людей и девушек в основном сводится к употреблению только курительных смесей («спайс»), так ответили 11 % опрошенных.

В основном юноши и девушки впервые пробуют наркотики в возрасте 15—20 и 20—24 лет, считает большинство респондентов, имевших такой опыт (58 и 24 % соответственно). Незначительное количество анкетированных (18 %) указали, что впервые употребили наркотики в возрасте моложе 15 лет.

Молодые люди и девушки знакомились с наркотиками преимущественно на улице, во дворе (20 и 13 % соответственно), в гостях у друзей (18 и 12 % соответственно). Еще юноши пробовали их «на природе» (11 %), дома (10 %), в ночных клубах (4 %). Небольшое количество девушек (4 %) признались, что впервые употребили наркотики в учебном заведении (хи-квадрат Пирсона, $p = 0,00$). Большинство опрошенных не уточнили, где именно они попробовали наркотики.

Главным побудительным мотивом первой пробы наркотических веществ у учащихся являлось любопытство (24 %). Среди остальных мотивов указывались следующие: «получить удовольствие» (4 %), «расслабиться» (4 %), «за компанию» (4 %), «уйти от проблем» (3 %), «от нечего делать» (2 %). Однако они служили редким поводом для первого знакомства с наркотиками.

На основании проведенного эмпирического исследования можно сделать ряд выводов.

1. Наиболее важными ценностями в жизни у юношей и девушек являются здоровье, наличие верных друзей, любви, большое значение они придают развитию личности и материально обеспеченной жизни. Вместе с тем для девушек более значимы такие ценности, как семейная счастливая жизнь, материальная обеспеченность, а для юношей важнее когнитивные ценности и продуктивная жизнь. Наиболее значимым положительным качеством для молодежи г. Кирова является субъективное понимание свободы. Дополнительные черты девушек — ответственность и открытость, юношей — практичность. Среди отрицательных качеств у юношей лидируют равнодушие, беззаботность, эгоцентризм, а у девушек — равнодушие, эгоцентризм, корысть.

2. Современная молодежь стремится проводить свой досуг в компании друзей. Девушки чаще «сидят» в социальных сетях, а юноши значительно больше времени отводят компьютерным играм. В среде молодежи не особенно популярно занятие спортом, поэтому она потенциально склонна усваивать девиантные формы поведения, в том числе потреблять различные виды ПАВ.

3. Результаты исследования показали, что употребление алкоголя молодежью — массовое явление. Более половины респондентов так или иначе употребляют алкогольные напитки, особенно в период достижения совершеннолетия (18—19 лет). Первый опыт потребления алкоголя в основном приходится на период 15—17 лет и период раннего подросткового возраста (11—14 лет). Вызывает беспокойство, что среди опрошенных каждый десятый пробовал алкоголь в возрасте моложе 10 лет. Преобладающими мотивами потребления алкоголя являются «за компанию», «по традиции» и «для удовольствия».

Чаще всего молодые люди и девушки предпочитают выпивать «на квартире у друзей», «дома», в «кафе/баре» и «ночных клубах». Популярными напитками у юношей являются пиво и крепкий алкоголь, у девушек — слабоалкогольные напитки. В настоящее время наблюдается изменение в поведении молодежи, потребляющей алкоголь: снижается популярность пива и повышается потребление крепких напитков. Однако пиво все же остается самым частоупотребляемым напитком. Важно отметить, что в «алкогольном поведении» молодежи стираются границы, опосредованные гендерными особенностями. Несмотря на популярность алкогольных напитков у учащихся, большинство респондентов отрицательно или нейтрально относятся к их потреблению.

4. Полученные результаты свидетельствуют о том, что больше половины опрошенных пробовали курить, однако число курящих регулярно невелико, но существенно — каждый 10-й, вместе с тем столько же пристрастившихся к кальяну. Большинство из них, понимая пагубность курения, желают бросить курить. В основном и юноши и девушки пробуют курить в возрасте 11—14 лет и 15—17 лет, мальчики это делают значительно раньше девочек. Основным мотивом первой пробы курения являлось «баловство» или влияние друзей. Отношение к курению у респондентов отрицательное и нейтральное. Подавляющее большинство респондентов считают, что «страшные» изображения на упаковках табачных изделий практически не влияют на установки и поведение молодежи.

5. В ходе исследования установлено, что в г. Кирове распространена проблема наркомании, но не больше, чем в других городах. Вместе с тем учащиеся утверждают, что наркотические вещества можно достать сравнительно легко или очень легко. Практически все опрошенные юноши и девушки резко отрицательно относятся к потреблению наркотиков. Однако часть респондентов (каждый 5-й юноша и каждая 10-я девушка) на момент исследования имели контакт с наркотиками. Соответствующий опыт учащихся в основном сводился к употреблению курительных смесей («спайс»). Юноши и девушки пробовали наркотики преимущественно на улице и в гостях у друзей. Главным побудительным моментом первой пробы наркотиков у молодежи является любопытство.

Библиографический список

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с.
2. Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26—37.
3. Ермаков С. А. Курение и экономическая активность // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Вып. 2. С. 258—275.
4. Позднякова М. Е., Хагуров Т. А. Новые наркотики: тенденции развития наркоситуации в современной России // Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / МВД РФ, Краснодар. гос. ун-т. Краснодар, 2012. С. 36—45.
5. Проект Концепции развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. URL: http://nrma.ru/Reform/zdr_conception_2020.shtml (дата обращения: 10.11.2013).

6. *Рощина Я. М.* Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Вып. 2. С. 238—258.
7. *Смирнов Л. М.* Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности : социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М. : Дом интеллект. кн., 2003. С. 16—41.
8. *Ertas N.* Factors associated with stages of cigarette smoking among Turkish youth // European Journal of Public Health. 2006. № 17. P. 155—161.
9. How adolescents perceive cigarette packaging and possible benefits of plain packaging / A. Ford, C. Moodie, A. M. MacKintosh, G. Hastings // Education and Health. 2013. № 31 (2). P. 83—88. URL: <http://hdl.handle.net/1893/16411> (дата обращения: 17.04.2014).
10. *Machado P. P. P., Klein J. M.* Drug dependence and psychosocial distress in Portuguese patients entering a substance abuse treatment center // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2007. № 7. P. 83—91.
11. Psychosocial distress and substance use Among Adolescents in four countries: Philippines, China, Chile, and Namibia / M. P. Randy, D. Megan, B. L. Gordon, M. M. Ray // Youth & Society. 2010. № 6. P. 900—930.
12. Psychosocial factors associated with smoking and drinking among Japanese early adolescent boys and girls: cross-sectional study / M. Ando, T. Asakura, S. Ando, B. G. Simons-Morton // Biopsychosocial Medicine. 2007. № 13. P. 107—134.

АННОТАЦИИ

***Абазов А. Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в.**

Исследованы особенности функционирования обычая похищения невест у кабардинцев в условиях их интеграции в правовую систему Российской империи в последней четверти XIX в. Проведен анализ административной и судебной практик, связанных с этим обычаем, изучены мероприятия, осуществленные властями Терской области по вопросам рецепции некоторых обычаев и традиций кабардинцев в области регулирования семейно-брачных отношений. Сделан вывод, что эти процессы повлекли за собой определенные трансформации гендерных статусов в традиционном кабардинском обществе.

Ключевые слова: кабардинцы, соционормативная культура, Российская империя, обычное право, похищение невесты, гендерные отношения, рецепция.

***Морозов С. Д.* Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения**

Анализируются демографический кризис, численность и потери населения России в годы Первой мировой войны, соотношение мужчин и женщин в разных регионах и губерниях страны. Изучены факторы снижения рождаемости и повышения смертности, ослабления брачных союзов.

Ключевые слова: Россия, 1914—1918 гг., мужчины, женщины, демография, население, численность, потери, кризис.

***Долидович О. М.* Женотделы Енисейской губернии в 1921—1930 гг.**

Статья посвящена деятельности женотделов Енисейской губернии в 1921—1930 гг. На основе архивных материалов показан процесс вовлечения работниц и крестьянок в общественно-политическую сферу. При анализе сделан акцент на первом периоде работы женотделов, т. к. именно на него приходятся наибольшие организационные, материальные, кадровые и другие сложности. Материалы исследования уточняют и расширяют научные представления о женотделах как о структурной основе советского феминизма, через которую правительство осуществляло меры по реализации гендерного равенства в обществе.

Ключевые слова: делегатки, Енисейская губерния, женотдел, крестьянка, работница, советская власть.

***Высотских И. К.* Общественная женская благотворительность в Удмуртии в 1920-х гг.**

На основе новых архивных материалов рассматривается послереволюционный период женской благотворительной деятельности в сфере социальной помощи. Анализируется работа женотделов на территории Удмуртии. Показано, что в первое послереволюционное десятилетие женская общественная деятельность была направлена на решение проблем детской беспризорности, женской безработицы, проституции. Представлены материалы участия женотделов Удмуртии в работе местных комитетов помощи голодающим, в создании детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей, а также в борьбе с женской безработицей и ее следствием — проституцией.

Ключевые слова: женская благотворительность, женотделы, детская беспризорность, детские учреждения, женская безработица, проституция, трудовая помощь.

Сулимов В. С. Санитарно-гигиеническое состояние женских учебных заведений Западной Сибири в начале XX в.

Описывается санитарно-гигиеническая ситуация в женских светских школах Западной Сибири в начале XX в. Состояние многих школ не соответствовало гигиеническим нормам (теснота помещений, несоблюдение температурного режима, изъязны канализации и др.), что приводило к возникновению эпидемий. Рассматривается вклад врачей, педагогов, попечительских советов и родительских комитетов.

В годы Первой мировой войны, в связи с прибытием в регион переселенцев и беженцев, количество эпидемий увеличилось, что отрицательно сказалось на санитарно-гигиеническом состоянии школ.

Ключевые слова: врач, гигиена, гимназия, заболевания, классы, мебель, педагоги, родители, санитария, уроки, ученицы, школа, эпидемия.

Смирнова А. В. Гендерный анализ как инструмент оценки человеческого капитала (На примере демографических процессов)

Обозначены параметры, по которым предлагается оценивать состояние человеческого капитала на уровне отдельного индивида, организации, региона и страны. На примере анализа демографической ситуации в России и Ивановской области представлены процессы воспроизводства человеческого капитала на макроуровне.

Ключевые слова: человеческий капитал, гендерные аспекты заболеваемости, смертности и миграции населения, социальная и демографическая политика.

Шайдакова Н. В. Гендерный анализ демонстративного потребления в среде старшеклассников и студентов

Представлены результаты эмпирического исследования гендерных особенностей демонстративного потребления у старшеклассников и студентов. Согласно результатам исследования, демонстративное потребление характерно для всех подростков независимо от гендерной принадлежности, но различно по содержанию: оно более тесно связано с процессом гендерной социализации женщин.

Ключевые слова: гендер, гендерная социализация, демонстративное потребление.

Цветкова Н. А. Личностные особенности одиноких женщин, обращающихся за психологической помощью

Поднимается проблема женского одиночества современных россиянок; дается определение понятия «женское одиночество»; анализируются личностные особенности одиноких женщин, обращающихся за психологической помощью; выделяются типы женщин с проблемой женского одиночества; приводятся результаты факторного анализа причин женского одиночества; предлагается объяснение причин женского одиночества в современной России; определяются стратегии психологического консультирования женщин, переживающих ситуацию отсутствия мужчины для стабильных любовных отношений как проблему.

Ключевые слова: одиночество; женщины — клиенты психолога; женское одиночество; личностные особенности одиноких женщин; типы женщин, страдающих от одиночества; причины женского одиночества; факторный анализ причин женского одиночества; стратегии психологической помощи женщинам, страдающим от одиночества.

Козлова Н. Н. Гендерная интерпретация политической теории византизма К. Н. Леонтьева

Статья посвящена гендерному анализу социально-политических воззрений К. Н. Леонтьева. Рассмотрены образцы идеальной маскулинности в концепции Леонтьева. Исследованы такие атрибуты маскулинного государства, как мощь и насилие. Подвергнуты анализу социальные и политические роли мужчин.

Ключевые слова: гендер, византизм, андроцентризм, патриархат, маскулинность, консерватизм.

Лыскова И. Е. Н. И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента

Актуализируются основные проблемы развития женского образования в России конца XIX — начала XX в. Анализируются взгляды известного русского ученого Н. И. Кареева по вопросам персонального развития посредством общего и профессионального образования. Делаются выводы о необходимости новых подходов к научному наследию Н. И. Кареева в аспекте истории персонального менеджмента в России.

Ключевые слова: общее и профессиональное образование, самообразование, персональный менеджмент, научное наследие Н. И. Кареева.

Штылёва Л. В. Интерпретация гендерного подхода в российской педагогике 10-х гг. XXI в.

Статья посвящена анализу методологических и практических аспектов «гендерной педагогики», представленных в учебном пособии Л. В. Градусовой «Гендерная педагогика» (2012) и педагогической периодике 2012—2013 гг. Обоснован вывод, что предлагаемые авторами «гендерной педагогики» идеи и технологии воспроизводят, конструируют и укореняют в сознании обучающихся традиционные гендерные стереотипы обыденного сознания, не соответствуют целям воспитания в условиях глобализации и перехода российского общества от индустриального к постиндустриальному этапу своего развития.

Ключевые слова: гендер, пол, гендерная педагогика, образование, гендерная социализация, методология, технология.

Загребин В. В. Гендерные особенности потребления юношами и девушками психоактивных веществ (На примере г. Кирова)

Статья посвящена изучению частоты и особенностей потребления молодежью г. Кирова различных видов психоактивных веществ. На основании эмпирических данных построена модель поведения юношей и девушек, курящих и потребляющих алкоголь и наркотики.

Ключевые слова: психоактивные вещества, девиантное поведение, молодежь, алкогольное поведение, потребление наркотиков, курение.

SUMMARIES

***Abazov A. Kh.* The theft of the bride as an institute of social and normative culture of Kabardians in the late XIX c.**

The article researches the features of functioning of bride theft tradition of the Kabardians in the conditions of their integration into the legal system of the Russian Empire in the last quarter of the XIX c. The analysis of administrative and legal practices connected with this custom is carried out is for this purpose. The actions of Tersky region authorities relating to the problem of some customs and traditions of the Kabardians in the sphere of family relations reception are studied. The conclusion is made that these processes had caused the certain transformations of gender relations in the traditional Kabardian society.

Key words: the Kabardians, social and normative culture, the Russian Empire, customary law, the theft of the bride, gender relations, reception.

***Morozov S. D.* Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and loss of population**

The article analyzes the demographic crisis, population size and losses of the population of Russia during the World War I, a ratio of men and women in different regions and provinces. Factors of birth rate decrease and increase of mortality, weakening of the marriage unions are studied.

Key words: Russia, 1914—1918, men, women, demography, population, number, losses, crisis.

***Dolidovich O. M.* Women's departments of Yenisei province in 1921—1930**

The article researches the activities of women's departments of Yenisei province in 1921—1930 years. On the basis of archival material the author shows the process of engaging of workers and peasants in the socio-political sphere. The analysis is focused on the first period of women's departments work since it was characterized by the greatest organizational, material, personnel and other difficulties. Materials of the study clarify and enhance scientific understanding of women's departments as a structural basis of the Soviet feminism, through which the government was undertaking measures to implement gender equality in the society.

Key words: the delegates, Yenisei Province, women's department, a peasant, a worker, the Soviet power.

***Vysotskih I. K.* Female charity in Udmurtia in 1920s**

On the basis of unpublished archive materials the post-revolution period of female charitable activities in social assistance is reviewed in the article. The analysis of female organizations in Udmurtia showed that in the first post-revolution decade societal activities

of women were focused on the problems of child homelessness, female unemployment, and prostitution. The article contains materials, illustrating participation of Udmurt female organizations in the work of local committees aimed at aid for starving population, in establishing of child welfare facilities for homeless and neglected children, and in fight against female unemployment and prostitution.

Key words: female charity, female organizations, homelessness, child welfare facilities, female unemployment, prostitution, work aid.

***Sulimov V. S.* Sanitary-hygienic conditions in women's educational facilities in Western Siberia in the early XX c.**

The article describes sanitary-hygienic condition in women's secular schools of Western Siberia in the early twentieth century. It examines the impact of doctors, teachers, workers' councils and parent committees. Compliance with sanitary and hygienic norms was an urgent task as in educational institutions of the region frequent epidemics took place. Many schools did not meet hygienic standards. The main problems were the tightness of school buildings, non-observance of temperature mode in the premises during classes, leading to an increase in respiratory diseases among the pupils. During the First World War in connection with the arrival of immigrants and refugees in the region the number of epidemics which had a negative impact on the sanitary and hygienic state schools increased.

Key words: doctor, body care, gymnasium, diseases, classes, furniture, teachers, parents, sanitation, lessons, student, school, the epidemic.

***Smirnova A. V.* Gender analysis as a method of human capital evaluation (The case of demographic processes analysis)**

The article indicates the parameters for human capital evaluation on the levels of individual, organization, region and country. The processes of human capital reproduction at the macro-level are presented in the context of analysis of demographic situation in Russia and Ivanovo region.

Key words: human capital, gender aspects of morbidity, mortality and population shift, social policy, population policy.

***Shaidakova N. V.* Gender analysis of students' and schoolchildren's demonstrative consumption**

In this paper the results of empirical research of gender aspects of schoolchildren's and students' demonstrative consumption are given. According to the results of the research all students and schoolchildren are subject to conspicuous consumption, but it has different content. The results of the research allow asserting that conspicuous consumption is integrated more deeply into the gender socialization of women.

Key words: gender, gender socialization, conspicuous consumption.

***Tsvetkova N. A.* Personal characteristics of single women seeking for psychological help**

The article raises the problem of women's loneliness among modern Russians; it defines the concept of «women's loneliness», analyzes personal peculiarities of single women seeking for psychological help, determines types of women with the problem of female loneliness, gives results of factor analysis of the causes of female loneliness, offers an explanation

of female loneliness in modern Russia, identifies strategies of psychological consultancy for women who consider the absence of the man for stable love relationship as a problem.

Key words: loneliness, women — clients of psychologist, women's loneliness, the personal characteristics of single women, types of women suffering from loneliness, causes of female loneliness, a factor analysis of the causes of female loneliness, strategies of psychological assistance to women suffering from loneliness.

***Kozlova N. N.* Gender interpretation of K. N. Leontiev's political theory of byzantinism**

The article is devoted to gender analysis of K. N. Leontev's socio-political views. It looks into the samples of ideal masculinity in Leontiev's theory. The article focuses on such attributes of the masculine state as power and violence and analyzes social and political roles of men.

Key words: gender, byzantinism, androcentrism, patriarchy, masculinity, conservatism.

***Lyskova I. E.* The problems of woman's education in Russia in the aspect of self-management in the interpretation of Nikolai Kareev**

This article suggests a common analysis of the problems of woman's comprehensive and professional education in Russia in the late XIX and the early XX c. in the interpretation of a famous Russian scientist Nikolai Kareev. The modern situation requires new approaches to studying Kareev's scientific heritage, characterizing the history of self-management in Russia.

Key words: comprehensive and professional education, self-education, self-management, scientific heritage of N. I. Kareev

***Shtyleva L. V.* Interpretations of gender approaches in the Russian pedagogics in 2010s**

The article is devoted to the analysis of methodological and practical aspects of «gender pedagogics», presented in the tutorial of L. V. Gradusova «Gender pedagogics» and in pedagogical periodical press of 2012—2013. The author substantiates the conclusion that the pedagogical ideas and techniques offered by the «Gender pedagogics», reproduce, construct and implant in learners' mind the traditional gender stereotypes of ordinary consciousness, and don't comply with the aims of education in the conditions of globalization and transition of Russian society from industrial development to a post-industrial stage.

Key words: gender, sex, gender pedagogics, education, gender socialization, methodology, pedagogical technology.

***Zagrebin V. V.* Gender peculiarities of psychotropic substances consumption by youngsters (On the example of Kirov)**

This article is devoted to the study of frequency and peculiarities of different psychoactive substances consumption by the youngsters in Kirov. The pattern of boys' and girls' taking alcohol, drugs and nicotine (tobacco products) behavior was created on the base of empirical data.

Key words: substance, deviant behavior, youth, alcohol behavior, drug use, smoking.

АВТОРЫ НОМЕРА

- АБАЗОВ**
Алексей Хасанович кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник сектора истории,
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук.
alex_abazov@list.ru
- ВЫСОТСКИХ**
Ирина Константиновна доцент кафедры культурологии
и менеджмента в культуре,
Удмуртский государственный университет (Ижевск).
Irina.vysotskih@mail.ru
- ДОЛИДОВИЧ**
Олеся Михайловна кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальных технологий,
Сибирский федеральный университет.
dolidovich@mail.ru
- ЗАГРЕБИН**
Владимир Владимирович аспирант кафедры общей социологии
и социальной работы,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского.
zagrebin_vladimir@mail.ru
- КОЗЛОВА**
Наталья Николаевна кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии,
Тверской государственный университет.
n_s@pochta.ru
- ЛЫСКОВА**
Ирина Ефимовна кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Коми республиканская академия
государственной службы и управления.
IrinaLyskova@mail.ru
- МОРОЗОВ**
Сергей Дмитриевич доктор исторических наук, профессор кафедры истории
и философии, Пензенский государственный
университет архитектуры и строительства.
morozova4591@mail.ru
- СМИРНОВА**
Анна Владимировна кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
anyasmir@yandex.ru

Авторы номера

СУЛИМОВ
Вадим Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономики, управления и права,
Тобольская государственная социально-педагогическая
академия им. Д. И. Менделеева.
sulimov1968@mail.ru

ЦВЕТКОВА
Надежда Александровна

доктор психологических наук,
декан факультета психолого-социальной работы,
профессор кафедры психологического консультирования,
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы.
TsvetkovaNA@yandex.ru

ШАЙДАКОВА
Наталья Викторовна

преподаватель кафедры маркетинга,
НИУ ВШЭ (Н. Новгород).
nshaidakova@hse.ru

ШТЫЛЁВА
Любовь Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая
лабораторией социально-педагогических проблем
семейных отношений, Институт социальной
педагогики РАО (Москва).
lyubov-shtyleva@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Абазов А. Х. «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в.	3
Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны: демографический кризис и потери населения	10
Долидович О. М. Женотделы Енисейской губернии в 1921—1930 гг.	20
Высотских И. К. Общественная женская благотворительность в Удмуртии в 1920-х гг.	27
Сулимов В. С. Санитарно-гигиеническое состояние женских учебных заведений Западной Сибири в начале XX в.	36

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Смирнова А. В. Гендерный анализ как инструмент оценки человеческого капитала (На примере демографических процессов)	46
Шайдакова Н. В. Гендерный анализ демонстративного потребления в среде старшеклассников и студентов	53
Цветкова Н. А. Личностные особенности одиноких женщин, обращающихся за психологической помощью	61
Козлова Н. Н. Гендерная интерпретация политической теории византизма К. Н. Леонтьева	72
Лыскова И. Е. Н. И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента	80

ГЕНДЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Штылёва Л. В. Интерпретация гендерного подхода в российской педагогике 10-х гг. XXI в.	87
--	----

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Загребин В. В. Особенности потребления юношами и девушками психоактивных веществ (На примере г. Кирова)	93
<i>Аннотации</i>	103
<i>Авторы номера</i>	109

CONTENTS

WOMEN'S AND GENDER HISTORY

Abazov A. Kh. The theft of the bride as an institute of social and normative culture of Kabardians in the late XIX c.	3
Morozov S. D. Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and loss of population	10
Dolidovich O. M. Women's departments of Yenisei province in 1921—1930	20
Vysotskih I. K. Female charity in Udmurtia in the 1920s.....	27
Sulimov V. S. Sanitary-hygienic state of women's educational facilities in Western Siberia in the early XX c.	36

GENDER SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY

Smirnova A.V. Gender analysis as a method of human capital evaluation (The case of population processes analysis)	46
Shaidakova N. V. Gender analysis of students' and schoolchildren's demonstrative consumption	53
Tsvetkova N. A. Personal characteristics of single women seeking for psychological help	61
Kozlova N. N. Gender interpretation of K. N. Leontiev political theory of byzantinism	72
Lyskova I. E. The problems of woman's education in Russia in the aspect of self-management in the interpretation of Nikolai Kareev	80

GENDER PEDAGOGICS: CRITICAL APPROACH

Shtyleva L. V. Interpretations of gender approaches in the Russian pedagogics in 2010s	87
---	----

FIRST PUBLICATION

Zagrebin V. V. Gender peculiarities of psychotropic substances consumption by youngsters (On the example of Kirov)	93
<i>Summaries</i>	106
<i>Authors of the issue</i>	109

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с приставным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 (72) — 2014

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.09.2014 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 218. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

